

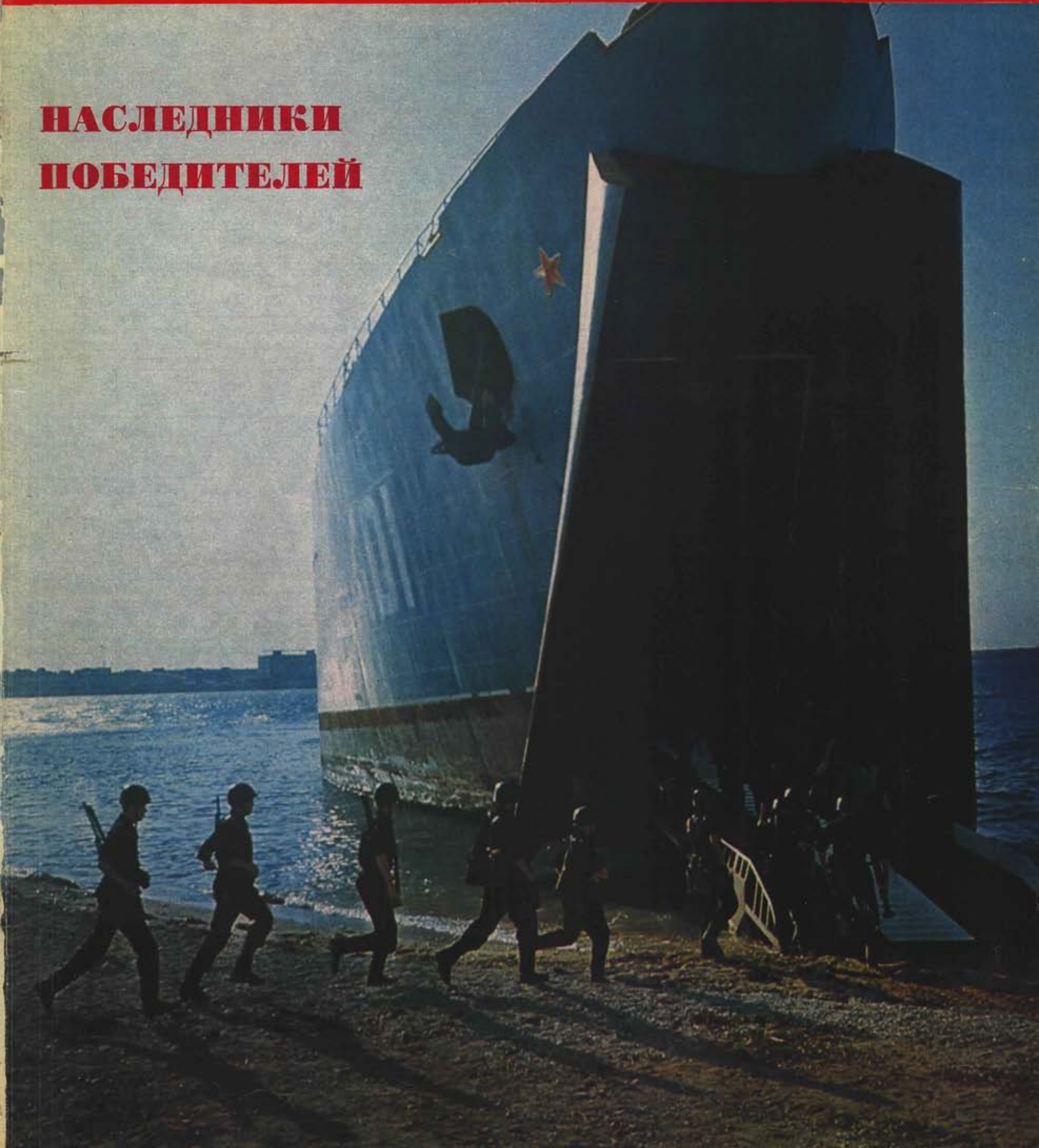

СМЕНА

№ 8 АПРЕЛЬ 1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

НАСЛЕДНИКИ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

ИСТОЧНИК СИЛЫ И ВДОХНОВЕНИЯ

Владимир Ильич Ленин на Красной площади во время празднования 2-й годовщины Октября. Москва, 7 ноября 1919 года.

В этом году исполняется 55 лет с того исторического дня, когда Владимир Ильич выступил на открытии III Всероссийского съезда РКСМ с речью «Задачи союзов молодежи». Эта речь вождя стала подлинно историческим, программным документом марксизма-ленинизма, раскрывающим во всей полноте проблемы коммунистического воспитания подрастающего поколения, задачи его созидательной деятельности на весь период строительства нового общества.

Чтобы донести до ума и сердец юных поколений всю глубину философской мысли, заключенной в ленинском выступлении перед молодежью, многие выдающиеся деятели нашей партии и государства, представители отечественной культуры, науки и искусства в своих статьях, речах и переписке оставили немало ценнейших советов и рекомендаций, как руководствоваться ленинскими заветами в жизни и борьбе.

Ниже публикуется краткий конспект обращений к молодежи в связи с прочтением речи В. И. Ленина на III съезде РКСМ М. И. Калинина, Н. К. Крупской, А. В. Луначарского, С. М. Кирова, А. М. Горького, Н. К. Рериха, С. Т. Коенкова и Ю. А. Гагарина. Конспект подготовлен журналистом В. Десятериком.

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ КАЛИНИН

Заветами по коммунистическому воспитанию называл М. И. Калинин речь В. И. Ленина «Задачи союзов молодежи». Сам он неоднократно ссылаясь на ленинские мысли, каждый раз привнося что-то сугубо личное в их восприятие и толкование. Приветствуя в декабре 1922 года делегатов III конгресса Коммунистического Интернационала молодежи, Михаил Иванович подчеркивал, что задача «учиться» действительно является для них коренной и основной.

2 октября 1940 года, в тот день, когда исполнялась двадцатая годовщина со времени встречи В. И. Ленина с делегатами III съезда, М. И. Калинин сделал доклад на собрании партийного актива г. Москвы, посвященный проблемам коммунистического воспитания. Начал он его с очень интересного наблюдения. Михаил Иванович пристально всматривался в лица собравшихся, и в памяти его неожиданно возникло одно из важных положений ленинской речи. Тогда, в 1920 году, Владимир Ильич говорил комсомольцам, что вряд ли поколение, воспитанное при капитализме, осуществит задачу создания коммунистического общества. Эта задача ляжет на молодежь. Но ведь в зале и сидят представители того поколения комсомольцев, к которому в свое время обращался Ильич. Сейчас эти бывшие комсомольцы — уже взрослые, они получили опыт жизни, активно участвуют в социалистическом строительстве. Это сопоставление взволновало и обрадовало Михаила Ивановича: «Я вместе с вами аплодирую именно вам — строителям социализма».

Дальше в своем докладе М. И. Калинин убедительно доказал, что поставленные В. И. Лениным на III съезде РКСМ задачи несколько не утратили своей значимости на данном периоде коммунистического строительства.

«Какие задачи мы ставим на сегодня в качестве основных в области коммунистического воспитания? И есть ли это вообще принципиально новые задачи по сравнению с тем, о чем говорил Ленин на III съезде комсомола двадцать лет назад? — спрашивает он. И отвечает: — Конечно, обстановка в Советском Союзе за это время значительно изменилась. Но, по существу, задачи коммунистического воспитания, поставленные Лениным двадцать лет тому назад, актуальны и для настоящего времени.

Не мешало бы почаще напоминать эти задачи тем, кто старается абстрактно воспроизвести черты коммунистического общества. Такие любители «потереть риторикой», пометать «глубокомысленно» о своеобразных чертах будущего человека, ассоциируя коммунизм с неопределенно хорошим будущим, вкладывают и в ком-

мунистическое воспитание эту отвлеченность. По-моему, это гадание на кофейной гуще, а не проникновение в будущее».

НАДЕЖДА КОНСТАНТИНОВНА КРУПСКАЯ

Будучи все годы тесно связана с комсомолом и пионерией, Н. К. Крупская в статьях, выступлениях, обширнейшей переписке разъясняла молодежи суть ленинских заветов, подсаживала, как следует постигать идеи, изложенные Владимиром Ильичем, и руководствоваться ими. «Все ребята старших классов, все вожатые и комсорги должны знать эту речь не «для порядка» только, а как руководство к действию», — говорила Надежда Константиновна.

В речи на собрании московского актива комсомола, которое прошло в дни, когда исполнилось десять лет после выступления Владимира Ильича на III съезде РКСМ, Н. К. Крупская высказала принципиально важную мысль о том, что время не только не властно над основополагающими заветами, оставленными вождем молодому поколению, но даже наоборот, эти заветы теперь воспринимаются еще более актуально. И объясняла, почему так происходит. «Эти 10 лет были годами борьбы», — говорила Надежда Константиновна. — За эти 10 лет мы продвинулись значительно вперед во всех областях работы и в смысле организационном и в смысле поднятия всего движения на высшую ступень. Многие из того, что тогда было, еще установкой, перспективой, сейчас проводится в жизнь и выступает поэтому гораздо ярче, злободневнее... В настоящее время жизнь так подчеркнула некоторые места этой речи, что теперь она всему комсомолу в целом, чрезвычайно выросшему за эти годы, становится гораздо ближе и понятнее».

Н. К. Крупская на том собрании отмечала и некоторые ошибочные тенденции, возникавшие при толковании отдельных положений ленинской речи. Она приводит два примера. Так, Владимир Ильич говорил о том, что молодежи надо учиться. Иногда же эти слова выхватывались из общей связи и превращались в шаблонное поучение. Иные педагоги говорили: «Это не ваше дело, вам Ленин говорил, что вам надо еще учиться». Или находились другого рода толкователи, которые, стремясь попасть в вузы, «выйти в люди», устроиться получше, всячески отлынивали от общественных дел да при этом прикрывались рассуждениями: «Ленин ведь нам завещал учиться, учиться и учиться». Развешивая подобные настроения, Н. К. Крупская прямо заявляла: «...В другом смысле говорил Владимир Ильич. Он говорил об учебе не в том смысле, что надо «продвинуться по лестнице» куда-то выше, а говорил об учебе, которая необходима для

того, чтобы научиться строить социализм».

Успехи молодежи на фронтах первых пятилеток вызвали законную гордость и восхищение у Н. К. Крупской. Надежда Константиновна видит, как грандиозное строительство, ударные темпы захватывают молодежь, как с каждым новым достижением страны растет и ее молодая смена. Характерно, что именно в тридцатые годы во многих выступлениях Н. К. Крупской перед молодежью содержится призыв вновь и вновь обращаться к чтению ленинской речи: «Комсомольцы должны проверить себя, еще раз прочитать речь Ильича и зарядиться как следует для большой работы по организации по-новому всей жизни в быту, в работе и учебе».

Каждое новое прочтение ленинской речи, убеждала Н. К. Крупская, очень полезно для юношей и девушек, ибо, «перечитывая ее, комсомольцы вычитывают в этой речи новое, глубже понимают ее».

АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛУНАЧАРСКИЙ

Первый нарком просвещения много раз выступал с публичными комментариями положений, изложенных Лениным в речи на III съезде РКСМ. В докладе «Ленин и молодежь», который А. В. Луначарский прочитал в Коммунистическом университете имени Я. М. Свердлова в 1924 году, он охарактеризовал ленинскую речь как блестящую и бездонно глубокую. Когда на следующий год, во время очередного выступления, ему пришлось несколько раз процитировать речь Владимира Ильича «Задачи союзов молодежи», он называет ее гениальнейшей и добавляет: «...Эти слова так мудры, так поучительны, они еще не так полно вошли в жизнь, что их, конечно, нужно не уставать повторять вновь и вновь».

Говоря о важнейших конкретных советах, которые Ленин дал молодежи, А. В. Луначарский особенно подробно останавливается на лозунге «учиться», на задачах овладения культурным наследием, на проблемах сознательной дисциплины. Учиться — это центральный лозунг для молодежи, подчеркивает он в 1926 году в статье, опубликованной «Комсомольской правдой». Анатолий Васильевич так раскрывает смысл ленинского завета: «Учиться — это значит овладеть всей культурой нынешнего дня, той точной наукой, без которой мы не сможем шагу ступить вперед, той техникой, на базе которой мы будем развиваться, той историей — во всей ее совокупности, от истории труда и хозяйства до истории искусства, которая организует человеческий разум и которую мы мощно и сознательно призваны продолжать. Ленин сказал, что без усвоения всей предыдущей культуры нельзя идти вперед».

Конечно, ни один человек не может овладеть всей предыдущей культурой. Ленин имел в данном случае в виду коллектив, все объединенное товарищеское поколение, которое идет за нами и которое продолжает дело старой гвардии большевизма.

Но овладеть культурой нашего времени не значит просто усвоить все знания. Это значит провести их сквозь призму критики сегодняшнего дня».

Весьма поучительны также рассуждения А. В. Луначарского относительно ленинских положений по выработке каждым молодым человеком сознательной дисциплины.

Нельзя не отметить, подчеркивал А. В. Луначарский, богатства идеи Владимира Ильича, которой он коснулся, к сожалению, вскользь, что на место муштры, которая проводилась в буржуазном обществе, мы ставим сознательную дисциплину. В сущности говоря, в этом корень так называемой моральной проблемы... В на-

шем обществе, в нашей школе не должно быть муштры, но это не ради анархо-индивидуализма, не ради распыления под предлогом «свободы», а ради несравненно более прочных, чем все вырабатываемое муштрой, основ сознательной дисциплины. Какова должна быть форма этой дисциплины? Как воспитать индивид таким образом, чтобы дисциплина эта не была внешним давлением, а внутренним побуждением? И где начинается абсолютное свободное самоутверждение личности? Вот проблемы нашей морали.

И, наконец, такое наблюдение Луначарского. Важно не упустить того важного обстоятельства, что, обращаясь по преимуществу к коммунистической молодежи, Владимир Ильич отнюдь не забывал всей остальной и «звал коммунистическую молодежь... к расширению и требовал от нее большой вербовочной работы». Акцентируя внимание молодежи на этом ленинском положении, Анатолий Васильевич стремится к тому, чтобы оно было до конца понято правильно, ибо любые бросания в ту или другую крайность были бы нежелательны. «...Никогда не станем мы на ту точку зрения, что надо зазывать и излавливать,— подчеркивает А. В. Луначарский.— Никогда не будем мы приглашать на манер Василия Буслаева из былины всех к себе на широкий двор. Для нас вербовать — значит готовить, а подготовив, организовывать...»

Наша молодежь не может не быть ленинской. А поскольку эта молодежь ленинская, постольку, созревая, она должна дать поколение богатейших, способных на октябрьском фундаменте возвести здание коммунизма».

СЕРГЕЙ МИРОНОВИЧ КИРОВ

Если проанализировать выступления перед комсомольцами выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства С. М. Кирова, то легко заметить, что он не упускал ни одной возможности, чтобы напомнить юношам и девушкам о ленинских заветах, о необходимости строго следовать им, проводить их в жизнь.

«...Ильич чему учил, в частности, вас, комсомол?—спрашивал С. М. Киров делегатов XII Ленинградской губернской конференции комсомола 4 марта 1926 года.— Он говорил: если вы, товарищи дорогие, будете замыкаться только в одну коммунистическую литературу, то дело из этого не выйдет, этого мало, а вы должны с кожей и костями влезть в армию труда, в которой вы работаете, должны приобщиться к той сумме общих знаний, которые достались нам от буржуазии, эти знания по-своему переварить, переработать. Это ваша обязанность прежде всего».

В докладе на II Ленинградской областной конференции ВЛКСМ 25 ноября 1929 года Сергей Миронович так же принципиально указывает комсомольцам на недостатки в их работе, на то, что они не всегда последовательно доводят до логического завершения начатые хорошие дела.

«Я хочу напомнить вам то, что говорил о вас Владимир Ильич Ленин. Он говорил, что «Союз коммунистической молодежи должен быть ударной группой». Во всех областях нашей работы мы именно такие требования должны предъявлять комсомолу. Мы знаем, что вы были пионерами очень больших вещей. Вы возродили такую практику в нашей работе, как социалистическое соревнование, ваши бригады проделывают громадную работу, вы сплошь и рядом развертываете широкую инициативу в ряде вопросов. Но есть и изъяны. Часто огромные начинания, великие начинания, до конца у вас полностью не до-

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 8 [1150]
АПРЕЛЬ
1975

Наша обложка:
БДК принимает морской десант.
Фото Владимира ЧЕИШВИЛИ

РЕПОРТАЖ О МОРСКИХ ПЕХОТИНЦАХ НА СТРАНИЦАХ 12—17.

ЗОЛОТОЕ СЕРДЦЕ

4.
НАШ КОНКУРС:
«НАСТАВНИЧЕСТВО».

6.
ЭКСПЕДИЦИЯ «СМЕНИ» —
БАМ.
ЗИМНИК, ТРУДНЫЕ
КИЛОМЕТРЫ.

23.

РАССКАЗ ВАСИЛИЯ
ФАРТЫШЕВА
«МАГНИТНОЕ ПОЛЕ».

СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР «СМЕНИ»
ПОСВЯЩАЕТСЯ
30-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ
СОВЕТСКОГО НАРОДА
НАД ГИТЛЕРОВСКИМ ФАШИЗМОМ

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашии, А. П. Кулешов, В. В. Луцкий [заместитель главного редактора], В. Г. Победоносцев, Р. И. Рождественский, Е. И. Рябчиков, Г. В. Семенов, А. П. Середа, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник], Д. Н. Филиппов

Художник Г. С. Терзибашьянц Технический редактор Л. И. Курлыкова

водятся. Вот наверно, наверно сгоряча, выходит это громко, а проходит известное время, эта группа молодежи остывает, источника питания в общей массе не получает, и дело, которое было ударно вчера, остывает именно потому, что весь комсомол в целом еще недостаточно ударен во всей этой своей инициативе. Но я думаю, что такие вещи исправимы: в основном найти такую молодежь, как коммунистическая молодежь, нигде не найдешь. Мы не найдем людей с большим самопожертвованием, чем наше подрастающее поколение. Но это не дает нам права закрывать глаза на наши недостатки».

Выступая в 1933 году на торжественном заседании комсомольского актива Ленинграда, посвященном пятнадцатилетию со дня основания ВЛКСМ, Сергей Миронович останавливается на раскрытии содержания ленинского лозунга «учиться» для комсомольцев тех дней.

«Ленин говорил, что дело складывается таким образом, что комсомол будет настоящим, подлинным, непосредственным строителем коммунистического общества. Если это так было в 1920 году, то тем более верно это положение в 1933 году. Отсюда во всей своей силе и полноте остается и та задача, которую сформулировал Ленин. Эту задачу Ленина можно уложить в одно слово—**учиться**. Вот если в это простое, как будто бы самое обыкновенное слово вдуматься, если понять, что хотел сказать этим словом, формулируя основные задачи комсомола, Ленин, то станет ясно, что все остальные задачи — большие и малые, сегодняшние и завтрашние, повседневные и принципиальные,—все эти задачи комсомола покрываются в конечном счете одной общей задачей — задачей **учиться**...» Далее следует пламенное обращение Сергея Мироновича:

«Уверю вас, товарищи, что, если мы с вами сегодня, в день нашего торжества, дадим настоящую комсомольскую, большевистскую клятву, что каждый из нас, на каком бы фронте или участке работы он ни находился, что каждый из нас действительно будет проводить в жизнь этот лозунг «учиться», уверю вас, что наша вторая пятилетка даст нам гораздо больше результатов, гораздо больше достижений, чем те, которые мы имели в период первой пятилетки».

В самом конце выступления С. М. Киров еще раз призывает комсомольцев твердо проводить в жизнь ленинские заветы: «И вот, если мы с вами в сегодняшний великий наш праздник условимся бережно, самоотверженно следовать тем указаниям, которые нам даны великим осново-

положником нашей партии—В. И. Лениным, если мы, независимо от того, на каком участке работы исполняем наши обязанности—будем ли мы полоть огурцы на наших огородах или будем взлетать на чудесных шарах в стратосферу,—если мы будем помнить этот основной завет великого учителя, то мы, товарищи, и впредь будем так же успешно, так же победоносно продолжать великое дело...»

АЛЕКСЕЙ МАКСИМОВИЧ ГОРЬКИЙ

25 сентября 1932 года в Большом театре собралась молодежь, чтобы приветствовать своего любимого писателя в связи с сорокалетием его литературной и революционной деятельности. Что сказать молодым строителям нового общества, как выразить им свою любовь, всю силу искреннего почтения, как донести до их сознания, до их сердец то самое важное, следуя чему каждый из них еще больше сможет обогатить свою жизнь? И Алексей Максимович обращает к залу слова, перекликающиеся с крылатым ленинским заветом поколениям, идущим на смену: «Я призываю молодых соратников моих учиться, как можно больше учиться, узнавать свою страну, знать хорошо, где, что в ней, в чем она нуждается, знать ее прошлое и настоящее и будущее, чтобы иметь представление о том, как и что нужно делать для будущего. Я думаю, неплохой завет: надо учиться!»

Три года спустя в статье «Знать прошлое—необходимо», написанной в дни, когда отмечалось 15-летие ленинского выступления на III съезде РКСМ, А. М. Горький дает совет молодежи еще раз вдуматься в содержание бессмертных наказов вождя, вооружаться ими.

«...Знать прошлое,—подчеркивает писатель,—необходимо, без этого знания заплутаешь в жизни и можешь снова попасть в то грязное, кровавое болото, из которого вывело нас и поставило на широкий прямой путь к великому счастливому будущему мудрое учение Владимира Ильича Ленина. Он учил:

«Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество»...

«Было бы ошибочно думать так, что достаточно усвоить коммунистические лозунги, выводы коммунистической науки, не усвоив себе той суммы знаний, последствием которых является сам коммунизм»...

«Без работы, без борьбы книжное знание коммунизма из коммунистических брошюр и произведений равно ничего не стоит, так как оно про-

должало бы старый разрыв между теорией и практикой, тот старый разрыв, который составлял самую отвратительную черту старого буржуазного общества»...

Нам, а особенно наследнице нашей—молодежи, вооружаться знанием так же необходимо, как вооружаться сталью для отражения наших врагов...»

НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ РЕРИХ

Замечательный русский художник Н. К. Рерих в последние годы жизни в своем дневнике, в письмах друзьям восторженно приветствуя победы советского народа над фашизмом, радуясь достижениям его во всех областях духовной жизни, не один раз возвращается к ленинским мыслям о бережном отношении к культурному наследству, о первой задаче, стоящей перед молодежью,—«учиться».

17 июня 1944 года, прочитав в одной американской газете слова о том, что грядущая эпоха будет русским веком, Н. К. Рерих записывает в дневнике: «Народ русский научился ценить прошлое. По завету Ленина русский народ сбережет достижения старого знания, без них новой культуры не построить. Знать, знать, знать, учиться, учиться, учиться. На Руси будет праздник». В 1946 году художник вновь возвращается к этому ленинскому напутствию: «Велик Ленин в своем приказе: «Учиться! Учиться! Учиться!» Велик он в призыве к движению, к вечной диалектике. Эта подвижность, бесстрашие, одоление невежества есть завет истинного создателя. Мир в его вечном становлении, в неудержимом движении изучаем с точки зрения диалектики».

СЕРГЕЙ ТИМОФЕЕВИЧ КОНЕНКОВ

Лауреату Ленинской премии, народному художнику СССР, Герою Социалистического Труда С. Т. Коненкову посчастливилось не один раз встречаться с В. И. Лениным. В своем творчестве он отдал большую дань ленинской теме. Одну из созданных им скульптур вождя в 1966 году художник подарил Ленинскому комсомолу.

Обращаясь к советской молодежи, С. Т. Коненков писал: «Я с большим доверием смотрю на нашу прекрасную молодежь. Ей строить, ей жить в коммунизме. Каждый из нас, создавая будущее, должен щедро делиться накопленным богатством. Жизненный опыт и наши труды — обществу! На III съезде комсомола Владимир Ильич призывал молодежь «учиться ком-

мунизму». Искусство будет занимать все большее место в жизни человека. Учиться коммунизму — значит активно участвовать в его созидании, сознательно идти навстречу богатствам духовной культуры человечества. Так я понимаю Ленина. Так я понимаю наше время...»

ЮРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ГАГАРИН

Первый человек, проложивший дорогу в космос, был воспитанником Ленинского комсомола, славным сыном Коммунистической партии, советского народа. Сам он всегда гордился своей причастностью к партии Ленина. С раннего возраста познав животворную силу ленинских идей, Ю. А. Гагарин избрал их своим компасом в жизни и всюду, куда бы ни посылала его Родина, создал себя борцом за торжество великих коммунистических идеалов.

Когда Юрию Алексеевичу выпало счастье впервые открывать движение по космическим трассам, перед полетом он пришел на Красную площадь, к Мавзолею — к Ленину...

«Меня всегда поражает всеобъемлющий и разносторонний гений Ленина, — писал космонавт номер один. — Удивительна была способность Владимира Ильича угадывать великое будущее новых, едва оформившихся идей, теорий, направлений технического прогресса... Мы по праву гордимся тем, что космонавтика стоит в ряду этих проблем, отмеченных вниманием Ильича».

Подобные размышления перерастали в искреннюю сыновнюю любовь, в восхищение, твердое желание неукоснительно следовать мудрым заветам вождя. Ю. А. Гагарин, выступая в различных молодежных аудиториях, особенно часто напоминал юношам и девушкам об одном из важнейших ленинских заветов — учиться коммунизму. Вот он произносит речь на XV конференции Московской городской организации ВЛКСМ в марте 1962 года. Ссылаясь на свою собственную жизнь, Юрий Алексеевич говорил: «...И я, и Герман Титов, и другие космонавты учимся, так как учеба нам необходима, как необходима она всему советскому народу. Ведь нам строить коммунизм, а чтобы строить новое, надо учиться. Я призываю всю советскую молодежь, всех комсомольцев учиться как можно больше, как можно лучше. Учиться везде, в самых различных кружках, университетах, школах, в самых различных учебных заведениях. И чем больше человек будет знать, тем больше пользы он принесет своему народу, тем больший вклад он внесет в дело строительства коммунизма».

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН:

Быть членами Союза молодежи, значит вести дело так, чтобы отдавать свою работу, свои силы на общее дело. Вот в этом состоит коммунистическое воспитание.

Из речи на III съезде РКСМ

ГОД ПОСЛЕ XVII СЪЕЗДА КОМСОМОЛА ЧТО СДЕЛАНО, ЧТО ПРЕДСТОИТ

Строка из резолюции съезда:

...добиться новых успехов в борьбе за успешное выполнение решений XXIV съезда КПСС, ознаменовать ударным, самоотверженным трудом, отличной учебой, высокопроизводительной работой каждый оставшийся день девятой пятилетки.

На календаре — апрель 1975 года. Месяц, отмеченный рождением Владимира Ильича Ленина, месяц, вошедший в историю человечества как начало космической эры, месяц, предшествующий знаменательной годовщине — 30-летию Победы в Великой Отечественной войне. Нынешний апрель памятен еще и тем, что ровно год назад в жизни Ленинского комсомола, всей советской молодежи произошло знаменательное событие — XVII съезд ВЛКСМ.

Серьезные задачи, поставленные в Приветствии ЦК КПСС, в речи Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, в решениях съезда, стали конкретной программой действий 34-миллионного отряда молодых труженников страны.

Как известно, съезд нацелил комсомольские организации страны на успешное выполнение и перевыполнение планов девятой пятилетки. «Как выполняется это указание, чем конкретно знаменателен для вас и для вашей комсомольской организации год, прошедший после XVII съезда?» — с таким вопросом наш корреспондент Борис ДАНИШЕВСКИЙ обратился к делегатам комсомольского форума: секретарю Приморского крайкома ВЛКСМ Николаю Романову, наладчику автоматов Московского завода имени Владимира Ильича Виктору Котову и секретарю комитета ВЛКСМ Уральского научного центра АН СССР, кандидату биологических наук Нине Пичугиной. Вот что они рассказали.

Николай РОМАНОВ, секретарь Приморского крайкома ВЛКСМ

Сразу после XVII съезда ВЛКСМ во Владивостоке состоялся пленум крайкома комсомола, на котором делегаты поделились с товарищами самыми яркими впечатлениями о прошедшем форуме. Две главные мысли пронизывали их выступления: сегодня вопросы трудового и идейно-политического воспитания, как никогда, необходимо уметь решать в неразрывной связи — это первое. Второе: комсомольскую работу, ее эффективность в наши дни недостаточно оценивать успехами отдельных коллективов или передовиков, добившихся наивысших показателей. Ударный труд должен стать массовым явлением — именно на этом и сосредоточено внимание краевой комсомольской организации.

Наш край — край морского рыболовства. Китобой, рыбаки, промысловики — самая крупная категория комсомольцев. Например, только один комитет ВЛКСМ Управления автономного морского рыболовства объединяет 3,5 тысячи комсомольцев. Большинство комсомольско-молодежных коллективов находится на отличном производственном счету.

Неплохо поработали в прошлом году и комсомольско-молодежные коллективы Всесоюзных ударныхстроек. Их у нас в крае шесть. В Директивах по девятому пятилетнему плану Новоспасский цементный завод значится как пусковой объект этого года. Пер-

вая очередь завода сейчас готовится к пуску. Другая важная стройка — порт Восточный в бухте Врангеля. Два его причала уже готовы, ведутся последние работы и на третьем.

На собраниях, которые прошли сразу после съезда, комсомольцы по-новому взглянули на свое отношение к труду, пересмотрели взятые обязательства. Тон в этом задавали делегаты съезда. Так, скреперист Черниговского стройуправления Владимир Конюхов обязался выполнять все работы только с отличным качеством. Его почин подхватили многие молодежные коллективы. В крае хорошо известна комсомольская бригада строителей, которой руководит кавалер ордена Ленина З. С. Малкин. Фундаменты, сработанные бригадой, оцениваются только на «отлично».

Высокопроизводительное использование техники, экономия времени, материалов, отлаженная трудовая дисциплина — вот слагаемые успехов бригады. И, конечно же, нельзя забывать, что руководит молодыми умелый, грамотный бригадир — член краевого Совета наставников. Их у нас в крае более 7 тысяч человек. Движение наставничества после XVII съезда превратилось в стройную систему трудового и идейного воспитания молодой смены рабочего класса.

Объектом особой комсомольской заботы в послесъездовском году стала мелиорация. Дело в том, что на съезде нас совершенно справедливо упрекали за медленные темпы мелиоративных работ, низкое их качество. Сейчас положение резко изменилось к лучшему. Для того чтобы выполнить плановые задания, мелиораторы не останавливали работу на чеках даже зимой. Многие молодые строители повысили квалификацию на специальных курсах, что сразу отразилось на качестве работ. Так что критика пошла нам явно на пользу. Сегодня мелиораторы работают ритмично, с точным соблюдением технологических и инженерных норм.

И последнее, что хотелось бы отметить, говоря о приятных событиях минувшего года. За ударный труд в девятой пятилетке лучшие из лучших передовиков производства, победители соцсоревнования удостоились права быть сфотографированными у святыни нашего народа — Знамени Победы. Это почетное право получили 244 комсомольца.

Виктор КОТОВ, наладчик автоматов Московского завода им. Владимира Ильича

Во всех концах страны да и всего света работают электродвигатели с маркой завода имени Владимира Ильича. Быть рабочим завода, носящего имя великого вождя, — это и высокая честь и большая ответственность. И каждый юноша и девушка, которые трудятся у нас, стараются работать так, как того требует наше время, — с наибольшей отдачей и пользой.

Вечером после заседаний съезда я приходил в свой цех, чтобы поделиться с ребятами новостями, интересными идеями, прозвучавшими со съездовской трибуны, рассказать им о встречах с товарищами по комсомольской работе, с почетными гостями. Особенно запомнилась одна встреча, которая произошла у нас, группы делегатов в холле Кремлевского Дворца. Около алого строя знамен, овеянных боевой и трудовой славой нашего народа, мы разговаривали с ветеранами труда, известными наставниками молодежи. Среди них был бригадир слесарей-сборщиков Ленинградского объединения «Электросила» С. С. Витченко. Он рассказывал о молодых рабочих своей бригады, делился опытом воспитания подростков, отвечал на наши вопросы. И вот когда у нас в цехе после съезда решено было создать Совет наставников, за основу мы

приняли опыт ленинградцев. В Совет вошло 14 человек — кадровые рабочие, бригадиры, люди, имеющие богатый производственный и жизненный опыт. Возглавил Совет ветеран завода бригадир комсомольско-молодежного коллектива А. П. Никонов, его заместителем стала Герой Социалистического Труда А. А. Лезина.

Вы спрашиваете, чего добились мы в послесъездском году? Прежде всего хочу напомнить, что работа съезда меньше всего походила на отчет о достижениях. Не только с трибуны, но и в беседах друг с другом делегаты откровенно и заинтересованно говорили об узких местах в своей работе. В нашем цехе, например, таким «узким» местом были... вчерашние пэтэушники. Ведь не секрет, что первые самостоятельные шаги на производстве — самые трудные. Вчерашний ученик очень нуждается в постоянной поддержке. Значит, надо создавать в цехе такие условия, в которых новичок будет чувствовать себя своим, нужным производству человеком. Вот и ломали мы вместе с начальником цеха А. Ф. Шляпниковым головы, обсуждая после съезда эти вопросы. Сейчас могу совершенно смело сказать, что выход нашли правильный: в создании цехового совета наставников, о котором я только что говорил. Совет во многом взял на себя работу по воспитанию молодых рабочих. А их у нас как-никак 70 процентов!

Постепенно в бригадах стала создаваться атмосфера подлинно творческого поиска. За успехи в заводском соревновании, посвященном 50-летию присвоения комсомолу имени В. И. Ленина, комсомольской организации цеха было присвоено имя XVII съезда ВЛКСМ. К началу 1975 года 56 из 70 комсомольцев цеха носили высокое звание ударников коммунистического труда!

А разве не показательны такие вот факты: к 12 июля трое молодых рабочих цеха: автоматчица Людмила Фокеева, токарь Петр Селиванник и намотчик сопротивлений Анатолий Кислицын выполнили личные пятилетние задания за 3,5 года.

Это, так сказать, наш авангард. За ним идут и остальные: незадолго до 22 апреля еще 20 комсомольцев цеха рапортовали о завершении девятой пятилетки!

Нина ПИЧУГИНА, секретарь комитета ВЛКСМ Уральского научного центра АН СССР, кандидат биологических наук

Мне хорошо запомнилось, что на комсомольском съезде шел очень серьезный, обстоятельный разговор о вкладе, который обязаны внести в

технический прогресс молодые ученые. Сегодня наша страна занимает ведущее место в мире в области атомной энергетики, термоядерной физики, медицины. Завоеваны эти позиции прежде всего учеными старшего поколения. Но ведь хорошо известно, что и перед молодыми научно-техническая революция открывает необозримое поле для приложения энергии, пылливости, настойчивости. «Думать и учиться» — этот лозунг, как было подчеркнуто на XVII съезде ВЛКСМ, должен пронизывать деятельность современного молодого человека, в том числе и ученого.

Комсомольцы-ученые Уральского научного центра АН СССР стремятся внести как можно больший вклад в выполнение планов девятой пятилетки. В практику нашей повседневной работы все прочнее входят общественные конструкторские бюро, комплексные группы внедрения. В комитете ВЛКСМ Уральского научного центра после XVII съезда был создан сектор по внедрению. Институты центра заключили несколько союзов договоров о научно-техническом сотрудничестве с рядом промышленных предприятий. Сектор по внедрению организует участие в осуществлении этих договоров молодых ученых.

Сегодня в нашем лексиконе стала привычной формула «Наука — производству». Что означают эти слова на деле? Вот только один пример. Институт химии (секретарь комитета ВЛКСМ, кандидат химических наук Борис Митрофанов) заключил договор с Кировградским химическим заводом, где ученые ведут комплексную разработку по твердым сплавам, причем сотрудничество идет не только между институтом и заводом, но и между двумя комитетами комсомола. В результате ученым вместе с заводскими конструкторами удалось создать такой твердый сплав, применение которого дало комбинату экономический эффект, исчисляемый несколькими миллионами рублей.

Думают у нас в комитете ВЛКСМ и над новыми формами сотрудничества с производственниками. Недавно мы организовали на «Уралмаше» «Трибуну молодого ученого». Члены молодежной лекторской группы регулярно читают на этом объединении лекции, тематика которых разработана с учетом специфики предприятия. Предполагаем организовать такую же «Трибуну» и на Красноуральском медеплавильном комбинате им. Серго Орджоникидзе. Я недавно туда ездила, выясняла, что там необходимо сделать. Комитет принял решение вести работу в трех направлениях. Первое — социологическое исследование. Надо разобраться, почему на комбинате большая текучесть молодых кадров. Этим делом займутся молодые социологи Института экономики. Второе направление: поскольку это медеплавильное производство, огромное значение приобретают вопросы охраны окружающей среды. В этом плане мы начнем с цикла лекций по охране природы, а затем поможем комсомольцам комбината в озеленении территории. Подобрать нужные виды растений, деревьев вызвались комсомольцы Института экологии растениеводства. Третье направление — популяризаторское: над комсомольцы прочтут цикл лекций по самым актуальным проблемам современной науки и техники.

Выступая на съезде, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев сказал, что сегодня как никогда остро перед молодежью стоит задача пополнять и углублять свои знания, овладевать последними достижениями науки и техники. Эти слова молодые ученые Уральского научного центра восприняли как партийный наказ.

Строка

из резолюции съезда:

Поднимать воспитательную роль комсомольско-молодежных коллективов. Развивать движение наставничества, шире привлекать к воспитанию молодежи кадровых производственников, ветеранов труда, передовиков соревнования.

Конкурс читателей «Смены» «Наставничество»

В прошлом году «Смена» (№ 4, 1974 год) объявила конкурс читателей на тему «Наставничество». Конкурс явился естественным продолжением того постоянного разговора о роли наставника в жизни молодого человека, который давно ведет журнал.

Наставник — понятие широкое. «Наставник — это учитель, руководитель», — читаем мы в словаре Даля. По условиям конкурса читатели должны были рассказать о том, как заводской мастер помог молодому рабочему овладеть своей профессией, как учитель в школе, родители в семье, комсорг, тренер помогали молодому человеку найти свое место в жизни.

Сотни писем пришли в редакцию. В них искренние, взволнованные рассказы девушек и юношей, судьба которых не стала безразличной для старших, живущих и работающих рядом с ними. Сколько признательности, благодарности высказали своим наставникам ребята! В нашей почте есть письма и тех, кто сам стал наставником, пройдя школу ученичества у первых советских мастеров.

По письмам читателей можно проследить эстафету профессионального мастерства, гражданской и нравственной закалки рабочих поколений; увидеть становление социалистической сознательности. Письма эти — людские судьбы, в них просматривается наша ежедневная жизнь с кропотливой и трудной работой, направленной на воспитание коммунистической нравственности.

«Знайте, граждане! И в 29-м длится и ширится Октябрьская революция!» — говорил Маяковский, и мы сегодня видим благие результаты этой длительной революции — революции духа. Рабочие-наставники — незаменимые ее бойцы.

На XVII съезде комсомола вопрос наставничества был поднят с высокой трибуны.

«Наставники как бы передают эстафету труда из настоящего в будущее», — сказал Леонид Ильич Брежнев в своей речи на Всесоюзном комсомольском форуме. Партия подчеркивает исключительное значение наставников в воспитании рабочей смены нашей страны.

Публикуя сегодня часть писем наших читателей о наставничестве, «Смена» будет и впредь разрабатывать эту тему, привлекая и специалистов-мастеров и журналистов и, конечно, рассчитывая на живое, заинтересованное участие в этом разговоре самих читателей.

Только надо ее понять

Анна СМЕРНОВА,
комсорг прядильного производства
Вышневолоцкого хлопчатобумажного
комбината, лауреат премии Ленинского
комсомола, делегат XVII съезда
ВЛКСМ

По-настоящему быть свободным в труде, получать истинное наслаждение от работы способен только мастер. Я впервые почувствовала эту радость мастерства, перенимая опыт у Антонины Владимировны Петуновой, у нашей тети Тони. Потом, через несколько лет, мне тоже захотелось поделить свои знания с другими. Не заметила и сама, как стала наставницей начинающей ткачихи. Помню, как исподволь, но настойчиво воспитывала во мне тетя Тоня уверенность в себе, рабочую гордость.

— Ты, милал, как бы руководитель своего маленького завода в одну тысячу веретен. Ты тут и пряха, и инженер, и администратор. Не распускай нюни, а засучивай-ка рукава. Или шепнет: «Не тушуйся, я тебе советую, как мать, а мать плохого не пожелает...» В конце смены скажет: «Если тебе скучно будет вечером, приходи ко мне домой...» Придешь, а она угостит вкусным чаем и обязательно заговорит на «производственную» тему. Работа, говорит, у нас очень интересная, только ее надо понять. А если еще по ночам будет приходиться к тебе мысль, что можно что-то в рабо-

Сложное это искусство — наставничество. Сколько времени и сил затратила Антонина Владимировна, проводя с нами беседы о международной жизни, о кинофильмах, о «мелочах» в житейском море! Петунова придерживается золотого правила: поругает молодую работницу без свидетелей, один на один. А хвалить людей, она считает, надо принародно, чтобы все слышали. Вообще она очень требовательна, считает, что молодежи нельзя позволять расслабляться. Она умеет понимать нас с полуслова, умеет найти в человеке искру и поддержать ее.

Роль шефа-наставника велика не только в цехе — невозможно переоценить и «внеклассную» работу наставника.

Даже не знаю, как бы выпутались мы из одной глупой истории, если бы не Антонина Владимировна. Получился в коллективе разлад. Поссорились две наши девчонки, «нашла носа на камень». Время идет, не мирятся, а в коллективе от этого назревает расхождение. Такого долго терпеть нельзя, эта ржавчина подтачивает настроение каждой из нас, и даже производительность труда снизилась. Я комсорг, а подхода никак не найду. Обращаюсь со своей бедой к тете Тоне: она выслушала, но ничего по существу вопроса не сказала, а вроде бы даже в сторону уводит. «Давайте, — говорит, — в воскресный день по ягоды в лес пойдем, илюквя ведь поспела. Всей бригадой! Брось клич, Аня!» Я мигом смекнула что к чему. Девчатам это предложение сразу по душе пришлось, с великой охотой по илюкву собрались все как один. Много ли мы ягод собрали — не спрашивайте, не в этом суть. Весело, интересно нам было. На природе сердце вроде мягче становится... Повздорившие девчонки

Эстафета

Н. Т. НЕДОСТУП,
вальцовщик стана, почетный
металлург

В начале войны нас, учеников никопольского ремесленного училища № 6, эвакуировали в Магнитогорск.

Ехали мы на открытой платформе рядом с токарными станками. Вместе с нами был мастер производственного обучения Макар Анисимович Поршняков. В дороге Макар Анисимович сам покупал для нас крупы, на больших остановках варил нашу похлебку. В Магнитку съехалось около трех тысяч учеников ремесленных училищ: из Николая, Кривого Рога, Запорожья, Днепропетровска, Киева, Харькова, Москвы, Тулы...

Не было жилых помещений, и нас поместили в пустующем магазине, спали мы на деревянных нарах в три этажа, без постельных принадлежностей, просто на голых досках.

Два дня мы не могли найти столовую, где бы пообедать, так как нас не брали на довольствие.

Наш наставник-мастер добился, чтобы нас отравили временно в совхоз. И пошли мы пешком в башкирский совхоз.

Макар Анисимович с трудом уговорил дирекцию совхоза принять нас, убедил, что ребята, мол, на любую работу согласны, лишь кормите их!

Некоторое время мы протерпели на деревенских харчах, а потом мастер добился нашего назначения на Новотрубный завод, в город Первоуральск.

Вот откуда идут корни современного наставничества! Такие люди, как Поршняков, передали нам эстафету своей работы о молодом поколении рабочего класса. У таких людей, как наш старый мастер, учились мы заботливо растить рабочую смену.

Рядом всегда

Лариса ЛИЗУНОВА (Феденко),
25 лет, преподаватель музыкальной
школы
Владимир ФЕДЕНКО,
17 лет, ученик 10-го класса,
Никополь, Днепропетровская область

А можно рассказать о своей маме, главным и бесценным человеком, научившем меня уменью жить среди людей?

Мама сумела стать для меня всем: любящей матерью, чутким и умным другом, мудрым учителем, строгим судьей! Когда говорят о трудном подвиге, мне кажется, что подразумевают его трудную семью, где нет добрых, человеческих взаимоотношений, где родители не смогли дать ребенку крепкую моральную основу, выработать иммунитет против пьянства, хулиганства или потребительского отношения к жизни. Мой трудный возраст прошел болезненно благодаря маме.

Врач по профессии, она обладает незаурядным педагогическим талантом; это я поняла теперь, сама став матерью. А с самого детства мама для меня была самой доброй, самой лас-

ЗОЛОТОЕ СЕРДЦЕ

те своей улучшить, — значит, ты сроднилась с ней, не можешь без нее... Мало знать, надо уметь, но и уметь мало — надо любить. Главное — увлечение работой, удивление перед ней... Вот альпинист, скажем. Одними мускулами да смелостью не возьмешь вершину, одних умений и знаний недостаточно... Человек идет в горы, потому что чувствует тягу к восхождению, к движению ввысь. Только эта любовь поможет человеку подняться на вершину, а иначе недолго и в пропасть сорваться. Петунова сама, как опытный альпинист, тянула нас за собой к вершинам мастерства. Иная девушка допустит оплошность, и накрутится в пряжку порченая нить. Антонина Владимировна объясняет ей: «Вот смотри, что получается из-за твоей ошибки. Наденет рубашку из той пряжи, что ты пряла, солдат, например, а ткань бракованная. «Кто это полотно делал? — подумает солдат. — Видно, плохая работница делала. С такой плохой семьей не построишь, нельзя такую в жены брать...» Шуткой начинается. А потом переходит на серьезный тон: значение, говорит, большое мы должны качеству придавать. Потому что изъяны в продукции — это изъяны в характерах.

И вот однажды мы разработали специальную программу по изучению опыта работы передовиков производства для молодежной школы. Так с нашей легкой руки родился вышневолоцкий почин. Почин выдержал проверку временем. Дело разрослось до всесоюзного масштаба. Теперь говорят, что школы рабочего мастерства стали лабораториями колллективного воспитания. Конкретнее, чем это делают школы, кажется, невозможно влиять на каждого молодого человека. Здесь шеф-наставник не только средоточие высокого мастерства; он в цехе как первый школьный учитель.

помирились... будто ссоры и не было. Сидим на траве у березы, обедаем, как одна семья. Смотрю я на них, радуюсь и думаю: ну, что бы я без тети Тони делала?

Кажется, совсем недавно мы, тринадцать комсомолок, решили: «Пора, девчата, переобучиться на толиковую работу и учебу», — а вот теперь все тринадцать стоят у машины полноправными хозяйками и работают под стать ветеранам — быстро, добротню. Наша группа стала одним из инициаторов похода молодежи за высокое мастерство. Каждая прядильница награждена знаком ЦК ВЛКСМ «Молодому передовику производства». Наша бригада завоевала право носить имя отважной бортпроводницы Надежды Курченко, и мы постоянно выполняем дополнительную норму выработки.

Сейчас бывшие слушательницы школьного рабочего мастерства, обучающиеся у старших, сами учат новичков. Это — развитие починки, эстафета трудового мастерства. Инициатива нашей комсомольской группы поддержана многими выпускницами школьного рабочего мастерства. Мы взяли шефство над практикантами из ПТУ: сначала над двумя ученицами, сестрами Раей и Таней Хромовыми. Обучали их, не жалея сил и времени. Результат получился отличный — обе сестры стали передовыми работницами. А затем мы, двадцатитрехлетние наставницы, взяли под опеку целую группу учащихся ПТУ: решили научить девочек работать так, чтобы после окончания училища они не тратили времени на «адаптацию», давали бы выработку на уровне кадровых работниц. Так наша заводская комсомолка решает основную задачу своего XVII съезда — борется за качество продукции.

Так благодаря заботам Макара Анисимовича начали мы работать по своей специальности, заменив собою тех, кто ушел на фронт. Работали по 12 часов в сутки, жили в бараках, спали на нарах, ходили в брезентовых ботинках на деревянном ходу. Почти после каждой смены субботник: очистка железнодорожных путей от снежных заносов, выгрузка мерзлого торфа. Но с нами был мастер, он сам работал с ломом, который прилипал к рукам при 45-градусном морозе.

Не умели мы, мальчишки, правильно распределять свою зарплату. Вывало, в первые 2—3 дня нанулишь всякой снеди, а потом зубы на полку. Пришлось нашему мастеру-наставнику получать зарплату тех, кто не думал о завтрашнем дне. И каждому из нас перед обедом и ужином он давал необходимое количество денег. А если кто карточку потеряет, — принесет свою четвертушку хлеба. Был он для нас как родной отец.

Тяжело было работать нам, подросткам, в дни войны. Но мастер, больной туберкулезом, всячески поддерживал нас, вселяя веру в победу над врагом.

В 1942 году в августе состоялся первый выпуск группы трубопрокатчиков. Не было торжественного выпускного вечера, но мастер сказал нам на прощание:

— Дети, сыны мои! Любите труд — и в нем вы найдете себя.

Добрым словом мы, выпускники первого набора ремесленного училища № 6 Николая, вспоминаем своего наставника мастера М. А. Поршнякова. Сейчас его воспитанники работают на Уральском новотрубном заводе, на трубопрокатных заводах имени Ленина, Карла Либкнехта в Днепропетровске, в Никополе — на Южнотрубном металлургическом заводе. Никогда не забудем нам этого человека.

новой, умной, справедливой, красивой, в общем, самой-самой.

Были у меня учителя, друзья, наставники, но мама всегда оставалась рядом, постепенно, терпеливо делая меня человеком. Каждый ее поступок был для меня наглядным уроком. Она обращала мое внимание на росу в траве, на восходы и заходы солнца, на рисунок крыла бабочки. Вместе со мной, объясняя музыку, она слушала Чайковского и Моцарта. Она приучила меня к книге и внимательно руководила моим чтением. Если я спрашивала о чем-то неизвестном для нее, она говорила: этого я не знаю, прочитаю, тогда объясню тебе. За это я еще больше уважала ее.

Я часто приходила к ней на работу и видела, с каким уважением относятся к ней больные: человек входил в ее кабинет хмурым и подавленным, а выходил повеселевший. Тогда я поняла, какое это счастье — заниматься любимым трудом и не ошибиться в своей профессии.

Она научила меня чувствовать и разделять чужую боль и страдание. От нее впервые я услышала и поняла значение ставших для меня святыми слов: родина и народ.

Недавно мама тяжело заболела. Врачи категорически запретили ей работать в течение года. Но разве могла она жить без любимого дела? Ей пришлось заново учиться ходить, говорить, но уже через полгода она вышла на работу.

Я замужем. У меня растет дочь. Я приложу все силы, чтобы стать для нее тем, чем стала для меня моя мама. Не боюсь высоких слов, я с гордостью говорю: моя мать — настоящий советский человек. Низкий ей поклон.

Мой младший брат, узнав, что я посылаю в «Смену» это письмо, сказал, что я выразила и его мысли.

Строка из резолюции съезда:

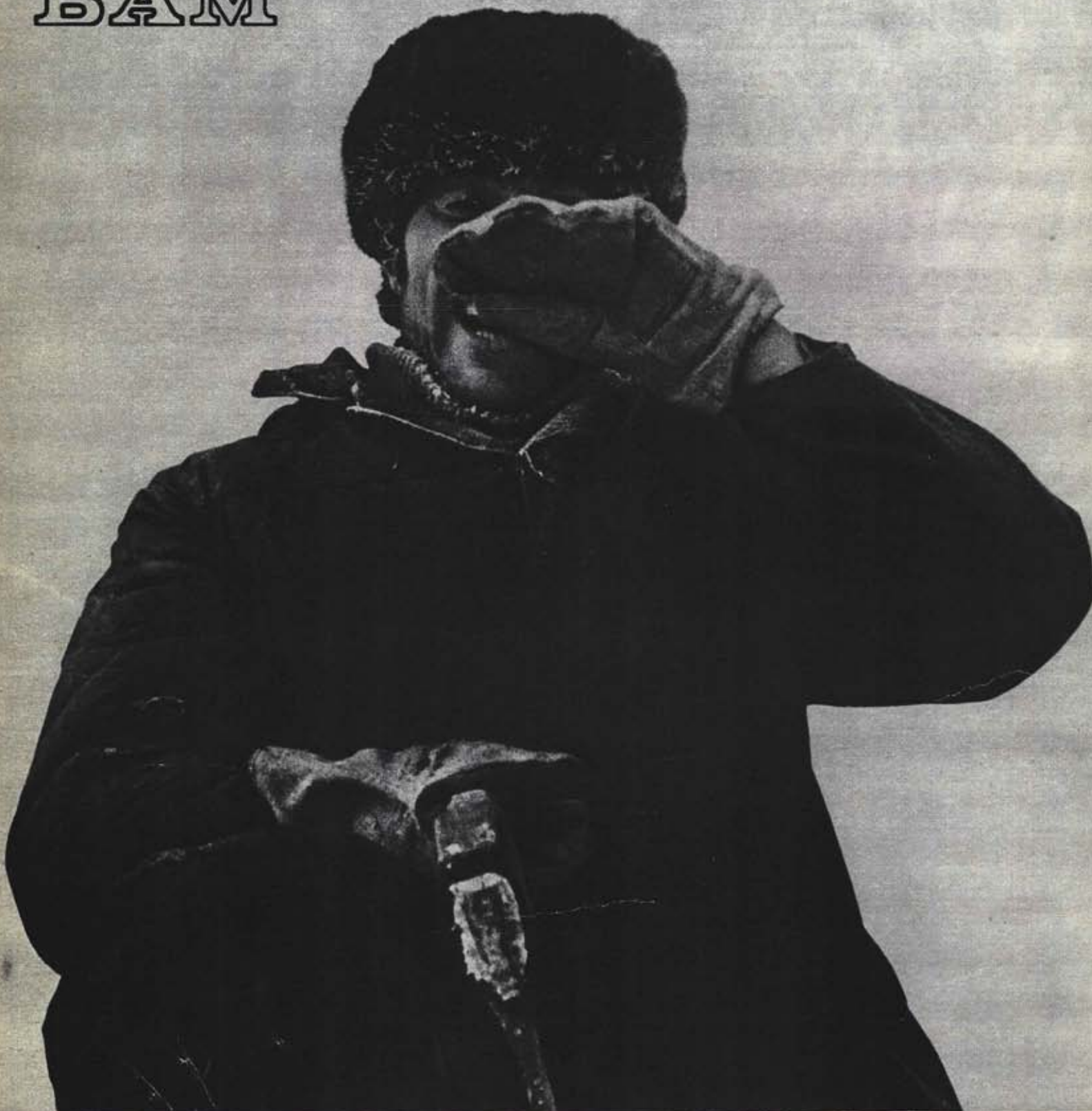
Сооружение этой железной дороги — дело чести Ленинского комсомола, всей советской молодежи, продолжение славных традиций первооткрывателей Днепрогэса и Магнитки, покорителей целины, Ангары и Енисея.

Борис РОТЕНФЕЛЬД,
Олег ХАРИТОНОВ,
сотрудники газеты «Советская молодежь»
(Иркутск)
Альберт ЛЕХМУС (фото),
специальный корреспондент «Смены»

ДОЛГИЙ ПУТЬ

НА КУНЕРМУ

ЭКСКЛУЗИВ, СМЕНА
БАМ

СНЫ

Рудых пытит во сне, бормочет что-то, выбрасывает вперед руки и тут же отдергивает назад — двигает несуществующие рычаги; он весь напрягается, чуть не поднимаясь с подушки, — это вместе с бульдозером упирается в толстенную, уходящую свечой в небо сосну, стараясь столкнуть ее; сосна, видно, не дается, пружинит, раскачиваясь из стороны в сторону, он снова выбрасывает руки вперед, снова кидает на нее бульдозер... Наконец, сосна клонится, быстрее, быстрее... и падает, подминая хрупкий подлесок и вздымая, как при взрыве, снежную пыль. Здесь Рудых успокоенно вздыхает, расслабляясь, — это бульдозер пятится назад, неспешно разворачивается и, подставив нож, надвигается на следующее

дерево, тоже неохватное, свечой уходящее в небо. И снова...

Неспокойно спит и Валя Антипин — кричит, не очень связно, но забористо кроет тайгу, подшипники, которые утром «полетели», и ульканского механика, который «зажимает» запчасти. Шутилов не ворочается, не шумит — так же спокойно, как в кабине за рычагами. А вот Володя Соколов, шофер, снова поминает Нию. Ему уже один раз за эту Нию было... Вернулся недавно в Усть-Кут с зимника домой, ну вроде бы ничего, помылся, легче стало, спать лег, а утром проснулся, жена смотрит так подозрительно, прищурясь: что, спрашивает, ты за Нию все поминал во сне, а? Отпускаешь вас, как порядочных... Володя недоуменно заморгал глазами, потом расхохотался: значит, и во сне тянулся по тому прокляту-

щему зимнику перед Нией, где чуть не сломал шею. А жена еще неважно знала бамовскую географию — пришлось объяснять, что Ния — речка, приток Таюры, до нее от Звездного сорок руганных всеми шоферами километров...

Сон у них, будто вторая смена, — видится плотная, молчаливая и настоженная тайга, все время обступающая с трех сторон, слышится лязг железа и глухой грохот падающих деревьев. Тяжелая и азартная работа врывается в сны ребят из специального механизированного отряда «Ангарстроя». Двенадцать человек, пять бульдозеров, трелевщик, один «зилон», два вагончика на полозьях из громадных стальных труб, самодельные тракторные сани с бочками горючего — вот вся живая сила и техника маленького и упорного подраз-

деления, которое 29 ноября прошлого года приступило к выполнению особого задания...

ЗИМНИК

Задание было такое: пройти 210 километров от Усть-Кута до Улькана, третьего плацдарма на западном крыле БАМа, где расчищая, а где и пробивая зимник. В Звездный была дорога, в Магистральный — тоже была, в Улькан — нет. Только вертолетами. СМП-571, высадившийся в маленькую, в двадцать дворов деревушку Юхта, сидел посреди тайги, как на острове, и задыхался: вертолет, конечно, добрая штука, но всего на нем не доставишь и цена его службы — восемьсот рублей в час. А надо было из всех сил строить новый поселок — поезд рос не по дням, а

по часам, жить было негде, и потому переделали под общежитие деревянные амбары и фермы, и койки там, как в казарме, стояли в два этажа. Вот почему спешно собрался ударный механизированный отряд под водительством главного механика «Ангарстроля» Виктора Сопикова, и недаром отряд этот, составленный из лучших, самых опытных и закаленных бульдозеристов разных строймонтажных поездов, напущивший в дальнюю дорогу сам начальник управления Василий Степанович Бондарев.

В семь вечера отряд двинулся — специально попозднее, чтобы идти ночью, своим черепашиным шагом не мешать обычному движению машин по зимнику. До Звездного работы не было, хотя всю ночь тащить на бульдозере по серпантину — дело тоже нелегкое. Утром были в Звездном, поспали, подремонтировались немного — бульдозеры-то все старые, у того, на котором шел бригадир, пришлось всю ходовую перебрать. Перебрали — и дальше.

Первого декабря, после Звездного, пошла работа — пробрили два с половиной километра зимника; третьего — еще один кусок, потруднее, в восемь километров — это уже не службишка, а служба; кое-где расчищали, расширяли пробитую до них дорогу и седьмого были в Магистральном. Отправились в баню, передохнули и принялись за ремонт. Ремонт на каждом шагу... Можно было, конечно, пошуметь по этому поводу: как это, мол, на такое важное, срочное дело отправляют старье, кругом ведь никого и ничего, тайга, вдруг встанут. «А зачем новые? — рассудительно говорит Коля Кабанец. — Новые несколько лет ходить должны, а тут они сразу лягут, побьем. А старье не жалко. Сломаются? Так и новые сломаться могут. Подремонтируем, сварщик у нас добрый, вот бы запчастей еще...»

Десятого декабря, пройдя на бульдозерах сто семьдесят километров, начали они то, что было, собственно, главной задачей, — бить зимник к Улькану, который отгораживала от мира сплошная тайга, где были лишь охотничьи тропы и редкие деревеньки. Напрямую от Магистрального до Улькина сорок километров. Но напрямую можно только по воздуху, на вертолете, а на бульдозере не пройдешь — сопки, реки, ключи. Надо бы-

ло обходить их, надо было искать более удобный путь для тех, кто пойдет следом, — тяжело груженых ЗИЛов и МАЗов. И сорок километров превратились в шестьдесят пять, которые они одолевали семь дней и ночей. Им выделили на путь от Усть-Кута до Улькина два месяца — они проделали его за две недели.

...Они вошли в Юхту, когда уже светало. Деревня появилась неожиданно. Вдруг кончилась тайга, с которой они сражались, и открылось снежное поле, где стояли два недлинные ряда изб, кое-где над ними возвышались двухэтажные амбары, в огородах прятались баньки, по улице мохнатая якутская лошаденка шустро везла сани с дровами. Было по-утреннему тихо, и в эту прозрачную тишину отчетливо врезались железные звуки ревущих моторов, лягающих траков, гремющих вагончиков. Отряд входил стройной военной колонной. Впереди цепочкой бульдозеры, за ними парой трелевщики тащили вагончики. В вагончиках спали ребята с ночной смены. Они еще не знали, что отряд наконец вышел к Улькану, они спали, несмотря на то, что вагончики тряслись и скрипели, спали после двенадцати часов очередного броска сквозь тайгу. Они не видели, как по приказу главнокомандующего СМП-571 Громова бульдозеры выстроились в одну линию, как солдаты на параде. Они не видели людей, вышедших встречать их как освободителей, — над строителями и местными охотниками висел красный, только что написанный плотником Мишей Калашниковым транспарант: «Ударим мехотрядом по бездорожью БАМа». Они не видели, как перед своими многострадальными бульдозерами выстроились ребята и как навстречу им невысокий седой человек, старый инженер-строитель Николай Алексеевич Сидоров вынес на белом вышитом полотенце домашний круглый каравай и соль в деревянной солонке. Впрочем, Николай Алексеевича и хлеб-соль они увидели. Их растолкали, и они, разлепив усталые глаза, еще толком не поняв, в чем дело, смущенные такой нежданной и торжественной встречей, предстали перед Николаем Алексеевичем. Им, как и всем ребятам, поднесли «фронтовые» сто граммов — закусывали, отломив краюшку каравая.

— Спасибо вам! — сказал Анатолий Фролов, начальник СМП-571. —

Мы приветствуем вас, первопроходцев, на нашем ульканском плацдарме. Вы сделали великое дело — соединили нас с большой землей. Спасибо.

Они стояли в строю — большие, плотные мужики в замасленных телогрейках и неуклюжих ватных штанах, в громадных растоптанных валенках, в тяжелых, темных от железа и масла пальцах осторожно держали белые листочки — почетные трудовые паспорта, которые только что вручил им Фролов и в которых значилось: «Первопроходцу механизированного отряда, пробиравшему зимнюю дорогу от станции Усть-Кут до станции Улькан». Они переминались, радостные и смущенные, видя это торжество, людей, которые собрались ради них. «Каждому, конечно, приятно было, — сказал нам потом Саня Купцов. — После трудов таких... Полмесяца все-таки коцегарили — один спит, другой дальше ведет». Все они работали не один год, не раз выполняли нелегкие и важные задания, но редко доставались на их долю такие почести. Они были взволнованы и растеряны, не знали, непривычны были отвечать на такие высокие речи и только говорили: «Спасибо... спасибо... спасибо».

— Отдохните теперь, — продолжал Фролов, — домой слетайте, потом машины отремонтируйте — и дальше. Вам выпала большая, великая честь — первыми идти на Куерму, где будет следующая станция БАМа...

ЛЮДИ

Их двенадцать. «Нас мало, но мы в тельняшках», — шутит Саня Купцов. В тельняшке, правда, один Кабанец, высокий, сильный, широкоплечий, — тельняшка ему идет. Кабанец с Херсонщины, там родился и вырос, но уже шестнадцать лет в Сибири и возвращаться назад не собирается. Недавно, говорит, в отпуск туда ездил, так не выдержал, заболел — очень там климат неподходящий, сырой, отвык от него. А шутник Саня — российский, из Калуги. Человек он веселый и горячий: очень переживает и за швы, которыми штопает бульдозеры, и за кашу, которыми кормит ребят, — после Улькина Саня стал и поваром. Толя Шутилов — тоже российский, из Калинин, но в отличие от Сани всегда спокоен и молчалив. Во всем «Ангарстрое» его ценят и уважают за умение и основательность: уж если за что возьмется, то не отступится и сделает чисто, как бы трудно ни было. В общем, на Шутилова можно положиться и в работе, в тайге, и в застолье — надежный человек, не выдаст; поэтому, наверное, самым первым вместе с двумя товарищами высаживался он еще на знаменитой космопольской трассе Хребтовая — Усть-Илимская; в прошлом году, когда трассу сдали, наградили Толю орденом Трудового Красного Знамени; кстати, в отряде никто об этом не знает. Когда он появился на Улькане, механик Гомонов начал звать к себе — в «Ангарстрое», совсем не бедном добрыми механизаторами, Шутилов из самых лучших.

Впереди него на марше обычно идут двое местных, сибирских «бурндуков», как весело их называют ребята и как сами они себя с улыбкой называют, — Геннадий Вяткин и Константин Рудых.

Рудых, неспешный и хитроватый, — из Жигалова, там рядом и деревня такая есть — Рудовка; Вяткин, веселый и остроумно-независимый в суждениях, — из деревни с озорным названием Бириулька, что под Качугом, оба ленские. За тысячи километров от ленских берегов в башкирской деревне родился и вырос латыш Рудольф Рейхман; в деревне вырос и Леха Попов, только в марийской, он самый молодой и самый добродушный — за стеклами круглых очков блестят приветливо маленькие глаза;

Маннан Шна — из Казани и еще недавно работал на... Памире. В общем, в отряде полный интернационал. Как и полагается в настоящем интернационале, все равны и по части работы, и по части зарплаты (у всех одинаковый, шестой разряд — самый высокий), и по части всего прочего. Но первый все-таки есть. Как говорят обычно, первый среди равных. Это Рудольф Рейхман, бригадир.

Почему же первый? Ну, почему... «Пахарь он, — говорит Кабанец. — Конечно, все мы пахарь, но он... если надо, что хочешь делает. Вот, помню, было: дали им с Антипиным — это сменщик у него — котлован под дом вырыть. Начал Рейхман. Антипин вечером на смену приходит, глядит — а он уж столько наворочал... «Ну, — думает, — а парень тоже горячий — я от тебя не отстану...» И не ушел, пока не кончил, всю ночь пахал. Утром мастер наведлся посмотреть, как дела идут, и ахнул: котлован-то уже готов, а на него не один день положен...»

Половина ребят в отряде из строймонтажного поезда № 286, который базируется в Усть-Куте. Их подбирал сам Рейхман. Подбирал по старой дружбе, испытанной и в будни и в праздники. Гену Вяткина и Кабанца он выгнал из отпуска, сагитировал и Саню Купцова — не обойтись в тайге без такого золотого сварщика. Они оставили отдых, оставили дела личные и дома свои и ушли за Рейхманом на зимник, потому что знали, потому что уверены были: если Рудик позвал, то, значит, дело интересное и стоящее.

На Улькане появился в отряде новый человек — небольшой, остроносый, легонький, со взглядом веселым и быстрым, говорком торопливым, в мягких деревенских ичигах с загнутыми носками — велики были. То был Володя Путриков, старший инженер «Томгипротранса», изыскатель двадцати шести лет... Маленькая фигурка Володи мелькает среди огромных старых сосен, осин и берез. Он идет по глубокому метровому снегу на коротких и широких охотничьих лыжах, подбитых сохатиним камусом. Володя то и дело останавливается, сверяется с компасом и картой, маленьким топориком делает затесы на деревьях — показывает, где надо пробивать зимник. По этим затесам ребята будут вести свои пять бульдозеров два месяца до самой Куермы...

СНОВА ЗИМНИК

Ясным январским утром, когда в избах уже топили печи и в синем небе еще стоял тонкий, не растаявший месяц, они построили свои бульдозеры, как танки перед атакой, и двинулись. Уходили незаметно, без речей и лозунгов, никто не провожал — начиналась новая работа, обычная, хотя и, наверное, самая тяжелая, — до Куермы было сто километров, сто километров глухой тайги, ни деревеньки, ни огня, может, редкие зимовья — Володя говорил, что есть.

Отряд уменьшился — не стало трелевщика. Трелевщика забрал Гомонов, сказал: на время. До Улькина отряд вел Сопиков, главный механик «Ангарстроля», с ним было легко и просто: зашел в склад, увидел, что есть, приказал выдать. Но как только вертолет, уносящий его, скрылся из виду, дела пошли совсем другие... Не стало самого важного — запчастей: в Улькане своих дыр хватало. Здорово побились бульдозеры; у того, на котором шел Леха Попов, ни одного стекла не осталось и ни одной фары, у других стекла пока сохранились, да были другие беды, почище, — у кого выплопная отлетела, у кого коллектор лопнул или болты на ножах срезало. Печально выглядели и недавно такие новенькие, нарядные вагончики — тоже побились, порастряслись на ходу,

не годятся они для путешествий, им бы на месте, в поселке стоять. Даже огромные, толстенные трубы, на которых, будто на полозьях, тащили их, истерлись до бумажной тонкости; а ведь не по наждаку шли — по снегу. В начале похода пришлось выбросить аккуратные заводские печечки с котелками: как двинулись, расшаталось все это водяное отопление, потекла водичка... И поставили вместо красивого, современного устройства допотопные «буржуйки» — тепло и надежно, правда, круглые сутки топить надо: только перестанешь — все выдувает, стеночки у «спальни» тонкие-звонкие, гвоздь вобьешь — пальцами его выдернуть можно. Потряслись вагончики по ухабам, и стекла в них повывлетали, в Улькане Саня Купцов стал еще и стекольщиком: вставил новые стекла, а где и просто досками зашил. Впрочем, на все бытовые неудобства ребята не сетовали, особенного внимания не обращали, хотя, конечно, от крепких и удобных передвижных тепляков не отказались бы, правда, таких на трассе еще не видели.

Вот так, подлатав и подштопав все, что можно было, двинулись они с Улькана.

Вначале дорога была — старая «агрономовская», оставшаяся еще от бывшего здесь до войны колхоза. Однако через шесть километров кончилась, уткнулась в тайгу, дальше ходу не было. Плотно стояли перед ними неохватные, прямые, как струны, сосны и кедры, не уступали им осины и березы. Ребята вышли из бульдозеров, огляделись. «Леспромхозу бы здесь лафа, — сказал Житов, — за смену столько кубов навалить можно...» Но кубы им совсем не были нужны — нужна была дорога, и потому эти громадные, красивые деревья не радовали.

Развернулись, с краю леса расчистили площадку, поставили вагончики, сани с быками, нарезали дров, Купцов сварил обед, неспешно повели и начали...

Мы видели это начало... Темной, тяжелой стеной нависала тайга над людьми и машинами, и, когда первый бульдозер, сердито рыча, двинулся к этой стене, он показался маленьким и несерьезным — разве он одолеет ее? Но бульдозер вдруг взревел, яростно и дерзко бросился вперед.

Первым шел Вяткин. Его машина крутилась, неистово рушила деревья, и они падали, выворачивая корнями огромные глыбы земли. Бульдозер стлкнувал их с пути, и вскоре уже вокруг него образовался очищенный от тайги пятючок, и Вяткин, словно разогнавшись на нем, ринулся дальше, обходя самые большие деревья, которые все-таки выдерживали его натиск. В сплошной стене леса появилась дорожка — узкая, как санный след. Туда устремилась машина Вали Антипина, он расчищал, делая дорожку шире, расталкивая по сторонам деревья, сдвигая горы веток, земли и снега, оставленные Вяткиным. Следом неспешно, солидно тронулся Рудых, за ним Попов. Их бульдозеры еще больше раздвигали путь влево и вправо — ширина зимника должна быть не менее десяти метров, делали с запасом — все двенадцать.

Последним двигался Шутитов. На его долю доставалась окончательная планировка и самые крепкие, несдавшиеся сосны, лиственницы, осины, их надо было одолеть во что бы то ни стало. За Шутитовым никого не было. Если с ходу сбить дерево не удавалось, то он отступал и снова двигался на него, низко опустив нож и стараясь краем его подрезать корни, потом толкал еще раз. Если и так не выходило, гнал впереди себя вал из снега и земли и, забравшись по нему, ударял дерево уже высоко, и тут чаще всего оно не выдерживало.

Это была не просто работа. это

был каждый раз поединок, и ребят, бывалых, переживших уже пору юношеской романтики, все-таки каждый раз охватывал азарт — азарт борьбы, в которой для них не могло быть иного исхода, кроме победы. А деревья не просто стояли упрямо, а сопротивлялись, как живые, — вдруг отлетевшая верхушка могла хлестнуть по стеклам или крыше бульдозера, а то и само дерево, уже сбито, срубленное, покачивалось, словно размышляя, рухнуть на машину или в другую сторону... Сотни таких поединков за день, вернее, за смену, потому что работа продолжается и ночью...

А впереди отряда, впереди бульдозеров неслышно шел изыскатель Володя Путриков. Он шел на своих охотничьих лыжах, налегке, в белевой, выцветшей штормовке поверх свитера. Штормовка была распахнута — патронташ мог понадобиться в любую минуту. На плече ружье-одностволка, за голенищем ичига — охотничий нож, у пояса — топорик, которым он делает затесы на деревьях — показывает ребятам путь. Идет Володя не спеша — торопиться нельзя, надо провести трассу как можно лучше, чтобы и короче была, чтобы и лес был не очень здоровый, и подъемы учесть, и спуски.

...Смена подходила к концу. Быстро темнело. Первым подался назад, к вагончикам, Леха Попов: его бульдозер без фар, в темноте без них не порабатает. По пути домой, однако, сшиб пять деревьев, которые торчали посреди зимника — так никому и не дали. А чтобы хоть немного видеть дорогу, привесил хитроумный Леха впереди ножа на лопате ведро с соляной и запалил.

За Лехой вернулся Володя — ему тоже по темну в тайге делать нечего. С пояса свисали два рябчика.

Постепенно возвращаются остальные — Антипин, Рудых, Шутилов. Снимают стоящие коробом заиндевевшие стеганки, сырые валенки, шумно моются над большим тазом, на крепких плечах и руках мелькают красные отсветы горящих в «буржуйке» поленьев. Света в вагончике нет, потому что нет трелевщика, который раньше давал его, наконец кто-то находит последний огарок свечи, и при слабом ее мерцании ребята кое-как находят чистую одежду, переодеваются, даже валенки обустраивают другие и при всем параде идут в вагончик Сани Купцова, где ждет их рисовая каша с тушенкой и крепкий, только что заваренный чай. Вторая смена — Кабанец, Шна, Житов, Рубцов — получают сухой паек, забираются в кузов «зилка», и Володя Соколов везет их к стоящим теперь уже далеко молчаливым и остывшим бульдозерам. Ночью работать, конечно, тяжелее, но ничего, главное — пересилить себя под утро, часов в пять, в это время сильнее всего спать охота. Едят у костра, тушенку прямо в банке разогревают — правда, стынет она тут же, на ходу, чайку попьют, перекурят и снова по кабинам.

Одиннадцатого января, в субботу, в живых осталось только две машины. У Шутилова полетел нож, у Вали Антипина — подшипники, на машину Лехи Попова ночью нечего было рассчитывать. Долго возились вокруг шутиловского бульдозера, наконец пустили его — дело продолжалось.

На третьи сутки отряд прошел пять километров. До Кунермы оставалось еще почти девяносто...

...Легко ли все это? Легко ли так — одним в тайге, далеко от дома, от своих... Легко ли так — вкалывать, не останавливая машин, и даже во сне видеть только работу? «Да чего ж, — задумчиво склонив голову, роняет Коля Кабанец, — надо — мы уж привычные... Раз надо — значит, пройдем!»

...И они прошли.

Участники

VI Всесоюзного

совещания

молодых

писателей

Раиса РОМАНОВА

Памяти поэта

Мы друзьями с тобой не бывали.
Но, встречаясь к лицу лицом,
Мы едва ли когда забывали
Перекинуться тихим словцом.

Так — о новых стихах, о погоде,
О наличии хлопотных дел,
О своем беспокойном народе —
Кто кого эпиграммой задел...

И еще [эта тема обычной
Для бесед наших кратких была]
Говорил ты шутиво: «Столичной
Я не пью. А на чай — позвала б!»

И я клятвенно вновь обещала
Сотворить скоро званый обед,

Метель в Москве

Над микрорайоном лютует метель,
Ведет свои буйные, грозные песни
Так дико, что мнится — за сорок земель
И Кремль, и Манеж, и Блаженный, и Пресня...

Москва. Но тревожно, как в мире степном...
И вьюге вольготно в кварталах просторных.
Лишь изредка канет такси за окном,
Натруженно-глухо вздыхая мотором.

Куда вы ушли, великаны-дома!...
Иль вас заморочило чистое поле!..
Лишь степь, да простор, да пурга, да зима,
Да древняя песнь о печали и воле...

И чудится мне — колокольчик звенит!
То путник всегдашний спешит и блуждает...
Поэт ли!.. Опален ли он!.. Знаменит!..
Не бесы ль в дороге ему досаждают!..

Индустрия! Космос! Зови нас, зови!..
Мы старою песней от века недужны:
Степные бураны гуляют в крови
Да тонко звенит колоколец поддужный.

Россия! Одень тебя всю, до морей,
В дворцы — по последнему слову науки —
Найдет себе место твой ярый Борей
И плакать, и петь, и заламывать руки...

За речкой
Ржет буланный конь,
Не взнуздан мною,
Не обезжужен...
Он горд,
И вздорен,
И небрежен.
Он весь —
Свобода и огонь!

Века летели —
И аркан
Над ним свистал,
И плетка пела,
Но — воля вольным —
Он скакал,
И грива

полымею

летела!

И — прочь преграды —
Убежал.
Узды не знал.
Ушел далече!
Родной табун
Призывно ржал,
Холмы
Берез вздымали свечи...
И я гналась за ним,
Одна

С рожденья
Мысль меня палила:
Владеть буланым!
И дана
На то была мне
Воля, сила.
И кнут был дан,
И на узде
Сверкали камни дорогие!
...Печально поле,
В борозде
Плетутся пегие,
Другие.

А он, горячий,
За рекой
Все ржет
Завыно и надменно!
..Но под усталую рукой
Моей
Обмякнул
Кнут ременный.

Завершить торжество это чаем.
Но пока, мол, возможности нет.

Мы смеялись и поспешно прощались.
...Все ж меня озадачивал свет,
Что глаза твои в мир излучали:
Слишком пристален был их привет.

Было что-то томящее душу:
Полускорь в них и полунамок.
Я стократно обещанный ужин
Отлагала до лучших времен...

Вот и все твои песни пропеты.
Время дальше летит, гомоня.
Ты сухими глазами с портрета
Без привета глядишь на меня...

Лада ОДИНЦОВА

Пусть в доме том...

Пусть в доме том,
Который мной покинут,
Его хозяину приснится лист взлетевший,
Поднявшийся с земли,
Посеребривший
Прохладным инеем по берегам
Зеленым.
Пусть в доме том
Тепло не остывает
Моей руки, в том доме опустевшем.
Теперь там без меня
Желанно тише,
В том доме, без меня
Осиротевшем.

Уходила в море лодка,
Когда солнце утонуло,
Золотой бросало локон
На продрогшие причалы.

Уходила в море лодка.
Голубел разлуки профиль.
И в углях дымился ломкий,
В тонкой корочке картофель.

Уходила в море лодка.
Чайки над волной качались
И волны касались робко.
А рыбачки оставались.

Попробовать на вкус весну

Попробовать на вкус весну:
И горечь ветви ощутить
акации, растущей сиротливо
на улице из камня да стекла,
И в бронхи, чахлые от табака,
втянуть смесь гула, воздуха и пыли,
как выпить газировку с пеной.
Почувствовать мышцами увядшими желанье
копать,
мотыжить,
Объезжать коня — такое странное творение природы,
такое сильное,
доверчивое,
дикое,
что хочется беречь его и гладить.
Как пахнет снегом,
вечностью,
землей,
еще не всюю скрытой под асфальтом.
Вот робкая проклюнулась трава:
уже она ждет пчел, собак и кошек —
всех, кто на жизнь имеет также право.
На это глядя, поняла я, что живет-таки во всем живом
душа.

Звенит она ключами золотыми
от кладовых привычек и пристрастий.
И темперамента, и ген, и памяти,
И памяти! — в которой вечны
море,
Мариуполь
И попугай ручной, твердящий под акацией прохожим
Про то, о чем они желали слышать:
О счастье,
только счастье,
только счастье!

Разве она думала...

Рос мальчишка...
Как и все мальчишки,
мяч гонял и обожал коньки.
Приносил из драк под кепкой шишки,
раздавал на память сняжки.

Как и все, в своей мальчишеской
жизни
был похож он на других детей.
Только, может, чуточку капризной
да, быть может, чуточку грубей.

Часто мать, склонившись к изголовью,
грезила часами напролет:
вырастет — такую же любовью
он ее от бед убережет.

Вырос сын.
А к ней подкралась старость.
До чего ж ты, старость, тяжела...
Ничего у мамы не осталось.
Все, что было, сыну отдала.

Как порой неблагодарны дети!
И любовь и нежность им не впрок.
Сын ту старость даже не заметил.
И от бед ее не уберет.

Никаким не поддаваясь зовам,
Как-то он — чего уж больше
ждать! —
обозвал ее недобрым словом,
замахнулся на родную мать.

Разве она думала, гадала,
что дождется этих черных дней!
Кулачки, что к сердцу прижимала,
будут силу пробовать на ней.

Легенда

Говорят, что Афродита
вышла к людям из волны.
Говорят, что в Афродиту
все на Кипре влюблены.

Говорят, что каждый вечер
возле Пафоса у скал
все она спешит навстречу
к тем, кто так ее искал.

Я и верил и не верил.
Но, приехав в ту страну,
увидал прекрасный берег,
знаменитую волну.

На закате и рассвете
плавал в море и нырял.
Но богиню я не встретил
и надежду потерял.

А вернувшись в белый город,
среди полночной тишины,
все я слышал сный шорох
набегающей волны,

может, был бы я в обиде,
но, лишь день вошел в зенит,
я на улицах увидел
схопутных Афродит.

С тем же профилем точеным,
но прекрасней и добрей —
в светлом облике девчонок,
в строгом лике матерей.

Андрей ДЕМЕНТЬЕВ

Отец, расскажи мне о прошлой войне.
Прости, что прошу тебя снова и снова.
Я знаю по ранней твоей седине,
Как было безжалостно там и сурово.

Отец, расскажи мне о друге своем.
Мы с ним уже больше не встретимся в мае.
Я помню, как в праздник вы пели вдвоем
Военные песни притихнувшей маме.

Отец, я их знаю давно наизусть,
те песни, что были твоею судьбою.
И, если тебе в подголоски гожусь,
Давай мы споем эти песни с тобою.

Я часто ловлю твой внимательный взгляд,
Когда ты глядишь на друзей моих шумных.
А годы, как старые раны, болят,
С которых в войну началась твоя юность.

Отец, раздели со мной память и грусть,
Как тихие радости с нами ты делишь.
Позволь, в День Победы я рядом пройдусь,
Когда ордена ты, волнуясь, наденешь.

Поляна

Нас лыжня из леса вывела
в этот полдень — белый, робкий.
Будто бы нежданно вынула
нас из елочной коробки.

Будто мы проснулись рано,
вновь разбуженные счастьем.
И гадала нам поляна
на своем снегу блестящем.

Эти линии и крестики
нам дорогу обещали.
Было радостно нам вместе,
словно жизнь еще в начале.

Но на планке полудревной
вдруг прочли, потрясены,
мы название деревни,
что была здесь до войны.

Диалог

— Хочу быть нежным с тобой.
— И грубым!
— Хочу твоим рыцарем быть.
— И другом!
— Хочу быть снегом твоим и ветром.

Дождем, смывающим все следы.
Хочу быть добрым, нежданным светом
в глухую полночь твоей беды.

Хочу улыбки твоей.
— И слез!
— Хочу сомнения.
— И надежды!
— Лишь только б встретиться
довелось.

— Где ж ты!

Воспоминание

В то утро море беспокойно было.
И так шумел у берега прибой,
как будто где-то батарея была
и волны эхо принесли с собой.

Но вот встает мой давний кореш Женька
и медленно ступает на песок.
Вслед вытянулась тоненькая шейка.
Он краем глаза шейку ту усек.

Мы были с Женькой счастливы и юны.
Нам шла тогда двадцатая весна.
Вот он на пену по привычке дунул
и прыгнул в воду, как в волну блесна.

Смотрела фея, как он плыл красиво.
Она была смешлива и юна.
Ее глаза когда-то в час прилива
обрызгала зеленая волна.

А он плывет и ни о чем не тужит.
Встречает смехом гневную волну.
И видит — чайки над волною кружат.
И слышит — крабы ползают по дну.

Ах, сколько раз уже такое было!
И эта синь, и этот риск с волной.
Но как бы даль морская ни манила,
он чувствует свой берег за спиной.

Его волна то бросит, то окатит.
То он уходит в голубую тьму.
И я кричу: «Эй, Женька! Слышишь!
Хватит!» —
И радостно завидую ему.

Он, словно услышав мою обиду,
плывет назад, измученный борьбой.
А море гонится за ним сердито,
как будто недовольное собой.

Широкоплечий, он идет на берег.
Ложится возле уха моего.
И в этот миг миролюбиво верит,
что лучше моря нету ничего.

Песня

Помнишь, ты была тогда со мною!
Посадил я саженцы весной.
Несколько рябинок-малолеток.
А теперь — не дотянусь до веток.

К ним дубки сажали мы попарно.
Вон какие вымахали парни!
И рябины — как просила песня —
Навсегда теперь с дубками вместе.

А над ними ласточки кружили.
Только мы с тобою — как чужие.
То ль любила ты, то ль не любила,
Горькая моя любовь-рябина.

Ну, а я-то был такой влюбленный,
Словно глупый тот дубок зеленый.
А сейчас — как лес после пожара.
Помню лишь, как ты дубки сажала.

А любила или не любила,
Не расскажет мне о том рябина.
И дубки молчат о нашей встрече,
Только грустно опускают плечи.

Рисунки Валерия КАРАСЕВА

Отличная выучка,
бесстрашие и мужество,
постоянная готовность
к подвигу —
эти качества советских
воинов — победителей
гитлеровского фашизма
унаследовали их сыновья
и внуки —
солдаты семидесятых годов.

ЧТО ЗА «ШТАТОМ»

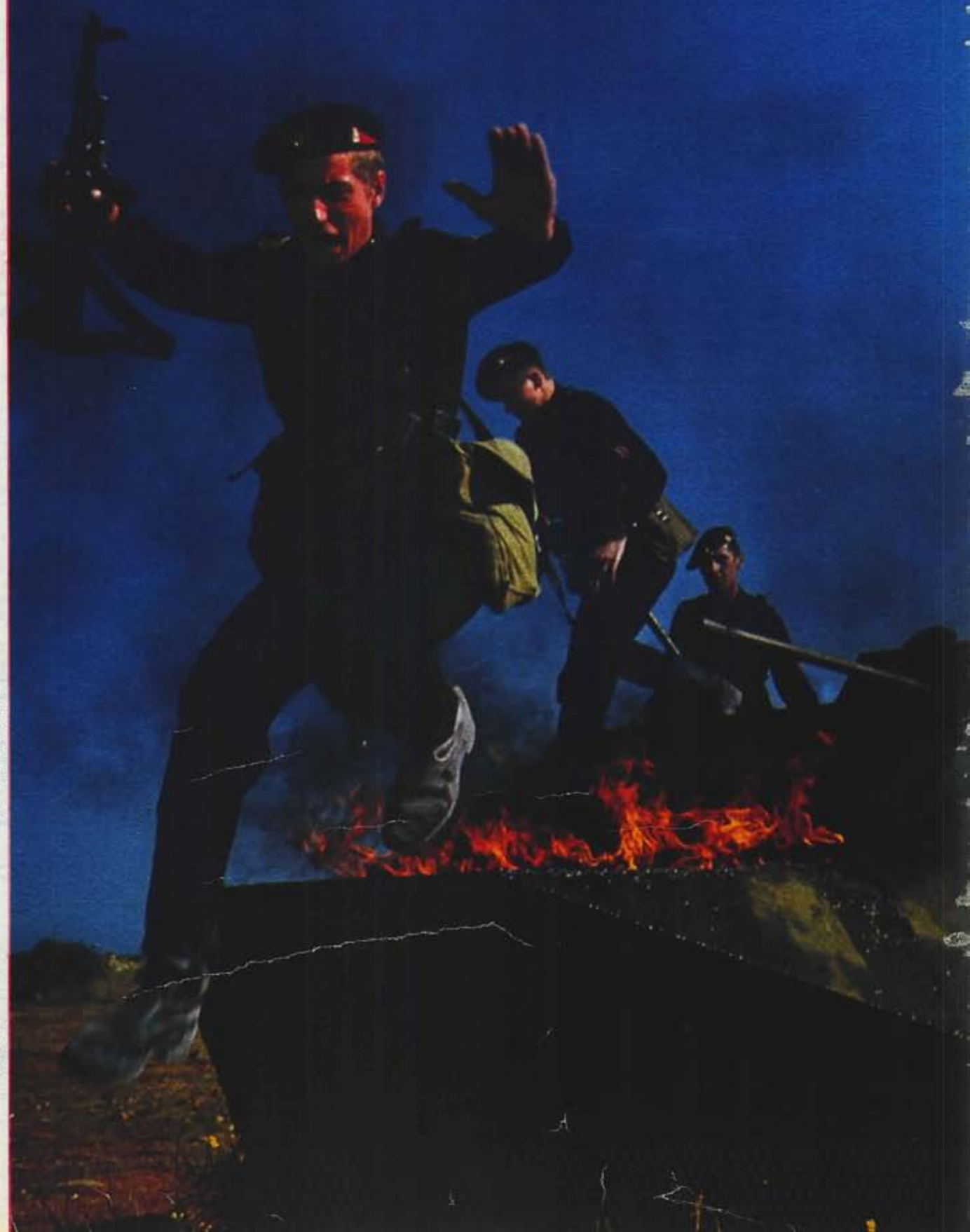
Итак, у морских пехотинцев есть привилегия — начинать первыми; право — драться до последнего человека и патрона; выбор — только победить; в море не отступают. И потому в морскую пехоту кадровые офицеры приходят преимущественно по своей воле, без какого бы то ни было нажима извне. А если человек выбирает дело своей жизни согласно совести, разуму и темпераменту, он идет до конца. Это касается не только офицерского состава, но и матросов.

Как-то провели эксперимент. В 100 анкетах, розданных морским пехотинцам накануне их демобилизации, среди вопросов, затрагивающих в основном формы комсомольской работы, был и такой: какой род войск вы бы предпочли, если бы выбор целиком принадлежал вам? Анкеты можно было не подписывать. Сто человек ответили: морскую пехоту. И это, несмотря на то, что нагрузка, которая падает на юношу, ставшего морским пехотинцем, поначалу ошеломляет. После нескольких часов занятий на полосе препятствий, физической и строевой подготовки матросы первых месяцев службы засыпают, не ощущая собственное тело. Через два часа дежурный поднимает роту по тревоге. И они встают, чтобы под проливным дождем, по вязкой, размытой дороге пробежать десять километров и прибыть к пункту «А» в назначенное время.

Через это проходят все без исключения. Потом такие вот нагрузки, сначала казавшиеся невыносимыми, станут необходимостью, больше того, привычкой. Срывы редки, но бывают. Важно, чтобы в трудный период ломки характера рядом оказался человек сильный своей убежденностью, способный предостеречь от ошибки. Так случилось полтора года назад, когда один из молодых офицеров подал рапорт с просьбой перевести его в другой род войск. Это был очень неплохой офицер, но в какой-то момент ему изменила выдержка. Его вызвал к себе Георгий Львович Сидоренко, и

Должен и сын героем если отец —

Владислав ЯНЕЛИС,
Владимир ЧЕИШВИЛИ [фото],
специальные корреспонденты
«Смены»

стать, герой!

«ЧТО ТАМ, НА ЛЕВОМ ФЛАНГЕ?»

НА ПОЛНОЙ СКОРОСТИ.

К ЗАЛПУ...

они поговорили «за жизнь». Довольно откровенно. Через год после этого разговора офицер стал одним из лучших командиров. Просто он понял, что к чему и что есть морская пехота. А объяснил ему это генерал Сидоренко, ветеран войны и морской пехоты, искренне верящий в то, что его войска лучше любых других и принадлежать к ним — высокая честь. Наверное, он прав, потому что по-настоящему все получается, когда убежден в избранности своего дела так, как Сидоренко, — безоговорочно.

Среди офицеров, особенно молодых, есть такие, кто выбрал после военного училища «штат» морской пехоты, потому что этот род войск окружен ореолом мужества, а в самом сочетании слов «морская пехота» есть даже некоторый блеск. Что есть, то есть. Но через некоторое время те, кого когда-то прельщала внешняя парадность, поняли, что за этим самым блеском скрывается огромный труд — физический и умственный. Да, умственный, ибо современный бой морской пехоты с противником — это прежде всего умение мгновенно избрать единственно верный тактический вариант, а средним из пяти возможных. Это умение управлять людьми и техникой с максимальной эффективностью, потому что противник, как правило, имеет превосходство в людях и стволах. Наконец, это умение подчинять себя выполнению поставленной задачи. Этому учатся долго и трудно. И хотя школа военного мастера одна, стало быть, и сумма знаний примерно одинакова у всех, люди остаются людьми, то есть разными во всем, кроме одного — беспрекословного подчинения своему долгу.

ПЕРЕЭКЗАМЕНОВКА ОГНЕМ

Почему отделение Курносова прошло штурмовую полосу хуже, чем обычно, не мог ответить даже сам командир. Самое обидное, что явной, все объясняющей причины не было; все стреляли прилично, бежали тоже как будто неплохо, маскировались, ползли, делали проходы. Тогда почему командир роты старший лейтенант Отраковский остался недоволен?

Саша сидит у клуба и думает. А ря-

дом думает другой Саша, сержант Спорников. Он был тогда на полосе — организовывал пиротехнику — и все видел. Поэтому Курносов пришел к нему и еще потому, что усатый Спорников — один из лучших сержантов роты, хорошо знает военное дело, владеет всеми видами стрелкового оружия и настоящий товарищ.

— Значит, так...— После каждой фразы Спорников неторопливо поглаживает поочередно правый и левый ус.— В главном командир прав, вы могли лучше. Объясняю. Из броника полезли только через передние люки. А надо было использовать боковые. Задержка — раз. Захарченко откатился слишком далеко вправо, и я видел, как ты перед лабиринтом сдерживал отделение, чтобы его дожидаться. Задержка — два. Саулюс поленился перекусить лишний ряд проволоки, двое твоих зацепились. Секундное дело, но ведь задержка же. Так, Саша, и набираются минуты.

— Стоп, Сашка, понял. Надо уговорить старшего лейтенанта, чтобы он разрешил моему отделению пройти завтра штурмовую полосу еще раз, ну вроде переэкзаменовки.

— А почему ты думаешь, что завтра будет лучше, чем тогда?

— Потому что я сегодня поговорю с ребятами и еще потому, что завтра с нами пойдешь ты.

...Дежурный поднял флажок — горящий по всему периметру брон-

транспортёр пошел, набирая скорость, под откос. Это была не имитация — самый настоящий огонь застилал люки, а черный, едкий дым лез в рот и глаза. Но надо выдержать еще несколько секунд — таково первое условие тренировки на полосе.

— Пора.— Спорники откашливаются и пружинной выскакивают через командирский люк.

Сквозь огневую завесу пехотинцы прыгают на землю из гремющей по рельсам машины. Теперь через минное поле — к лабиринту, узкому проходу между двумя каменными стенками, как и БТР, охваченному пламенем.

В лабиринт они врываются с интервалом три метра, чтобы не мешать друг другу и видеть идущего впереди — Сашу Курносова.

И опять они идут, вернее, ползут в пламя, теперь уже горит колючая проволока. Как и в тот раз, рвать ее предстоит Чурасу Саулюсу из Шауляя. Он ныряет под проволоку и, ложась на бок, поочередно режет все три ряда. В десяти метрах левее то же проделывает Олег Захарченко.

Вдруг прямо в лоб ударила автоматная очередь. Это не было предусмотрено и могло сбить с толку кого угодно. Но не морских пехотинцев и уж, конечно, не Курносова. Он командует: «Отделение, цепью, вперед!..», — огромными прыжками мчится к окопам противника. Его ребята тем временем охватывают огневую точку справа и слева, потом отбивают танковую атаку и броском пересекают поле.

Командир роты, Отраковский, на-

блюдавший за атакой от начала и до конца, сказал, что отделение сержанта Курносова прошло штурмовую полосу на этот раз отлично. И добавил, что говорить этого ребятам не надо. У него своя педагогическая система.

В МОРЕ

Который день «тревожный чемодан» командира стоит на видном месте и лезет на глаза Косте Макарову, отвечающему за него головой. Который день рота старшего лейтенанта Галанина ждет сигнала на выход в море. Впрочем, сигнала ждет вся часть. По соображениям, о которых ни Галанину, ни уж, конечно, Макарову не докладывают, учебная высадка морского десанта откладывается. Уже третий раз. На это есть свои причины. Все это понимают, но быть готовым и ждать — вещь малоприятная. С подъема до отбоя все в нервном напряжении, поэтому тише разговоры в береговой офицерской «кают-компании», пусто в матросском клубе — не до репетиций, в штабе допоздна не гаснет свет.

Когда наконец звучит сигнал «тревоги», все приходит в движение, мы чувствуем огромное облегчение, потому что теперь ясно, что нужно делать.

«БЕРЕГ НАШ!»

В последнюю минуту в строю вдруг оказывается сержант Василий Кардаш, сбежавший из санчасти. Это хороший командир, лихой парень, но еще утром у него была температура под сорок. Кардаш стоит в маскхалате и шлепанцах и не сводит глаз с Галанина. Старшему лейтенанту его жалко, но сейчас нет времени разводить антимонию, он командует Кардашу «кругом» и отсылает его обратно в санчасть. Вдоль берега пыльной вереницей уже грохочут танки, разметывая в разные стороны орды очумевших деревенских уток. Медленно, словно на ощупь, втягиваются в бухту серые десантные корабли.

Едва корабли, открыв ворота, начали спускать аппарели, колонны плавающих танков, бронетранспортеров и машин подошли к самой кромке берега, развернулись и встали, не глуша моторы. Водителям предстояло загнать свою многотонную технику на нижние и верхние палубы кораблей, найти там свое место не только сверхбыстро, но и сверхосторожно. Неловкое движение

тяжелого танка внутри корабля грозит пробойной в борту. Поэтому десятки раз на специальном бетонном каркасе, стоящем неподалеку отсюда, — точной копии большого десантного корабля — отработывались посадка и высадка всех видов техники, маневры внутри и размещение по отсекам.

Большой десантный корабль (БДК) встал в бухте, ожидая, когда отойдут от берега остальные. У трапа Галанина остановил командир батальона капитан Романенко и предупредил, что начинается килевая качка, техника должна быть закреплена намертво.

Галанин обошел БТРы и поднялся на твиндек. Все комсомольцы, свободные от вахты, были в сборе. Повестка дня собрания исчерпывалась одним вопросом: «Прием в ряды ВЛКСМ матроса Павла Удалова». Сам Павел стоял чуть в стороне от других, рядом со своим братом Александром, тот что-то говорил ему тихим голосом, и Павел кивал головой, соглашался. Паша и Саша — близнецы, очень похожие друг на друга, отличало их только то, что Саша был поразворотливее, да ладнее, чем на брате, сидела на нем форма.

Открыл собрание секретарь ротного бюро, младший сержант Валерий Побережец. Сказал, что положено в таких случаях, и еще, что принимают они товарища в комсомол именно пе-

ред учениями по его большой личной просьбе. Для начала Павла «погоняли» по уставу, потом взял слово Галанин. Он сказал, что с дисциплиной у Удалова порядок. По боевой пока без особого блеска, но, судя по тому, как человек старается, толк будет, и дело комсомольцев — помочь. В общем, он «за». Другие тоже говорили коротко, по существу, понимали, что времени не густо. Мнение было одно — «принять»...

...Первыми засекли воздушную цель корабли сопровождения и тут же координаты ее передали на флагман. Самолет «противника» заходил с левого борта. В одно мгновение экипаж БДК и морская пехота заняли свои места по боевому расчету, в полную готовность приведена зенитная установка. Действиями артиллеристов управлял первый помощник командира корабля капитан третьего ранга Гурий Дьяконов. Цель надо было поймать в прицел и поразить независимо от стрельбы других кораблей, поймать в те несколько секунд, когда она войдет в угол обстрела. А угол этот мог быть совсем небольшим.

С кормы появилась крохотная серебристая точка — самолет, чуть левее и ниже другая — планирующая за ним цель. Двенадцать снарядов огненной строчкой уходят в небо. Следом за нашим БДК стреляет корабль, идущий в двадцати кабельтовых впереди. Мы с нетерпением ждем известий о результатах — стрельбы зачетные. Наконец передали: цель поражена, точнее, разбита вдребезги. Гурий Дьяконов стоит на мостике все еще в каске и выковыривает из ушей вату — за столько лет не может привыкнуть к грохоту зениток. Действитель-

но, немногие установки имеют такой голос.

Но через полчаса Дьяконов, ворча и чертыхаясь, вновь надевал каску и закладывал уши ватой. Потому что катера «противника», прорвавшие наше боевое охранение, на полном ходу атаковали десантные корабли. С ходового мостика в бинокль было хорошо видно, как вспенивал воду ближайший к нам, остроносый, грозя дулами орудий. Катер несся бы еще стремительнее, не тащи он за собой в нескольких кабельтовых большой парус, который должны были прошить наши снаряды. Мы слегка ложимся на левый борт, и Дьяконов опять сыплет обоймами своих «рыжиков» прямехонько под основание парусу.

И так весь день, потом всю ночь. По «тревогам» мы спрыгивали с подвешенных на цепях коек, ничего не соображая, полусонные карабкались по трапам наверх, на ходовой мостик. Узнавали, что это очередной самолет «противника», или неизвестная подводная лодка, или еще бог весть что. В пять утра с флагмана передали, чтобы мы сняли затемнение и приготовились к высадке десанта.

ТЕПЕРЬ ЭТО НАШ БЕРЕГ!

Тихо звенело железо о железо, когда снимали с машин цепи или кто-то нечаянно касался оружием брони БТРов. Люди и техника были собраны одной, единой для всех волей в кулак, в пружину. Собраны до поры до времени, пока не наступит то самое мгновение, когда пружина выбросит нас на берег.

Он уже виден, желтый, спокойный и обманчиво ровный. Разведка сообщила другое, но выбирать место для причала могут позволить себе какие угодно корабли, только не десантные. Им всегда не хватает на это времени.

Идем прямо на берег, а справа нас обгоняет десантный катер. Он врежется в желтую кромку с такой скоростью, что остается непонятным, как уцелели те, кто был внутри. А они уже карабкаются на высокие дюны к белому домику, где, по нашим данным, находится пост берегового наблюдения «противника». Теперь наша очередь.

Последний раз выглядывает из люка командир танка сержант Быков, его машина выйдет второй. Леонид смотрит на нас — свой десант, подмигивает и что-то кричит. Что, мы не слышим, рев десятков моторов глушит все звуки, наверно, желает удачи. Рядом со мной устроился Валерий Побережец, одна рука — на скобе, в другой красный штурмовой флаг. Он поставит его на самой высокой точке берега, когда берег будет нашим.

Едва аппарат касается суши, головной танк, а за ним наш вырываются на высокий гребень склона, сотней метров левее «поста наблюдения». На поле нас догоняют остальные танки, теперь это уже не колонна, стальная шеренга, на полном ходу идущая вперед, щит, прикрывший своей броней и огнем высадку остальной техники. Едва мы успеваем развернуться «к бою», как впереди, справа, сухо затрещали пулеметные очереди. Это ударила во фланг «противнику» десантная группа морских пехотинцев, сброшенных в тыл с самолета.

Их было немного, чуть больше двадцати. Но каждый из них стоил троих. Помимо воздушнодесантного дела, они умеют водить машину любой марки, стреляют из всех видов оружия, работают с рацией, в совершенстве знают самбо и приемы рукопашного боя. Находясь в тылу «противника», диверсионная группа морских пехотинцев вела разведку, нарушала телеграфную связь, нападала на посты наблюдения, сеяла хаос и панику. А сейчас она вышла на правом флан-

ге, чтобы помочь своим и отвлечь на себя часть сил.

Танки пошли дальше. А цепи морской пехоты быстро, по-сухопутному окопались и вели прицельный огонь по маячившим на белесом поле силуэтам. Одна за другой мишени падали на поле, пока не осталась единственная, которая почему-то не хотела ложиться. И пулеметчик Юрий Стогов, первый стрелок роты Галанина, морщил лоб и продолжал бить короткими очередями, удивляясь, не веря своим глазам. Уже потом, когда мы прошли через поле и, осмотрев мишень, насчитали в ней два десятка дырок, поняли, что не падала она по другой причине: была заклинена намертво.

По замыслу командования, «черным беретам» предстояло не только удержаться на отвоеванной территории. Непрерывно атакуя, они должны были идти на запад вдоль моря и держаться до подхода основных сил десанта. Чтобы больше видеть, мы пересели в открытый БТР командира батальона Владимира Руденко.

Лицо комбата, серое от пыли, казалось острее и резче, чем всегда, на маскхалате тоже был пыльный налет, а в голосе слышалась хрипотца. Капитан уже пятый час руководил своими и приданными подразделениями, руководил первый раз в жизни в качестве комбата.

Однажды мы разговорились с ним. Владимир рассказал об отце, командире полка, погибшем в 1944 году в бою за эстонский город, о матери, старшем лейтенанте, прошедшей вместе с отцом до его последнего боя и оставшейся верной ему, даже мертвому. Судьба отца предопределила судьбу сына: Владимир окончил суворовское, потом военное училища и

стал офицером морской пехоты. Но несмотря на то, что он за свои тридцать с лишним лет около двадцати носил военную форму, в нем осталось что-то мальчишеское, он легко рискует, немного авантюристичен и порой резковат. Но все это не мешает Владимиру быть хорошим офицером, грамотным, точным, справедливым.

— «Бронза»,— кричит комбат пехоты танкистам,— поддержи меня на левом фланге, только не спеши, а то отсекут!

Слева из-за холма наперерез нашей колонне движется цепь автоматчиков «противника» и несколько бронемашин. Наши танки сейчас выйдут из-за березовой рощи, и только тогда Руденко повернет к ним батальон и, спешив пехоту, отдаст приказ контратаковать. А пока мы идем вперед, подставив «противнику» борта своих бронетранспортеров.

— «Аул», «Серп», пора. Резче, не снижая скорости, вперед.— Руденко вытирает пот.— Ну, сейчас будет номер.

Номер заключается в том, чтобы с ходу повернуть влево и ударить по «противнику» одновременно с танками в лоб и с фланга. Руководитель учений сказал потом, что это было

красиво придумано и очень прилично исполнено.

ДЕЛО ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ

Рота старшего лейтенанта Галанина залегла вдоль кромки черной мерзлой пашни, в первой линии обороны. Уже стемнело, но все равно надо было окапываться. Галанинцы, как крошечные, скребли в потемках твердую землю саперными лопатами, дружно похрустывали сухарями, которые прислал в роту Руденко. Помня о том, что полевая кухня приезжает или слишком рано, или слишком поздно, комбат еще два дня назад распорядился сунуть в БТР три мешка сухарей. И, надо отдать ему должное, поступил дальновидно, по слухам, кухня уже три часа искала нас в противоположной стороне.

— В море легче,— ворчал Анатолий Цыганков,— черт с ней, с качкой, зато там не надо копать. Я же матрос, а не экскаватор...

— Рассуждай молча, Толик,— сказал ему Побережец, окапывавшийся рядом. И добавил: — Ты же умный человек и все понимаешь. А если твоя недовольная физиономия полностью не скроется к утру в окопе, пеняй на себя.

Цыганков шумно вздохнул и заработал лопатой с удвоенной энергией. Они не отдыхали по-настоящему уже больше суток.

Галанин, согнувшись, перебежал вдоль пашни от одного матроса к другому — искал Алсултанова. На ходу ощупывал глазами, привычными к темноте, профили окопов, подмечал,

где мелко, где в самый раз. Алсултанов он разыскал в окопе Сергея Слепченко. Руслан окопался еще час назад и помогал соседу.

— Есть дело, Руслан,— Галанин присел на корточки у окопа.— Ночью наверняка что-то будет, чувствую. Возьмешь ракеты и натянешь контрольную нить как можно шире прямо перед фронтом роты. Как мы уже делали когда-то, помнишь?

Алсултанов кивнул, вытер ладони о маскхалат, сунул ракеты за пояс, а моток бечевки в карман.

— Возьми с собой кого-нибудь, например, Авагяна, он от тебя метрах в ста правее, «холодно», говорит, пусть греется. Но чтобы тихо... Вернетесь, доложите.

— Есть, товарищ старший лейтенант.

На всякий случай Галанин выдвинул отделение Асламбая Чесебиева немного вперед, следом за Русланом. Ребятам было жаль уходить из оборудованных окопов, давших с таким трудом. Кое-кто даже застелил дно прошлогодней лежалой соломой, собранной на поле. Прелая солома не очень грела, но уже один вид ее действовал успокаивающе.

— Отдохнем после победы,— пошутил Галанин.

К двенадцати ночи он успел обойти всех и доложить комбату о том, что рота заканчивает окапываться. Вернувшись к себе, почувствовал, что здорово устал. Подложив под бок плащ-палатку, Галанин прислонился лбом к холодной земле, чтобы прогнать сон. К нему подполз Костя Макаров и протянул сухари.

— Ешьте, товарищ старший лейтенант, для вас припас.

И тут командир роты вспомнил, что весь день ничего не ел, и принялся жевать жесткие сухари, вкуснее которых, казалось, он ничего в жизни не пробовал.

Потом вернулись Алсултанов и Авагян. Оба тяжело и часто дышали, лица их были мокрые, руки перепачканы глиной.

В 0 часов 30 минут две красные ракеты повисли над полем километрах в двух впереди и, заливая алым маревом все вокруг, высветили силуэты танков, идущих прямо на галанинцев. Танки шли тихо, с выключенными огнями, одной шеренгой.

Галанин машинально сунул начатый сухарь в карман, крикнул радисту: «Передайте по взводам: гранатометчики, вперед, огня пока не открывать, Чесебиеву — подпустить танки ближе». Потом не выдержал, вскочил, побежал вперед к цепи, за ним связист и Костя Макаров.

Танки «противника» еще несколько минут шли в темноте, наконец, свернули фарами и дали полный газ. Но было поздно, ударили пулеметчики Галанина, затем справа гулко заработал «ротный» соседнего подразделения. Элемент внезапности, на который рассчитывал «противник» при ночной атаке, не получился. Сделав по нескольку выстрелов, танки развернулись и ушли обратно. Стало тихо. Теперь уже до утра.

Галанин проверил посты и разрешил отдыхать: завтра надо было снова «воевать», а «завтра» наступило час назад.

«ВОЙНА ВОЙНОЙ», А...

«ПРАВЕЕ!..»

СТРОЙ — ЗНАЧИТ РЯДОМ ПЛЕЧО ТОВАРИЩА.

ТОЧНЫЙ ДИАГНОЗ

АНДРЕЙ ЛУК,
ВЛАДИМИР ТАРДОВ

«Сомнение —
мать мудрости»

Как спасти
жизнь?

Уверенность
в призвании

Профессор Б. И. Маньковский демонстрировал студентам юношу, который перенес восходящий паралич Ландри. Это поражение спинного мозга вначале захватывает нижние его отделы, приводя к параличу ног. Затем поднимается вверх, вызывая также паралич рук, и распространяется еще выше — на продолговатый мозг. Тогда наступает смерть. Пенициллин, стрептомицин и гормоны остановили процесс, затем удалось восстановить движения в руках и ногах. Выздоровление таких больных было редкостью, потому и демонстрировали юношу студентам. Однако профессор высказался осторожно:

— То ли наше лечение помогло, то ли болезнь сама отступила — этого мы не знаем и никогда не узнаем.

Поистине сомнение — мать мудрости; только глупец свободен от сомнений. Примечательен в этом отношении рассказ знаменитого хирурга Кристиана Барнарда.

У него как-то спросили:

— Доводилось ли вам наверняка спасти чью-то жизнь?

— Да, — ответил Барнард и рассказал следующую историю:

«Лет двадцать назад я служил врачом в маленьком городишке, километрах в ста от Кейптауна. Однажды меня срочно вызвала на соседнюю ферму женщина, объяснившая, что ее муж умирает. Достойная фермерша оказалась права. Супруг ее, которого я вскоре увидел, был в самом плачевном состоянии. Я помню все так же ясно, как будто это было вчера. Природа дышала миром. Садилось солнце. Шли в хлев коровы, кудахтали куры. Одиноко около колышка на привязи бродила коза.

Я осмотрел больного: двустороннее воспаление легких. Температура подскочила до 43 градусов. Он метался в бреду, жить ему оставалось недолго. Я принялся его лечить, как умел. Жене его сказал, что должен остаться возле больного на всю ночь. К трем часам утра улучшения не наступило. Фермерша сварила кофе. Когда мы принялись за него, она спросила:

— Доктор, а вы впрямь сделали все, чтобы спасти моего мужа?

— Да, — ответил я, — по-моему, все.

Тогда она сказала:

— Послушайте, доктор, раз вы все сделали, а удачи, как видно, нет, отчего бы нам не попробовать деревенский способ? Вот знахарь, тот лечит всякие грудные воспаления козой.

— Козой?!

— Ну да. Режет козу, снимает с нее шкуру и закутывает ею грудь больного. И выздоравливают!

Я пораскинул умом и решил, что не для того семь лет изучал медицину, чтобы прибегать к методам каменного века.

— Знаете, — сказал я, — подождите еще час. Если к четырем вашему мужу не станет лучше, режьте козу.

Но боги были на моей стороне. В четыре часа температура упала до 37,5. Он пришел в сознание, и дело пошло на поправку. Ранним утром я взял свою сумку и попрощался с добрыми хозяевами. Я шел по такому тихому, такому спокойному двору фермы, а солнце тем временем поднималось, на луга гнали скот, курам сыпали зерно. У кола паслась козочка. И, уходя, я сказал ей: «Коза, я спас тебе жизнь!» Это единственный случай, когда я знал это наверняка.

Как бы высоко ни ценили врача больные и товарищи по работе, он должен помнить, что знания одного человека ограничены, а долг перед больным выше соображений самолюбия и престижа. Многие готовы признать формулу «Я знаю только то, что я ничего не знаю» на словах. А нужно на деле.

Но, вооруженный одними только сомнениями, врач не придет к точному диагнозу. Что же нужно еще?

Изучение медицинской литературы, участие в клинических конференциях, разбор своих и чужих промахов (свои лучше запоминаются и большему учат) — общеизвестные средства. Но это далеко не все. Тот, кто больше всех знает, не всегда самый лучший врач. Эмиль Золя подметил это обстоятельство. Среди персонажей романа «Земля» есть деревенский доктор Фине, «худой и пожелтевший от неудовольственного честолюбия... У него был большой опыт в лечении наиболее распространенных болезней, и обычно он вылечивал от них очень удачно — удачнее, чем это мог бы сделать человек с большими научными познаниями».

Не надо понимать дело так, что чем меньше знаний, тем лучше. Нет, конечно. Но, видимо, кроме знаний, нужно что-то еще, и весьма важное.

Древний философ Демокрит писал, что нужно стремиться не к полному знанию, а к полному разумению. Физик Макс фон Лауэ высказался еще решительнее:

«Не так важно приобретенное знание, как развитие способности мышления. Образование есть то, что остается, когда все выученное забыто».

Формулировка эта полемически заострена и потому содержит преувеличение. Если врач и впрямь забудет все выученное, то толку от его мышления не будет никакого. Значит, нужен разумный минимум знаний плюс умение мыслить. Причем этот минимум знаний должен представлять собой внушительный багаж.

Говорят, что врач должен еще обладать обаянием. Люди часто пользуются нечеткими, расплывчатыми понятиями, но им все-таки ясно, о чем идет речь. Если спросить человека, употребившего это слово, что оно означает, то, кроме прищелкивания пальцами и бормотания: «Ну, обаяние — это... одним словом, это обаяние», — он ничего вразумительного не скажет. Между тем не так уж безнадежна попытка разобраться, какими особенностями обладают люди, которых называют обаятельными. Разумеется, обаяние нельзя свести к одной только черте характера, это скорее совокупность внутренних качеств. Но есть, видимо, один стержневой критерий: неподдельный интерес к собеседнику и шире — вообще к окружающим, готовность выслушать, понять то, что их волнует, виннуть в мысли, заботы и тревоги другого человека.

Это не просто хорошие манеры, холодно-вежливый вопрос о здоровье детей, а именно живая заинтересованность. Поэтому так трудно изобразить обаяние — нужно действительно быть, а не казаться заинтересованным. Добропорядочный человек может совершать вполне благопристойные поступки, но если нет у него искреннего интереса к окружающим, то обаятельным его не назовут.

Обаяние врача — это глубокая заинтересованность в исходе лечения, в судьбе больного. Нередко обаяние врача связывают с бескорыстием. В рассказе А. И. Куприна «Чудесный доктор» профессор Пирогов оставляет больному несколько крупных ассигнаций. О киевском профессоре Ф. Г. Яновском до сих пор вспоминают старожилы — он обычно вместе с рецептом вручал больным-беднякам и деньги.

От современного врача никто не ждет материальной помощи. В городе, где мы начинали свою лечебную деятельность, большинство пациентов — металлургов, шахтеров и машиностроителей — получали зарплату куда большую, чем врач. И по этой причине они смотрели на него с сознанием собственного превосходства. Правда, это отношение резко менялось у тех, кого настигала болезнь. Такие метаморфозы вполне обычны. Скептик, который презирает медицину и докторов, стоит ему только захворать, молниеносно преобразуется.

От врача требуется также сдержанность и скромность; он не должен стремиться показать свою эрудицию. Очень хорошо, если доктор настолько образован и умен, что больные видят и признают его интеллектуальное превосходство. Но ни в коем случае не нужно стараться его продемонстрировать. Правда, в последние годы все перевернулось вверх дном: теперь уже пациент или его родственники спешат показать врачу свою осведомленность, вмешиваясь и критикуя его лечебные предписания. В таких случаях от врача требуются самообладание и выдержка, выручает и чувство юмора.

Нет такого врача, который нравился бы всем обратившимся к нему людям. У кого-то он непременно вызовет неудовольствие.

Существует психологическая несовместимость, и, как бы ни был хорош доктор, всегда найдутся люди, которым он окажется не по душе.

Система врачебных участков при всех преимуществах имеет важный минус: лишает больного выбора, привязывает его к одному врачу, к которому хочешь не хочешь, а приходится обращаться.

В книгах, затрагивающих проблемы деонтологии¹, нередко рисуют фигуру врача-авантюриста, увлеченного сединой старца, увенчанного академическими лаврами, от которого исходит кадилый дым святости. Такие абстрактные «идеалы» едва ли служат целям воспитания. Их общественное и материальное положение настолько отличается от обычного врачебного, что если бы молодой врач в самом деле пытался брать их за образец, то его поведение стало бы нелепым и даже смешным.

Нам с такими идеальными фигурами встречаться не приходилось. Мы видели хороших, даже отличных врачей, у которых многому можно было поучиться, многое стоило перенять, хотя никто из них не подходил под рубрику идеального исцелителя.

В первые годы работы нашим отделением заведовал Юрий Борисович Гладков. Институт окончил он еще до войны. Остался в аспирантуре, но не выдержал и года — сбежал. Невмоготу стало ловить на лету чужие мысли и выстругивать диссертацию по предложенной теме. Бросил все и уехал на периферию.

А тут как раз война, фронт. После войны послужил он еще на Дальнем Востоке, а потом уволился в запас и приехал в наш город. Сам создавал наше отделение: от предшественника досталась ему лишь пародия на неврологическое учреждение. Сам воспитывал сестер и санитарок, учил врачей. С утра до вечера не выходил из отделения. И диссертацию защитил, правда, не в 26, а в 38.

Больные верили Юрию Борисовичу и стремились попасть к нему на консультацию. А о проницательности его ходили легенды. Однажды приехал в больницу человек из села и обратился к сторожу:

— Где здесь доктор, что як подивится, так все наскрозь видит?

Сторож сразу сообразил:

— То, мабуть, Юрий Борисович.

А ведь мог подумать, что рентгенолога ищут...

Откуда же берутся люди, обладающие всеми качествами врача? Едва ли можно отыскать таких среди выпускников десятых классов. Потому что качества эти воспитываются в институте и после — на работе. А врачебное приз-

вание, которое проявляется уже на школьной скамье, — скорее исключение, чем правило. Хорошие врачи получаются из людей, которые иной раз и случайно попали в медицинский институт.

Вера Горяева в школе увлекалась математикой, но по настоянию родителей поступила в медицинский институт и благополучно окончила его. Стремления заниматься врачеванием у нее так и не возникло. Захотела стать биохимиком, однако судьба в облике комиссии по распределению забросила ее в хирургическое отделение нашей больницы.

В первый же день Вера объявила, что больных боится и врачом не будет, тем более хирургом.

— Чушь! — возмутился заведующий отделением. — Через год будешь самостоятельно оперировать.

— Не буду!

— Заставлю. А сейчас кончай болтовню и ступай в операционную. Будешь мне ассистировать!

И что же? Через год Вера действительно начала оперировать, а лет через 7—8 стала отличным хирургом. В городской газете появился о ней очерк «Призвание». Заведующий принес газету в отделение и с веселым смехом спросил:

— Оказывается, ты еще в детском саду играла в хирурга и мечтала делать больным харакири!

В связи с этим интересно понять, что же такое призвание. Почему одного человека тянет стать астрономом, а другого филологом?

Нынче десятки тысяч молодых людей чувствуют, что их призвание — физика или электроника. А сто лет тому назад процент людей со средним образованием, которые считали, что физика — дело их жизни, был гораздо меньшим. Между тем генетическая устойчивость человеческого рода — залог того, что задатки одаренности людей из поколения в поколение не меняются. Не вдаваясь в тонкости, скажем, что это утверждение — следствие генетического закона Харди — Вейнберга.

Откуда же берется уверенность в призвании? Есть, конечно, небольшое число людей с выраженной склонностью к музыке или математике. Гораздо больше других, просто способных юношей, которые с равным успехом занимались бы и биологией, и медициной, и физикой. Но здесь вступает в силу социальный престиж профессии, то уважение, которое оказывается ей общественным мнением, печатью. Сюда же относится материальное обеспечение, перспектива научного роста. Все это юноша учитывает сознательно и подсознательно. И ему начинает казаться, что полупроводники, лазеры или космические ракеты — это то, для чего он рожден.

Если бы общество оценивало другую профессию столь же высоко, как профессию физика, то значительная часть тех, кто сегодня еще рвется на физические факультеты, устремилась бы в другие учебные заведения. И были бы уверены, что именно там их призвание.

В прошлом веке, когда Луи Пастер и Роберт Кох делали свои знаменитые открытия, престиж биологических наук был очень высок, и они привлекали к себе наиболее одаренных молодых людей. Не исключено, что дальнейшее развитие генетики и биохимии вновь привлечет множество способных людей на биологические факультеты, и они будут искренне считать, что рождены для занятий биологией.

Когда человек выбрал физику, зная, что поступил он на юридический, то и заработок был бы выше и карьера блистательнее, — тогда можно было с большим основанием говорить о «чистом» призвании.

Теперь пора вернуться к врачебному призванию. Это вещь трудноловимая. Приемные комиссии медицинских институтов не та инстанция, которая могла бы его определить. Видимо, ориентироваться нужно на другое: способности и подготовку. Опыт подсказывает, что в большинстве случаев в призвании нет нужды. Не всякий человек может стать скульптором или, скажем, оперным певцом. Но всякий человек с нормальными способностями при определенных условиях может стать врачом. Для этого нужны заинтересованность и желание. Впрочем, вначале их может и не быть. Пока человек еще не стал врачом, откуда возьмется любовь к своему делу? Любовь и настоящий интерес приходят вместе с профессиональным мастерством. Бить может, это и есть призвание?

Рассказы обо мне всем

САМЫЙ ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Поздно вечером 19 июня 1941 года я, выпускник Ленинградского военно-медицинского училища имени Щорса, приехал к месту своей первой службы — в приграничный литовский город Вирбалис. После Ленинграда он показался мне небольшим поселком. Узкие улицы, на которых редко появляются прохожие, одноэтажные домики, утопающие в зелени деревьев и цветов. Таким в моей памяти город Вирбалис сохранился и по настоящее время.

Настала суббота 21 июня — последняя мирная суббота в нашей стране. Этот день ничем не отличался от других. Я в санитарной части знакомился с медицинским оборудованием. Больных не было. Командиры с бойцами занимались боевой подготовкой.

Вернувшись вечером из клуба, я увидел, что около санчасти стоит наша санитарная автомашина. На нее санструктор и санитары грузят перевязочные средства и медикаменты. Мне было приказано получить личное оружие — пистолет. Командир батальона велел всем командирам и бойцам отдыхать в эту ночь в обмундировании. Было ли это распоряжение вызвано предстоящими занятиями по боевой подготовке или же надвигавшимися событиями, я так никогда и не узнал.

Город постепенно успокаивался и погружался в сонную тишину. Понемногу замирала жизнь и в нашей батальоне. Я, устроившись в санчасти на диване, тоже заснул. Бодрствовали, как и положено в армии, только часовые и дневальные.

Яркий блеск молнии ослепил мне глаза. Раздался страшный грохот грома. Земля под ногами затряслась. Я вскрикнул, спросонно не понимая, что же происходит. Здание санчасти шаталось и трещало. В комнату вбежал санитар со словами: «Товарищ военфельдшер, вставайте, немецкие самолеты перелетели границу».

Так для меня началась война. Появившийся командир батальона приказал старшему лейтенанту — командиру мотострелковой роты занять оборону на западной окраине города. Вместе с ротой отправился и я.

Мы бежим по пустынной улице. Жителей не видно. Город словно вымер. Иногда впереди или сзади нас рвутся снаряды. Вот и окраина. Рота рассыпается в огородах справа от шоссе и начинает окопываться. Вскоре появились два командира-пограничника. Они сообщили о движении по шоссе к городу немецких танков и пехоты.

Прошло не больше часа. Бойцы еще не успели окопаться. Со стороны границы послышался шум моторов, а затем показались и танки.

Бойцы затаились в неглубоких окопах. Вот, грохоча гусеницами, по шоссе прошли один, второй, третий... шестой танки. Стали приближаться автомашины. Уже можно различить лица солдат. Сидят спокойно, улыбаются, разговаривают между собой, смеются. Рукава мундиров закатаны по локоть. В руках автоматы.

До первой автомашины остается 100 метров. Дружно ударили пулеметы, затрещали автоматы, захлопали винтовки. Передняя автомашина, развернувшись поперек дороги, остановилась. Удачным попаданием мины в мотор выведена из строя вторая... Немцы повернули назад.

Было ясно, что враг появится снова. Пользуясь передышкой, мы стараемся поглубже зарыться в землю. Налетели самолеты врага. С диким завыванием, поливая землю огнем из пулеметов, они промчались над нами. Сделав три захода, самолеты скрылись. Потом в нашем направлении стали рваться снаряды. Потянулись первые раненые. Наскоро перевязав, оттащил их к стоящему в 250 метрах сараю.

Занятый ранеными, я не обращал внимания на происходящее. Начавшаяся стрельба из пулеметов, винтовок, разрывы мин заставили меня отвлечься от работы и поднять голову. К окраине города приближалась цепь автоматчиков. Уперев приклады автоматов в живот и стреляя на ходу, они уверенно шли вперед. Укрывшимся в окопах бойцам их огонь не причинил вреда.

Дружные залпы наших пулеметов и автоматов заставили автоматчиков вначале залечь, а затем откатиться за пригорок.

Опять появились самолеты, открыла огонь вражеская артиллерия. В пылу боя быстро промелькнул день. Вечером к нам пришли политрук и мой друг лейтенант Волков. Нерадостные вести принесли они нам. Наши легкие танки выведены из строя. Командир батальона со штабом и частью бойцов отошел к станции Вилкавишнис.

18 дней мы воевали в окружении. В ночь на 10 июля под городом Каунасом я был контужен, на поле боя подобран немцами и в течение 1 месяца 20 дней находился в каунасском лагере военнопленных.

30 августа 1941 года вместе с другим пленным — Александром Шацковым мы бежали из лагеря. Ночами мы прошли через всю Литву и в октябре добрались до Мядельского района, Минской области. Здесь нами была создана партизанская группа из 7 человек, которая весной 1942 года в Борисовском и Бегомельском районах встретилась с другой партизанской группой. Так был создан наш партизанский отряд.

В этом отряде до сентября 1942 года я исполнял обязанности начальника штаба, а затем до освобождения Белоруссии был командиром этого отряда, который с февраля 1943 года назывался отрядом имени Комсомола.

Павел ВОРОБЬЕВ,
г. Владивосток

¹ Совокупность этических правил, определяющих взаимоотношения врача и пациента.

К 30-ЛЕТИЮ
ОСВОБОЖДЕНИЯ
ЧЕХОСЛОВАКИИ
ОТ ФАШИСТСКИХ
ЗАХВАТЧИКОВ

НА ЭТОЙ АРХИВНОЙ ФОТОГРАФИИ ЗАПЕЧАТЛЕН ОДИН ИЗ ЭПИЗODOB ВОЛНУЮЩЕЙ ВСТРЕЧИ ПРАЖАН С СОВЕТСКИМИ ВОЙНАМИ-ОСВОБОДИТЕЛЯМИ 9 МАЯ 1945 ГОДА.

Василий ЖИЛЬЦОВ, специальный корреспондент «Смены»

ТОГДА, В

Вот и снова пришла весна в Прагу. На Винограды и Карлин, Старе Место и Михле, Смихов и Подол... Солнце успевает за день прогреть даже самые узенькие улочки, и по Вацлавской площади народ идет густым потоком, как на празднике. До сих пор еще толпы приезжих спешат поглядеть на пражское метро, ставшее такой же достопримечательностью, как Град или старинная ратуша. В такие вот весенние дни у доктора Фердинанда Шруты начинает болеть нога. Тихонечко, осторожно старая, давно зарубцевавшаяся рана словно бы спрашивает: «А не забыл ли ты, а помнишь ли, как это все было тогда, в мае 45-го?» Глупая, разве такое забывается? Память живет вместе с человеком, она сильнее его и иной раз преподносит такие сюрпризы, что только диву даешься.

Вот вчера ему всю ночь снилась какая-то бумага на немецком языке. Он вглядывался в сухие машинописные строчки, продираясь сквозь тяжеловесные технические термины и никак не мог понять: откуда взялись эти листки и какое имеют к нему отношение. Целый день он мучился, вспоминал, а потом пришел на работу в Свазарм, увидел развешанные на стенах плакаты для призывников, и все стало на свои места. Господи, да ведь это же секретная документация, которую они с таким трудом раздобыли в конце 43-го. Связой из Остравы запаздывал, и он несколько дней прятал листки в тайнике. Интересно, прошли ли эти листки весь свой долгий и сложный путь по цепочке, на одном конце которой был он, Фердинанд Шрута, инженер завода «Збройовка-Брно» со своей подпольной тройкой, а на другом — Советский Союз и его великая Красная Армия? Этого он никогда не узнает, да сейчас и не к чему. Главное, что он честно выполнял свой долг и может прямо и открыто смотреть людям в глаза.

Ева Шрутова помогает мужу одеться и выходит вместе с ним. Незачем напоминать ему, что он инвалид и не должен много ходить. Все равно ведь он пойдет туда, в Дейвице, в май сорок пятого года.

Маршал Советского Союза И. С. Конев, чьи войска освободили 9 мая 1945 года Прагу, в своих

воспоминаниях дает следующую оценку Пражского восстания: «У восстания были свои особенности и противоречия; в нем участвовали различные социальные слои. Восстание усугубило и без того критическое положение немецких войск в Чехословакии... Я не стану анализировать ход Пражского восстания во всех его сложных перипетиях. Скажу лишь о том, что было в нем самым главным, — всенародный взрыв негодования против фашистских захватчиков, стремление взять в руки оружие, любой ценой помочь скорейшей победе над фашизмом, же считаясь при этом ни с опасностью, ни с жертвами. В этом героическая суть восстания».

Слова прославленного советского военачальника можно с полным на то основанием отнести ко всем событиям, происходившим в Чехии и Моравии в 1945 году и получившим ныне точную и четкую формулировку — восстание чешского народа против фашизма. Коммунистическая партия Чехословакии сумела в тяжелейших условиях подполья, теряя непрерывно лучших своих бойцов, создать широкую сеть подпольных групп, успешно действовавших прежде всего на заводах среди рабочих. [В одной из таких организаций и состоял, между прочим, тогда еще беспартийный, а ныне коммунист с 30-летним стажем, доктор Фердинанд Шрута.] Огромное значение имела и помощь Красной Армии, неумолимо приближавшейся к границам так называемого «протектората». Вблизи Праги и других крупных промышленных центров Чехии и Моравии одна за другой приземлялись группы парашютистов, в которых рука об руку действовали советские разведчики и чехословацкие граждане — коммунисты, прошедшие подготовку в Советском Союзе. Многие из этих групп стали ядром партизанских отрядов, организаторами вооруженной борьбы против гитлеровцев.

1 мая восстали рабочие Пршерова. Их бой длился недолго — слишком уж неравными были силы, но языки пламени продвигались все дальше и дальше: загремели выстрелы в Ломнице, Железном Броде, Турнове, Раковнике, Колине. Кульминацией восстания стала Прага.

4 мая с утра в городе было неспокойно. Толпы возбужденных, пока еще плохо организованных пражан срывали со стен немецкие объявления и

надписи, разоружали полицейских и небольшие группы солдат, кое-где появились первые баррикады, восстание только-только разгоралось. Шрута со своей группой получил задание 5-го с утра занять помещение заводского бюро на Жижкове — там хранилось много важных документов и чертежей, надо было воспользоваться предоставившейся возможностью и захватить их. Но было уже поздно. Город перегородили свыше 1600 баррикад, бои с эсэсовцами шли по всему центру, пробиться туда никак не удавалось. Тогда и пришлось решение пробираться в Дейвице, где размещалась дирекция завода.

Охранников-немцев они убрали быстро, без стрельбы. Разоружили, заперли в подвале, а сами поспешили к сейфам с документами. Кое-что ценное нашлось и здесь. Добычу спрятали, оружие разделили между собой. Теперь они почувствовали себя значительно увереннее — есть винтовки и пистолеты, отряд увеличился за счет нескольких добровольцев-пражан, некоторые из них были даже вооружены... охотничьими ружьями. Можно начинать свою войну с фашистами.

А в это время коммунисты предпринимали истинно героические усилия, чтобы скоординировать, свести воедино разрозненные, плохо связанные между собой очаги стихийно разраставшегося восстания. На Гибернской улице, в Народном доме, был напечатан первый легальный номер «Руде право» — весь тираж отправили защитникам баррикад. Непрерывно заседал Чешский Национальный Совет, который должен был взять власть в свои руки в период восстания и выполнять эту обязанность до приезда в Прагу законного правительства, созданного в освобожденном Красной Армией городе Кошице. На самые опасные участки отправились опытные партийные работники, прошедшие суровую школу подпольной борьбы. Так, повстанцев у Тройского моста, откуда ожидался удар находившихся за городом эсэсовских танковых частей [так оно и произошло на самом деле], возглавил Вацлав Вацек, ставший потом первым приматором («городским головой») освобожденной Праги.

С самого начала было ясно, что плохо вооруженным, не имевшим боевого опыта жителям Праги в одиночку не справиться с 40-тысячным фашистским войском, к которому присоеди-

МАЕ

ПРАГА. ВЕСНА 1975 ГОДА.

Фото Мирослава ГУЦЕКА

лись многие из 250 тысяч немцев — гражданских лиц, эвакуированных в город со всей Чехословакии. Эти стреляли по защитникам баррикад с крыш, из окон, показывали проходные дворы, через которые можно неожиданно ударить с тыла. Поэтому одной из главных задач стал захват здания пражского радио, откуда можно было бы обратиться за помощью к Красной Армии. Только 6-го удалось овладеть радиодомом, и в эфир открытым текстом полетели призывы о помощи на русском и английском языках.

А в Дейвице летучий отряд, в котором действовал Фердинанд Шрута, быстро передвигался от дома к дому. Они захватили кирпичный завод, где обнаружили небольшой склад фаустпатронов, потом какой-то прохожий показал им дом, в котором хранилось 10 винтовок. Шрута вбежал в подвезд вместе с этим мужчиной («даже имени его не знаю», — сокрушается он теперь) и вышел вскоре, сгибаясь под тяжестью оружия, которое тут же расхватали совсем еще безусые парни, приставшие к ним где-то на полдороге. Потом они отправились к зданию местного отделения нацистской партии, сорвали с него вывеску, с наслаждением сдернули и втоптали в землю ненавистное полотнище со свастикой — отвели душу, дом-то был уже пустой, фашистские чиновники убежали, завидев повстанцев еще издали. Видимо, они и вызвали солдат в черных мундирах, выскочивших, как из засады, из-за угла соседнего дома.

Был май, цвела сирень. Куст с крупными, тяжелыми гроздьями цветов укрыл Шруту. Он устроился поудобнее, ощутил плечом привычную тяжесть приклада («я дважды призывался в чехословацкую армию и считал себя профессиональным военным») и сделал то, о чем мечтал все долгие годы оккупации: выстрелил во врага. Он увидел, как выбранный им эсэсовец упал, как-то странно — набок, и остался лежать в нелепой, неудобной позе. Тогда он стал выбирать себе второго, но не успел. Автоматная очередь прошла по его ноге, словно вбивая ее в землю. Очнувшись поздно вечером в странном, непонятном помещении: пахло ванилью и еще чем-то сладким, вокруг стояли столы и легкие плетеные кресла. Оказывается, его перенесли в ближай-

шую кондитерскую, как смогли перевязали и теперь собирались нести дальше — в школу. Там в гимнастическом зале был устроен своего рода полевой госпиталь для повстанцев.

Только 9-го повезли его через весь город — ликующий, восторженный, счастливый — в больницу. Временами он приходил в себя и тихо улыбался себе бескровными губами («я тоже сделал хоть что-то, чтобы этот день настал»).

1 июня 1945 года прямо в больнице Фердинанд Шрута был принят в Коммунистическую партию Чехословакии.

А Прага, красавица Прага, 6-го, 7-го и 8-го истекала кровью. Командующий эсэсовскими частями генерал Пюклер приказал превратить ее во вторую Варшаву. Горели и рушились дома, подожженные артиллерией и танками, пришедшими из близлежащих немецких гарнизонов.

Захватив главный городской вокзал, гитлеровцы приволокли из подземных убежищ на разбомбленный, горящий перрон 150 человек и расстреляли каждого пятого. В Панкраце 6 эсэсовцев, обнаружив в подвале одного из домов укрывавшихся мирных жителей, убили всех — 47 человек, в том числе 10 детей и 13 женщин.

Одним из главных центров сражения стал Тройский мост (теперь он называется мост Баррикадников). Как и ожидалось, именно по нему рвались в город танки дивизий «Викинг» и «Валленштейн».

Вернемся к воспоминаниям маршала И. С. Конева: «У нас была острая тревога за Прагу, острое желание как можно скорее прийти на помощь своим братьям, прежде чем фашисты, используя преимущество в силе, успеют расправиться с ними. Это чувство было у нас всеобщим. Оно владело и мной, командующим фронтом, и рядовыми танкистами из армий Рыбалко и Лелюшенко, которым, чтобы утром ворваться в Прагу, пришлось совершить в ночь на 9 мая немисловный по темпам восьмидесятикилометровый бросок. К Праге стремились, и каждый из нас сделал все, что было в человеческих возможностях... В девять часов утра Прага была полностью освобождена и очищена от противника. Хотя первые наши танки вошли туда в три часа ночи...»

И еще одно свидетельство об этом радостном

дне. Перед вами впервые публикуемая на русском языке досрочная запись радиорепортажа, переданного раним утром 9 мая 1945 года по пражскому радио, которое еще несколько часов назад зывало о помощи. Вот этот уникальный текст:

«Мы в машине чехословацкой радиостанции «Прага». Мы едем по извилистой дороге сверху от Града. Слева от нас Кларов, справа Градчан, а прямо под нами распростерся город, «слава которого достигает звезд». Только что Прагу освободила Красная Армия. На площади в Кларове стоят, наверное, последние, уже побежденные немецкие танки. Славная Красная Армия очень быстро вывела их из строя. Танки в плену. На улице следы боев, павшая лошадь, руины дома. Мощные взрывы гранат до сих пор звучат в ушах. Гранаты бросали немецкие солдаты. Мы отвечали им тоже гранатами. Везде ощущается застоявшийся запах пороха. Теперь мы едем тихой улицей между университетской библиотекой и набережной. Едем дальше.

На улицах повсюду беспорядок. Взорванная мостовая, сброшенный трамвайный вагон, простреленный насквозь угол здания... Но мы едем в безопасности за русскими танками. Народ начинает заполнять улицы. Едем в центр. Запах пороха все еще ощущается. Сейчас проезжает бронетранспортер, и надо освободить ему дорогу.

Мы стоим у Карлова моста. Справа от нас величественные Градчан. И сейчас, верьте мне, они более чем когда-либо красивые, ибо над ними свободно развевается наш чехословацкий флаг!»

А потом весь город вышел на улицы, и началось всеобщее торжество — настолько мощное, настолько огромное, что долгожданное сообщение об освобождении Праги было передано в Москву с опозданием на несколько часов: ни один советский командир не мог выбраться из ликующей многотысячной толпы, чтобы сообщить в штаб фронта об одержанной в последний день войны победе...

Они заходят в маленький магазинчик, и Ева Шрутова долго, придирчиво выбирает цветы. Теперь они поедут на Ольшанское кладбище, где похоронены солдаты, погибшие на улицах Праги. Эти цветы для них.

«Немцы!.. Не стреляйте в ваших братьев — русских рабочих... Долой кровавую гитлеровскую тиранию!» — говорилось в листовке Антифашистского немецкого народного фронта (АНФ). Эту крупную нелегальную организацию создали ветеран первой мировой войны и Баварской республики 1918 года Карл Циммет, владелец небольшой типографии Губер, супруги Гутцельман, коммунист Георг Ярес и другие бесстрашные мюнхенцы. Печатали листовки, выпускали машинописный бюллетень «Будильник», который распространяли в спичечных коробках. Патриоты находили единомышленников на промышленных предприятиях, в казармах, даже в полиции.

В 1943 — 1944 годах АНФ действовал вместе с БСВ — Братским сотрудничеством военнопленных, куда входили сотни советских воинов, захваченных на поле боя, и гражданские, угнанные на чужбину с временно оккупированной территории СССР. «Восточные рабочие» не содержались под стражей, ходили по воскресеньям в город, и подпольщики пользовались этими послаблениями.

БСВ ставило целью «нанесение ущерба» экономике рейха, «разложение германской армии и мобилизацию населения», подготовку «восстания для уничтожения Гитлера». Подпольная организация обратилась с воззванием «Ко всему трудящемуся населению Германии», в котором писала: «Действуйте так, как действовали русские в 1917 году. Не медлите!» В записке о распределении обязанностей руководителей ставилась насущная интернациональная задача: «Совместная работа с Коммунистической партией Германии». Комитет действия, созданный АНФ и БСВ, призвал к усилению активности в общей справедливой борьбе против гитлеризма, за мир, свободу и демократию. Устная и печатная пропаганда, саботаж и диверсии, подготовка вооруженного выступления при подходе Красной Армии распространились на всю Южную Германию, отмечает «История Великой Отечественной войны Советского Союза». Некоторые сведения об этом сообщил после войны Карл Циммет, спасенный от казни нашими войсками.

Соратники Циммета пали по приговору нацистского суда. Военнопленных и «восточных рабочих» допрашивал с пристрастием специально созданный отдел гестапо. 92 героя БСВ расстреляны и сожжены в Дахау. Остальных обрекли на смерть в концлагерях.

Ниже частично публикуется обвинительное заключение берлинского верховного прокурора по делу мюнхенских патриотов и воспоминания оставшихся в живых членов БСВ. Это документальные свидетельства братской солидарности лучших представителей немецкого народа и советских людей.

И те и другие сделали для Победы все, что могли.

МИХАИЛ ИСКРИН

НЕ СТРЕЛЯЙТЕ В ВАШИХ БРАТЬЕВ...

ИЗ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ:

9 марта 1943 года в лагере военнопленных Мюнхен — Перлах (на окраине Мюнхена. — М. И.) состоялась конференция Братского сотрудничества военнопленных, имевшего комитеты во многих крупных городах рейха. К членам БСВ принадлежали военнопленные, служившие ранее в Красной Армии.

Многие, позднее арестованные, «восточные рабочие» были членами или кандидатами Коммунистической партии или юношеской организации комсомола...

ВОСПОМИНАНИЯ ПОДПОЛЬЩИКА М. МАТВИЕНКО

Лагерь Мюнхен — Перлах находился на Шванзеештрассе, вблизи Штадельгеймской тюрьмы. Он предназначался для советских офицеров, преимущественно защитников Севастополя. Мы добились, что старшими бараками стали офицеры-коммунисты, превратившие лагерь в центр антифашистского движения военнопленных в Южной Германии.

Под предлогом празднования дня рождения Романа Петрушеля (один из основателей БСВ, красноармеец-комсомолец, кличка Федотов, 1913 — казнен в 1944, как все упомянутые в тексте члены БСВ. — М. И.) мы пришли в комнатку старшего десятого барака на конспиративное совещание. В коридоре были поставлены посты. Майор Карл Озолин (красный латышский стрелок, соратник Блюхера, командир авиаэскадрильи, военный ор-

ганизатор БСВ, 1902—1944. — М. И.) открыл совещание. Он сказал полупешотом, что мы называем нашу подпольную организацию Братское сотрудничество военнопленных, призывая тем самым к сотрудничеству военнопленных всех национальностей. Петрушель зачитал программу. Майор Михаил Конденко (чемпион по конному спорту, один из основателей БСВ, кличка Днепрец, 1906—1944. — М. И.) внес предложение включить в БСВ также гражданских, угнанных в неволю. Предложение приняли. Было одобрено обращение ко всем узникам фашизма.

ИЗ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ:

Внутри БСВ дело дошло до того, что наиболее надежные члены объединились в боевые группы... Часть членов БСВ имела огнестрельное оружие...

ВОСПОМИНАНИЯ ПОДПОЛЬЩИКА К. АНТИПОВА

Оружие было спрятано на территории завода «Маннер зоне» и возле барака, в котором мы тогда жили.

В углу заводского двора Борис Келесов (А. Яжемский, иркутский спринтер, командир арtdивизиона, 1917—1944. — М. И.) резал циркулярной пилой чурки. Он заметил, что немецкие рабочие кладут в ящик и заваливают чурками завернутые в промасленную бумагу консервные банки. Борис насовал банок в корзину и сверху прикрыл дровами. Я забежал

к нему перед обеденным перерывом. — Одна банка у меня в кармане, — сказал Борис.

Развернули бумагу и увидели... гранату с отверстием для ручки.

Рабочие заметили пропажу. Узнав, кто «виновники», сами стали снабжать нас гранатами.

ИЗ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ:

В 1943 году обвиняемая Эмма Гутцельман (бежала из Штадельгеймской тюрьмы, но погибла во время бомбежки Мюнхена. — М. И.) познакомилась с работавшим в фирме Заумвебера в Мюнхене восточным рабочим Василием Козловым (ученик слесаря из Симферополя, 1924—1944. — М. И.). Впоследствии она сообщала ему о положении на Восточном фронте. Однажды, в июле 1943 года, Козлов свел Эмму с руководителем БСВ в Мюнхене Корбуновым (1918—1944. — М. И.).

...В понедельник Корбунов без предупреждения появился в ее квартире, она настронла приемник на Москву. Затем Корбунов приходил слушать Московское радио почти каждые вторник и четверг. Время от времени он приводил с собой членов своего штаба Винниченко, д-ра Плахотнюка (ближайшие помощники Корбунова; агронома Н. Плахотнюка нацистский прокурор именуется доктором в связи с тем, что у того была кличка Профессор Мельников. — М. И.). В начале июля 1943 года обвиняемый Циммет встретился у супругов Гутцельман с Корбуновым. Побеседовав на политические темы и установив, что оба являются противниками национал-социализма, они договорились пойти к Циммету, чтобы подробно переговорить о совместной работе...

Во время дальнейших переговоров в октябре 1943 года обвиняемые Циммет, Гутцельман, а также Ярес (погиб во время следствия. — М. И.) составили вместе с русскими протокол о совместных действиях...

ВОСПОМИНАНИЯ ПОДПОЛЬЩИКА М. ГУРИНА

Насосная станция, где я работал, стояла возле мастерской, в которой были сложены промасленные бумажные патроны с динамитом весом по сто граммов. Я украдкой пробирался в мастерскую и, набрав патронов, выносил их в условленное место, под насосной станцией. Ночью патроны куда-то исчезали.

В середине мая 1944 года на алюминиево-карбидном заводе в Тингене громыхнул взрыв. Это был первый знак нашего взаимодействия с подпольщиками других лагерей.

Однажды мне удалось заполучить целый ящик патронов. У кладовой остановилась груженная ящиками машина с красным, предостерегающим флажком. Шофер подозвал меня и Петера. Мы сняли с машины восемь двадцатикилограммовых ящиков. Петер попросил у шофера закурить. Тот дал ему и мне по сигарете. — Здесь не дымите! — сказал он и направился в контору.

Петер побежал курить, а я расположился в тени возле кузницы. Вокруг — никого. Я вскочил на скат, рванул с машины ящик, положил у стены кузницы, где навален разный хлам, торопливо прикрыл обрывками толя и листами железа...

Мне посчастливилось стащить из кладовой еще два патрона. Я передал их Петеру. Тот поблагодарил, но сказал, что получил недавно целый ящик. «От кузнеца...» — догадался я.

ИЗ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ:

...Обвиняемый Мерварт, который владел русским языком, познакомился в августе 1943 года в Мюнхене с восточным рабочим Корбуновым...

В сентябре 1943 года Корбунов пригласил обвиняемого Мерварта пойти с ним на Зедлингторплац. Здесь он познакомил его с обвиняемым Гансом Гутцельманом, потом они пошли вместе с квартирой Циммета, где застали его, а также Яреса и уже знакомого Мерварту Плахотнюка...

Спустя некоторое время встреча состоялась на квартире Гутцельмана в присутствии его жены... На таких встречах они систематически слушали Московское радио. Циммет приносил для ознакомления составленные им листовки, которые Мерварт каждый раз переводил Корбунову. В заключение они обсудили деятельность организации немецких и русских

коммунистов, причем Циммет рассказал о проделанной АНФ работе.

По случаю годовщины Октябрьской революции, 24 октября 1943 года, в лесочке близ Фреймана состоялась тайное собрание, в котором приняло участие 45 членов БСВ...

ВОСПОМИНАНИЯ ПОДПОЛЬЩИКА В. СКОСАРЕВА

Будучи электриком на заводе Декель, Алексей Мартыненко (член Мюнхенского центра БСВ, кличка Бабич, 1919—1944. — М. И.) беспрепятственно ходил по цехам. Веселого Алешу хорошо знали «остовцы», военнопленные и пролетарии-немцы. Общительность электрика не осталась незамеченной.

Вечером в наш барак вломилась лагерная полиция и увели Мартыненко. В воротах он вырвался. Вслед прогремели выстрелы, но Алеша скрылся в лесу и с тех пор, живя нелегально в Мюнхене, стал профессиональным подпольщиком. По его приглашению я приехал на Фрейманскую конференцию.

Около часа дня, когда все собрались, Иван Корбуков укрепил на ветках небольшое алое полотнище.

— Разрешите, товарищи, считать нашу конференцию открытой, — сказал он приглушенным голосом. — Мы собрались в честь 26-й годовщины Великой Октябрьской революции...

Говорил он страстно и закончил речь призывом отдать все силы борьбе против фашизма и по сигналу подпольного центра выступить с оружием в руках. На поляну вышли Мартыненко и стройный, интеллигентный юноша в темных очках.

— Друзья! — произнес по-русски незнакомец. (Это был Карл Мерварт.) — Отрадно видеть вас здесь, в Германии, стойкими и мужественными. Несмотря на тяжелые испытания, дух ваш не сломлен. Мы, чехи, будем бороться вместе с вами, русскими братьями...

По одному, по двое покидали мы фрейманскую рощу, счастливые и гордые оттого, что здесь нас, подпольщиков, не так уж мало...

ВОСПОМИНАНИЯ ПОДПОЛЬЩИКА М. МАКАРЕВИЧА

...Иван Корбуков случайно попал в облаву на рынке. Профессор Мельников (Плахотнюк. — М. И.) с сыном были схвачены, они не успели уничтожить списки подпольщиков и членские билеты. Аресты прошли во многих лагерях «восточных рабочих», куда проникли гестаповские агенты. Весной 1944 года брама — адские ворота концлагеря Дахау проглотили более трехсот членов БСВ.

Авиабомба разрушила мюнхенское гестапо, и допросы продолжались в бараке пыток Дахау. Перед баром цвели астры и гвоздики, а внутри лилась кровь.

В понедельник, 4 сентября 1944 года, комендант концлагеря зачитал 92 подследственным смертный приговор, подписанный Гиммлером. На площадке перед крематорием комендант потребовал, чтобы приговоренные встали на колени. Его свита нацелила фотоаппараты. Майор Иван Петров, шагнув вперед, сказал:

— Не дождетесь... Стреляйте! Смертники запали «Интернационал». Комендант закричал в бешенстве: «Огонь!»

ИЗ ПРИГОВОРА ПО ДЕЛУ АНФ:

...Обвиняемые действовали в рамках враждебной государству организации, имеющей коммунистическую основу, а именно: Гутцельман как один из основателей и руководитель, Губер как издатель многочисленных листовок, Мерварт как переводчик, связанный с тайной организацией вражеских военнопленных... За подготовку государственной измены и пособничество врагу Гутцельман, Губер и Мерварт приговориваются к смерти.

МАГНИТНОЕ ПОЛЕ

Василий ФАРТЫШЕВ

РАССКАЗ

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

Некрасивая», — сказала она себе, глядя в зеркало. Узкие губы, толстый нос и рядом, вплотную, впрыток к переносице, глупейшие глаза. Маленькое пенсне, а не глаза, а глаза — там где-то... «Некрасивая!» Она впервые не только поняла это — она увидела, и почувствовала, и осознала это впервые до такой степени, что села тут же на корточки, зажмурилась, чтоб не зареветь от обиды, нанесенной чудовищной, непоправимой несправедливостью. С детства и до сего дня Лика верила в сказку о гадком утенке. Она-то знала, какова она на самом деле, там, внутри, глубоко, она-то ощущала свое настоящее лицо, то, что называют по-разному: «я», «душа», «сердце», но все неточно: это-то и есть лицо, истинное, первородное, разница лишь в том, что у одних, счастливых, оно выступает наружу, а другие так всю жизнь и носят его в себе.

К умывальным подходили заспанные фабричные девчонки, вчера было воскресенье, по голосам и позевыванию слышно было: подгуляли. Зинка басила еще из другого конца коридора:

— А он говорит: «Куда?», — а я говорю: «Эт ты, милай, знать должен, куда», — а он говорит: «Я-ть тож общепитский-общезитский», — а я ему: «На дворе, мол, сплошная простуда...»

Отвращение к толстой, яркогубой, вечно везучей Зинке отвлекло Лиду от отвращения к самой себе. Она поднялась, пустила воду из крана, чтоб умыться той, какая еще не застоялась, не согрелась в трубах общежития. Между бетонными стенами и потолком уже гуляло с прицоком Зинкино эхо:

— А парни, мать, они створчивых любят. Нычче сюли-пюли некогда разводит. Разборчивая? Ну и отдыхай, привет тебе горячий!

Лика ненавидела в ней все: пестроту платьев, чужой, неженский запах, походку, голос, лицо, тело — хоть Зинка никогда не могла бы обидеть ее, хоть никаких причин не было ненавидеть. Лика же не умела рассказывать о таких пустяках, какие без умолку болтала та, а остальное, важное, или вовсе не укладывалось в слова, или занимало их так мало, что и говорить-т. не стоило. Лика не умела или не могла многого из того, что ее соседки по цеху или общежитию делали легко и бездумно. Грубо шутить с грубыми парнями. Находить платье по вкусу. Экономно, с расчетом расходовать деньги. Легко плакать и просыхать от слез. «Гулять».

Рассветным утром поздней осени Лика, плеща в лицо ледяными брызгами, захолаживая это чужое, дерматинной кожи ненавистное лицо, угнетавшее ее настоящее «я», сделала второе открытие: она чужая здесь. С ней говорят, видя не ее, а «эту», никто не знает, не даст себе труда узнать, что у нее там, внутри, и эта жизнь, работа, вечер в клубе, комната на четверых ничуть не изменятся, если она оставит их... Может, ее исчезновения даже не заметят... Все пойдет точно так же, окажись на ее месте другая...

— Шевелись, ты! — шлепнула ее полотенцем Оля, соседка по комнате. «Зачем?» — хотела было спросить Лика, но Оля уже вышла, торопясь на смену. В комнату она вошла последней. Девчонки, на ногах, «штукатурили» перед зеркалом, жевали бутерброды, впрочем, автоматически, без особого аппетита; и Лика вдруг остро ощутила полнейшую бессмысленность каждого их действия, всей жизни. Ее подмывало спросить: зачем они жи-

вут здесь, зачем бегут, боясь опоздать, к проходной, зачем заблаговременно запасают эти бутерброды с одной и той же вареной одноножкой колбасой?.. Зачем «штукатурятся» или накручивают в пятницу волосы на бигуди и ходят, обмотав шишковатые головы тюрбанами из полотенец или платков? И как это они сами не замечают, что изо дня в день, из недели в неделю происходит одно и то же, одно и то же, а они бегут, бегут... Хотят нравиться — зачем? Чтобы выйти замуж — зачем? Нарожать детей — зачем?

Они говорят о парнях, танцах, новой пластинке, выработке и зарплате — зачем-зачем-зачем? А главное: зачем она, Лика, здесь, среди них, на чужой койке, в чужом платье, с чужим лицом, зачем?

— Здравствуйте! — Ольга сделала руки в боки. — Размечтались, девушка? Что ли тебе отгул дали!

Нет, отгула ей не давали.

Она сунула свой бутерброд в карман куртки и пошла по давным-давно известной дорожке: три лестничных пролета, триста метров бетонного тротуара, домик-проходная, сотня шагов до цеха. Светает. Через несколько дней зима. День станет еще короче, и жизнь вовсе покажется с овчинку.

— А ну, бабоньки, веселей, шевелись давай! — встретил девчат Григорыч, бригадир.

Лика тысячу раз слышала эти, одни и те же слова. Она могла продолжить их: «Подзагуляли? То-то видать. Молодежь: вечер не найдешь, наутро не добудешься». Григорыч не менял своей шутки, как старые люди не меняют своих привычек.

— Хотя бы новое что сказал, — неожиданно для себя бросила, не глядя на бригадира, Лика.

— Чего?! — оторопел тот. — Молчунья! Красавица!

— Репертуар твой надоел. Ну куда, куда «шевелиться»?

Слышать ответ было так невыносимо, что она, не обернувшись, хлопнула перед ним дверь раздевалки. Тут резко пахло нитролаком, с годами резкость стачивалась, проходила, только новички на первых порах бледнели. Это был дух негнущейся спецухи, респираторов, дух, насквозь пропитавший и кофты и платья, ввевшийся в кожу и волосы... Лика давно сжилась с этим, но сегодня запах был особенно резким, и она вспомнила, как в отпуске в жарком автобусе на юге на нее косился и прихихивался к ней парень-сосед.

Девчата, только что бессмысленно одевавшиеся в общежитии, теперь раздевались и напяливали на себя эти сохшиеся, ломкие, потрескивающие штаны и куртки, меняли прокладки в респираторах, разбирали пульверизаторы и шланги. Григорыч подключил компрессор, заправил смеситель и поторапливал из цеха. Было слышно, как на автокаре подвезли первую стопу древесных плит, как весело поругиваются, здороваются, грузчики, и звук опускаемого подъемника... Вот отъехали, звякнув на еле заметном заасфальтированном пороге... Загудел вентилятор... Лика открыла, что зрение ей вовсе ни к чему: она все может делать на ощупь, на слух, даже водить пульверизатором над плитой. Она знает всех девчат по голосам, по рукам и платьям, по дыханию за спиной... Она все уже знает наизусть, как прибавки бригадира, навязные в зубах.

— Так вот, Николаева, — строго встретил Ликю Григорыч, — торопиться нужно, чтобы выполнить план...

— А план зачем? — перебила она.

— Ты что, нездорова, Николаева? Тебе премия нужна в конце-то концов?

— Двенадцать рублей в конце года, шесть — в конце квартала?!

— Сделай две нормы — будет две премии,

— Слыхали! — махнула пульверизатором Лика, выпустила беловатое нитрооблачко. И тут же сунула «пистолет» бригадиру: — Давай отгул.

— Взабеленилась-то! Или не с той ноги встала?

— Отгул, говорю, давай!

— Кончай бузу, становись, — добавила Ольга.

— Отгул не дашь — давай отпуск!

Григорыч замахаивал руками:

— А ты заявление писала? В местком ходила?

— Я те покажу местком! — озлобилась Лика. Она сказала это совсем уже Зинкиным голосом. И вышла из цеха.

— Тую! — пустили ей вслед.

Утренние открытия привели ее и к этому, маленькому: впереди декабрь, значит, будут гнать годовой план, значит, бригадир зажилит шесть причитающихся ей отгулов за сверхурочные, когда гнали план полугодия. Так уже бывало, но тогда почему-то не делалось так обидно, а тут взяла обиды до слез за все свое проклятое невезение, беспричинную долю быть вот такой.

Следом выбежала сердобольная, чувствительная Валентина, заутешала, заприговаривала:

— Ну вот... Ну вот... Ну... Ну что он тебе такого, а, Лик... Вчера — все нормально, неделю назад песни пела... Или что случилось? Дома? Мама?

— Обязательно должно что-то случиться?! — начала Николаева и не нашла слов. Все вокруг было так нормально, обыденно и даже хорошо для других, а Валюха так нажимала на исключительное, на несчастье, что Лика и сама удивилась: а ведь впрямь ничего не произошло, выходит, все в ней, внутри: и болезнь и лекарство...

Не выйди никто вслед, она бы... Но Валюха-горюха обняла ее, тянула в цех, это был не человек, а ходячая зубная боль: когда кругом было веселье, Валюха места себе не находила, но стоило кому-то поспорить или заболеть, попасть в беду или опалу — уж она была тут как тут, и пришептывала, и сюсюкала. Вот если бы ее окликнула по-хорошему не эта плакательница, а преуспевающая Ольга — Ольга — отличница в ИРМ, Оля-спортсменка, Оля — хорошая хозяйка, шутивая и хладнокровная... Валюхино же сострадание вызывало такую тоску, и досаду, и жалость к себе, что она вдруг миновала проходную, не сознавая, что идет в спецухе с болтающимся на груди респиратором. В конце бетонной дорожки Лика успокоилась. В ее жизни, кажется, произошло исключение. Никогда не приходилось возвращаться домой — хм, «ломой»! — в это время. Над городом справа слегка светлело, фонари потускнели, а снег стал ярче.

— Занеможило? — спросила вахтерша и посмотрела вслед.

Снова три лестничных марша, коридор, одинаковые двери.

— Да что он мне сделает! — уверяла себя вслух Лика. Наедине иной раз она говорила сама с собой. — Что! И так троих в бригаде не хватает. А отгульки будьте добры отдать. А нет — уйду совсем!

Впервые преодолев чужой, кем-то заведенный порядок, Лика Николаева узнала, какие необычайно большие силы дает человеку это преодоление.

Раньше она одевалась, чтобы нравиться другим, неопределенному кому-то, который так и не появлялся из года в год. Теперь же она одевалась, доставляя удовольствие себе. Выбрала брюки, которые раньше почему-то стеснялась носить, и обнаружила, что в них чувствуешь себя уверенно, как в броне. Можно было бы надеть свитер, но к нему понадобилась бы куртка, а за ней не хотелось возвращаться, и Лика надела свою любимую бежевую шерстяную кофту и пальто. Подумала и взяла все деньги, какие были на сегодняшний день, — их оказалось шестьдесят два рубля, — сняла со стены Ольки транзисторный приемник и отправилась к ненавистному зеркалу.

Зеркало не солгало и на этот раз. Прибавилось только новое выражение... блеск в глазах, что ли.

— Вот, — сказала Лика себе, — и ничего, между прочим, не произошло. Фабрика работала, лакировщики водили пульверизаторами туда-сюда, туда-сюда, грузчики подвозили стружкоплиту прессованную и отправляли в сушилку отлакированную продукцию. Неказистые разноцветные прессованные стружки и опилки становились заправским мореным дубом благодаря их рукам. Там жизнь шла и без нее, как во время отпуска, болезни или... Об «или» думать не хотелось. Лика пошла по городу, не зная, куда же она, собственно, идет. В том месте, где тротуар из бетонки вплотную подходил к проезжей части улицы, стоял «газик». Водитель озябшими черными-красными руками копался в моторе.

— Кукуешь? — остановилась Николаева.

— Минута дела, — махнул рукой парень. Он был в комбинезоне х/б, а сапоги солдатские.

— Дем-бель? — с расстановкой спросила Лика.

— Ну.

— В город едешь? — совсем осмелела она.

— Ну. Подбросить, что ль? Запросто. Минута дела.

Он и впрямь управился быстро, сел и лихо крутанул баранку. «Газик», мелко трясясь, помчался на пределе. Сквозь дырки для педалей трассирующими пулями летела дорога.

— Куда гонишь? — Зинкиным голосом спросила Лика.

— Не потопашь — не полопашь, — улыбнулся парень. — Женился я, понимаешь? Все мое ношу с собой, понимаешь? А надо шмутками обзаводиться. И имуществом.

— А-а, — протянула Лика. — А зачем женился-то?

Парень не удивился:

— А жить за чем?

— Ты-то знаешь?

— Чудная... Ты что, жизни не рада? Бывает. Пройдет. В армии, знаешь, иной раз кажется, что другой жизни и не было никогда. А она — вот она. Успевай только — такая жизнь! Тебя что, обидел кто? Или чего случилось?

— В том-то и беда, что ничего. Совсем ничего, понимаешь?

— Бывает, — кивнул водитель. — А ты наплюй. Завтра все переменится.

Мать моя говорила: с горем надо переночевать. Переменится.

— Три года уже не меняется.

— Сама меняй. Что не устраивает, то и меняй. Замуж выходи...

— Скажешь! — хихикнула Лика.

— Или учись. Или на стройку ежай. Сама смотри.

— А зачем? — с детским нетерпеливым раздражением спросила вторая Лика.

— Чтоб интересно жить было, чуешь?

— Для себя, значит, жить?

— У тебя будет хорошо — другим помошш...

Он не договорил. Их кидануло. Лика вцепилась в зеленую ручку. Попятилась от выросшей перед глазами бронированной машины автокрана. «Газик» поволокло вперед. Развернуло. И они благополучно помчались дальше.

— Вернемся? — косо пошутил бледный водитель. — Чуть не вляпались... Минута дела. А жить-то, видишь, хоть как тяжело, а хочется.

Она тоже побледила и не отпускала зеленую трубку. Пальцы свело. И все ее беды стали маленькими.

Не хотелось расставаться с ним, терять ниточку братства. Но водитель сказал:

— Ну, поговорили бы, да точка: вот он, центр.

— На. На обзаведение.

— Убери. Я и без твоего рубля сегодня червонец заработаю. — Он подмигнул: — Живи!

«Нет, — сказала она себе тут же, выйдя из машины, — он не мне все это говорил, он говорил себе, потому что ему хорошо, а мне плохо. Он вот говорит, а сам, а сам себя слушает и радуется: вот, мол, как мне хорошо! Хороший парень».

Раньше ей достаточно было почувствовать: вот, хороший человек рядом, но теперь внутри поселился длинный согбенный вопросительный знак, и Лика объяснила себе, что парень, бывший солдат, хорош уже тем одним, что принял в ней участие, утешил, он хорош уже тем, что первый встреченный ею человек не зол, не равнодушен... Ему было так же трудно когда-то, оттого он и понял ее... Значит, есть где-то, должен быть выход, значит, другие нашли его... Ей даже жаль стало, что он женат.

Сознание своей свободой радовалось недолго: Лика не знала, как ей распорядиться неожиданно освободившимся временем. Это была свобода старой девы распорядиться собой. Николаева тайне ожидала необыкновенного приключения, знакомства. Смутные ожидания снова вернулись и затормозили в самые людные места города. Лика испугалась расклеваться вконец, представив себе bestолково проведенный этот день, когда она, усталая, измотанная и раздраженная, вернется все туда же, — и стала придумывать себе дела. Побежала в парикмахерскую, и чужие прикосновения к ее голове снимали тяжесть и были приятны. И на почтайт — дать телеграмму матери, которая отчего-то долго не пишет. Потом в магазин за косметикой (надо же что-то делать с собой!). Она покупала газеты, пила кофе в крошечном кафетерии, бродила в парке, и слушала музыку, и заговаривала с прохожими. Лика вела себя то нахально, то застенчиво, а ей то равнодушно, то вежливо сообщали время, объясняли ненужную ей дорогу или автобусный маршрут. В магазине женского платья она обрадовалась было: ее попросили примерить пальто, но примерка быстро кончилась, а пальто предназначалось для жены, которая «чуть крупнее». Сравнение вовсе подкосило Ликю.

И снова на какое-то время приободрила мысль: пойти вечером в ресторан, вот так, запросто, в одиночку, и уж там — будьте уверены!..

Но до вечера было еще далеко, и все так же бесцельно, до отчаяния бес-

цельно, Николаева садилась в такси и приезжала на вокзал, смотрела расписание, узнавала цену билета до Москвы, обедала в вокзальном кафе, возвращалась в центр, сидела в библиотеке...

Она была готова на все, ей казалось, что она ведет себя до крайности смело, нескромно, и утешалась мыслью: эти люди все равно не знают ее и не узнают никогда, а раз так... Лика просила сигарету то у парней, то у куривших украдкой девушек, — и те и другие удивлялись, но угощали, и Николаева курила.

Ее занесло в мебельный магазин, она справилась у продавца с кокетливыми усиками о правилах оформления продажи в кредит... и есть ли мебель их фабрики... и можно ли достать польский гарнитур... Но он отвечал лишь на поставленный вопрос и не замечал ее довольно ловких попыток заговорить и на другие темы.

Круг замкнулся у кинотеатра. Фильм был знакомый, Лика повернула к выходу, но тут вошел рослый, плечистый, в длинношерстной шапке и не очень-то симпатичный парень. Лика пристроилась следом в быстро тающую очередь.

— Молодой человек... Я вас прошу: вот деньги, возьмите мне, я должна срочно позвонить. — Она побежала к автомату, но звонить было совсем некому в этом городе, разве что в «Скорую помощь». Купила два мороженых и пошла к нему навстречу. В фильмах она видела свободных, раскованно движущихся, с непринужденными улыбками и жестами девушек — те были такими от сознания своей неотразимости. А Лике сковывало ее лицо, и, чтобы попросить парня всего-навсего о билете, нужно было решиться как на прыжок с моста.

— На, — сказал он. — Сеанс не сказала, взял на семнадцать тридцать. Привет. — И сунул в карман два своих билета. Пивной бар интересовал его больше, чем Лика.

Мальчишка купал в снегу дворнягу. Собака уже изнемогала от такой игры.

— Эй, — окликнула Николаева, — ну-к, иди сюда!

Но пацан тут же выпустил собаку и махнул через сугроб в противоположную сторону. Лика с трудом догнала его:

— Дурачок! — Она задыхалась от резкой пробежки. — На мороженое. Хохмач. Нужен ты мне! Лишнее, понимаешь?

Мальчишка недоверчиво покосил плутоватыми глазами, мороженое взял, но тут же хотел улепетнуть. Лика усадила его на скамейку:

— Из школы сбег?

— Не-а. На тот год пойду.

— От бабки?

— Нету у меня бабки.

— Честно-честно?

— Чест-человеческое!

— В кино хочешь?

— А то! Мультики?!

— Ну, пошли за билетом.

— А не врешь? А ты из милиции, ага?

Мальчишку звали Гарькой, он — какое совпадение! — решил с утра сбежать из детдома, «не насовсем, а так». Лика взяла ему билет и двадцать минут до сеанса в детском зале побродила с ним по площадке перед кинотеатром. Гарька не дичился больше, открылся, что «со спросом» удирает из детского дома «искать своего папку», а потом возвращается, и его даже не ругают за это: он же не дерется, не ворует. Лика с удовольствием прогуливалась с ним за руку — немногие прохожие могли принять их за сына с матерью, это ей льстило.

Она приглядывалась и удивлялась: что именно в нем так притягивает к себе? Большеоткрытый, пучеглазый, круглолицый, ушастый, он в то же время был так жив и симпатичен, так вкусно улетал мороженое, шмыгал носом, косил большие свои глаза, так забавно жестикулировал, что Лика подумала: а ведь он крепко стоит на ногах, не робеет перед жизнью, принимает ее как есть и радуется ей... находит колючие острые радости. Все дети считают, что мир создан для них одних... Тот водитель, и этот маленький мужчина, и девочки из бригады — все они просто иначе смотрят на окружающее.

И снова Лике охватило нетерпеливое — между смехом и слезами — стремление что-то переиначить. В себе переиначить.

В кинотеатр Гарька пошел один, дав «честное человеческое» сразу после кино «вертаться». Под конец он освоился и попросил пятак в автобус, чтобы не идти через весь город «пехом».

— А ты кого ищешь? — спросил он Лике перед самой контролершей.

— Тоже папку.

— Эх ты, большая, тоже мне, а потеряла! — укорил Гарька, сдернул шапку, протянул билет и махнул ей рукой. Лика проводила его взглядом сквозь стеклянную стену: он деловито рассматривал фотографии актеров, — и пошла, собравшись с духом, дальше, бесцельно, на авось.

Тут она обнаружила: да ведь она прекрасно знает его, все-все о нем, так много, будто родила его и с тех пор не разлучалась. Лика въявь представляла себе любое из тысячи его действий: как он ест, нет, рубает борщ или арбуз, как мастерит какой-то драндулет, спит, моется, слушает сказку. Он все делает вкусно, заразительно, и он заразил ее этой своей полной сосредоточенностью, поглощенностью! И все по нему, по его рукам, и пока какая-то вещь не попала в эти короткие клиновидные пальчики, не верится, что до сих пор она оправдывала свое назначение.

Однако Лика Николаева не могла себе представить: как Гарька плачет. Этого не могло быть, это было противозастенно и потому невозможно.

Неказистый, в общем-то несчастный (хоть никому на него глядя не пришло бы в голову предположить несчастье), удивительный пацаненок, к рукам которого все так и липло, сделал с ней что-то странное. Забрал душу. Ей вовсе не хотелось повторять вслед за водителем «газика» его частое «Минута дела. Ну», хоть она многое знала и о водителе; Лика была уверена, например, что его зовут Вовкой, Владимиром, другое имя ему никак не шло, но он не заражал, не заставлял копировать, а Гарька заразил, у Гарьки было свое магнитное поле, о каком он беззаботно знает ничего не знал, он был таким — и все тут!

Раньше ее от однообразия жизни спасало ежедневное обновление — сном, усталостью, надеждой. Но что-то случилось сегодня или на днях, и обрушилась сразу вся многолетняя одинокая усталость, безнадежность будущего и бесплодность прошлого. И она воспротивилась безотчетно, всем своим существом. Теперь жизнь казалась ей то всего лишь с овчинку, то нескончаемо длинной и беспраздничной.

Приближался вечер.

На ее глазах ребята звали в свою компанию милостивую девушку...

И уж если бы кто-нибудь искал ее в этом городе, ее бы нашли!

Бестолковая суета обессилила вконец. Присутствие Лики терпят, сносят, замечают безотносительно к тому, она ли это, или же старик пенсионер («Девушка, оторвите билет»), но никто не испытывает потребности в ее существовании. Даже мать махнула рукой — а, мол, пустоцвет! — мать давно забыла ее.

Лика не верила больше ни в какие чудеса. И не пойдет она в ресторан — незачем! К вечеру приморозило, она озябла, улицы, дома, ранние огни — все стало неуютным, было ограничено собой и не предназначалось для нее. Все вызвало один и тот же вопрос: «Зачем это так и не иначе?» И вот она задала свое «зачем» не Григорычу, не водителю «газика» — она задала его себе.

Она заплакала прямо на улице, в потоке прохожих. Лика пожалела себя, и замешкавшееся обновление пришло к ней с этими слезами. На нее стали обращать внимание, и гораздо быстрее, чем когда она пыталась придать своему лицу бодренькое Зинкино выражение.

— Обидели? — покровительственно спросил кто-то смутный из прохожих.

И тут лукавая мальчишечья рожица, с нестандартными ушами, глазами, носом, радостная, и бодрящая, и невыносимо одинокая в этом мире, но не подозревающая этого, застлала, заслонила собой все, и защемило сердце, словно кто-то взял его двумя пальцами да потянул вниз.

Всегда найдется человек, которому хуже, чем тебе. Она побежала к кинотеатру. Сегодня — пусть в мелочи, пустяке! — но она все же понадобилась. Гарька! Гарька в этой своей детдомовской униформе... Ее собственное одиночество мгновенно стало пустяковым, как только она представила, каково ему, слабенькому, круглому одиночке, бороться со своим жестоким одиночеством, верить и изо дня в день искать своего отца. Он засыпает со словом «папка» и с ним встает, идет через весь город и ждет, ищет, ждет... Однажды ей встретилась группа детдомовцев на прогулке — они так жадно вглядывались в лица прохожих!

Всю ночь она летала.

Так летают в детстве, когда растут, когда наутро у подушки рождественский подарок, или первый снег за окном, или первая капель и запах матери. Задолго до пробуждения Лике охватило ощущение сбывающейся ну вот-вот радости. Она проснулась легко и спокойно, без следа вчерашних смутений, космического одиночества, усталости и вопросов. Удивилась перемене, стала припоминать ее причину и все опасалась: приснилось... не было ничего...

Но опасения не подтвердились.

Вот она, осененная, бежит к кинотеатру. Вот с обрадованным, вконец оттаявшим и обалдевшим Гарькой едет в его «дом», говорит с воспитателями, а он норовит держаться все подле нее или томится за дверью, пока Лике объясняют порядок усыновления и рассказывают о нем. Гарька не отпустил, тянул ужинать с собой, и Николаевой пришлось «дать зуб», что завтра («Сегодня! Уже сегодня!») она повезет его к себе в гости.

А вот Лика увидела себя в универсаме, она выбирает для него ковбойку повеселей, джинсики с блестящими заклепками и с лошадию на заднем кармане.

...Комната еще спит, и Николаева, не зажигая раннего осеннего света, скользнула в коридор. Заново и так же остро, как вечером, она ощутила незнакомый прежде и радостный прилив сил. Они пришли к ней, они требовались для Гарьки. Словно ее магнит вдруг насытился новым и сильным зарядом электричества. Новая энергия, обновление сразу же отразились у нее на лице, в глазах и стали видны окружающим. На нее глядели. Нет, не просто скользили взглядом, а глядели, присматривались.

Она обнаружила: этот мир добр.

Гордая покупками, Лика встретила около универсама Ольку.

— Привет, гулена, ты куда? — И Ольга потащила ее к друзьям, спортсменам, в большую гулкую комнату их общежития под стадионом. Туда мог прийти всякий, но с условием: принести с собой песню. Человек тридцать набилось в тот вечер, гитара не смолкала, а бутылка «сухого» так и простояла весь вечер неоткупоренной — и без того было весело. Лика заразилась от ребят и девушек спортивного вида духом товарищества, тоже стала простой и своей, и пела с ними чудные и чудные песни, каких еще не передавало Всесоюзное радио. Ах, что это был за вечер, лишь школьные балы могли соперничать с ним!

Они с Олькой вернулись в общежитие поздним вечером, переговариваясь и напевая друг другу полюбившиеся строчки, и все успевающая, самоуверенная Ольга была впервые близка и понятна. А бригада затараторила с участием, как незаслуженно обиженному человеку о том, что искали, волновались, пилили Григорыча за бездушие... и об отгулах и об отпуске... Николаева улыбнулась, качнула весело головой: мол, да ладно вам... И Ольга поддержала:

— Ну, было, и хорошо!

И вот ранним рассветным утром поздней осени Лика пустила воду из крана и подмигнула себе в зеркало.

— Николаева, — появилась в дверях вахтерша, — там к тебе.

— Кто?

— А я знаю? Ну, парень... Да видный такой.

Вот так началось это новое утро. Внизу ждал тот самый водитель «газика»:

— Эт я, привет. Слышь, у нас там диспетчер нужен — во! Работа непьющая, а хлопцы — не соскучишься. Валяй, а?

Лика поблагодарила и обещала подумать.

Вовка потоптался, следя сапогами. Вахтерша делала вид, что дремлет.

— Ну и вообще, — помаялся он. — Ты давай к нам заглядывай. С Галкой познакомлю. А здорово мы вчера с тобой!.. Или вот в театр сегодня идем — давай и ты с нами. Лады?

И облегченно ответил за нее:

— Лады. Так я заскочу.

Ледяная-ледяная вода в кране.

И то внутреннее лицо, видное не всем, вдруг проявилось, а Лика, замороженная совпадением того, каким оно представлялось ей и каково оказалось на самом деле, все стояла и стояла у тусклого стекла с голой лампочкой, как в гримборных, и ожидала повторения.

Оно, знала Лика, будет.

ПОВЕСТИ О МОЕМ ДРУГЕ

30 мая 1942 года ГКО образовал при Станке Верховного Главнокомандования Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД). Начальником его был назначен член ЦК ВКП(б), секретарь ЦК КП(б) Белоруссии. П. К. Пономаренко. Под его руководством и работал Сергей. В своей деятельности ЦШПД руководствовался решениями ЦК ВКП(б), постановлениями ГКО и приказами наркома обороны. Практически он решал следующие задачи: установление прочной связи с партизанскими формированиями, координация их деятельности, организация взаимодействия партизанских сил с войсками Красной Армии, обобщение и распространение опыта партизанской борьбы, снабжение партизанских формирований и подполья оружием, боеприпасами, медикаментами и другими материально-техническими средствами, подготовка партизанских кадров.

Система руководства народной войной в тылу врага отличалась большой гибкостью. В основу ее был положен ленинский принцип — централизация в сочетании с широкой местной инициативой...

5 сентября 1942 года был издан приказ народного комиссара обороны И. В. Сталина «О задачах партизанского движения». В приказе были подведены итоги движения за первый год войны, определены его дальнейшие задачи и цели. Приказ отмечал возросшее значение партизанской борьбы в условиях, когда война приобрела затяжной характер. «Теперь же, когда Красная Армия на фронтах, напрягая все свои силы, отстаивает свободу и независимость своего государства, — говорилось в нем, — народное партизанское движение на нашей территории, временно захваченной немецкими оккупантами, становится одним из решающих условий победы над врагом».

Была поставлена задача дальнейшего развертывания партизанского движения, вовлечения в него еще более широких масс находившихся за линией фронта советских людей. В приказе подчеркивалось: «Добиться, чтобы партизанское движение развернулось еще шире и глубже, чтобы партизанская борьба охватила широчайшие массы народа на оккупированной территории. Партизанское движение должно стать всеародным». Для этого, говорилось в приказе, необходимо укреплять партизанские формирования и создавать новые, иметь во всех городах и других населенных пунктах скрытые боевые партизанские резервы.

Был утвержден план практических мероприятий ЦШПД по осуществлению приказа «О задачах партизанского движения». В нем намечались конкретные меры по установлению двусторонней бесперебойной связи с действовавшими в тылу врага партийными органами и партизанскими формированиями, по учету и подготовке партизанских кадров, организации материально-технического обеспечения партизанских формирований и подполья.

С весны 1942 года партийные органы стали посылать в тыл врага значительно больше партизанских отрядов и организаторских групп. Так,

ЦК КП(б)Б с января по июнь направил на оккупированную противником территорию республики 33 диверсионные группы, а к июлю было подготовлено для отправки в тыл врага 28 партизанских отрядов. Летом и осенью 1942 года ЦК КП(б)Б перебросил за линию фронта более двух тысяч организаторов партизанского движения, руководителей партийных и комсомольских организаций.

В отличие от 1941 года, прошедшие подготовку в советском тылу и посланные за линию фронта партизанские отряды и организаторские группы были лучше обучены. В них входили специалисты — минеры, радисты, разведчики. Отряды были хорошо вооружены, в том числе автоматическим оружием, обеспечены взрывной техникой, приемно-передаточными рациями.

В основном же количество и численность партизанских формирований росли за счет притока местного населения. Направлявшиеся в тыл врага партизанские отряды и организаторские группы были в большинстве случаев небольшими. Их основная задача состояла в том, чтобы сплотить вокруг себя патриотов, стремившихся к вооруженной борьбе с захватчиками. Поэтому партийные органы заранее закрепляли эти отряды и группы за определенными районами, где, пополняемые добровольцами, они вскоре превращались в крупные партизанские формирования.

К середине 1942 года на учете ЦШПД числилось 65 тысяч, а в октябре того же года 105 790 бойцов партизанских формирований. Но эти данные далеко не полны, так как штабы партизанского движения не имели еще связи с многими партизанскими отрядами.

К концу лета «Особый сбор» завершил работу. В учебных батальонах побывало несколько тысяч человек. Небольшими группами — по полсотни в каждой — они направлялись через линию фронта, туда, где уже запылали костер великой партизанской войны.

Последнюю группу Сергей — он не скрывал это от меня — подобрал с особым расчетом, так сказать, «для себя», для своей работы во вражеском тылу. Он подружился с участниками сбора — ребята у нас были испытанные. Такие не подведут, не дрогнут даже в самой отчаянной, невероятно сложной ситуации. Близился день его вылета к партизанам.

Но однажды ночью П. К. Пономаренко вызвал Антонова.

— Товарищ батальонный комиссар, — обратился он к нему необычно официально. — Командование поручает вам особо важное задание...

Вот оно, наконец, настоящее, серьезное дело, к которому так долго готовился Сергей. Ему поручено было разработать и осуществить операцию по уничтожению фашистского гауляйтера Белоруссии Кубе.

Несколько дней и ночей Сергей и я просидели над планами. Надо было предусмотреть все: и строжайшую конспирацию, и бесшумное снятие до зубов вооруженной охраны резиденции Кубе, и отвлекающие действия, и многое, многое другое.

Сергей доложил секретарю ЦК несколько вариантов предстоящей операции. Тот выслушал его внимательно, а затем сказал:

— Приходите завтра. Побеседуем.

На следующее утро Пантелеймон Кондратьевич ошеломил Сергея.

Прихлебывая чай, он неожиданно предложил Антонову:

— Оставайтесь у нас, в штабе партизанского движения. Мне, откровенно говоря, нужен такой командир, — он кивнул на орден Красного Знамени, на две нашивки за ранения на гимнастерке Сергея, — который уже поношал порохо, который с самого первого дня начал бороться с фрицем.

Сергей не смог скрыть досады.

Еще вчера он был полон надежд: после шестимесячного торчания в тылу он наконец отправится в родную Белоруссию, за линию фронта, туда, где его место. Он же разведчик, подрывник — неужели вместо активной борьбы ему вновь сидеть в штабе? Разве не обещал ему секретарь ЦК, что поручение его — «Особый сбор», пусть важное и нужное, лишь временное. Он уже хотел было сказать об этом, но Пантелеймон Кондратьевич, словно почувствовав, обрезал:

— Приказ есть приказ, а с приказами, как бы они ни расходились с тем, о чем мечтаешь, — не спорят. Их выполняют...

То, что Сергей и я так тщательно готовили после нашей первой встречи на «Особом сборе» — уничтожение гитлеровского палача, гауляйтера Кубе, было выполнено Героями Советского Союза М. Осиповой, Е. Мазаник.

Хочу привести воспоминания Героя Советского Союза Р. Н. Мочульского, который в ту пору был секретарем подпольного Минского обкома партии: «Организацией покушения на гитлеровского палача занималось несколько подпольных групп и партизанских отрядов. Было разработано много различных вариантов этой операции. Наиболее верный путь достижения цели выбрала группа «Димы», которая и добилась успеха. Разведчики правильно решили, что убийство палача надо совершить с помощью его прислуги. У Кубе был целый штат слуганок, горничных, уборщиц, поваров, кухонных рабочих. Среди них были и советские женщины, в том числе Елена Мазаник, работавшая горничной. Надо думать, с какой исключительной тщательностью и придирчивостью подбирали гестапо челядь для «фюрера Белорутении».

— Птички еще те, как пить дать, на провокатора нарвешься, — поговаривали некоторые партизаны.

В Минске находился бежавший из лагеря военнопленных бывший воин Красной Армии Николай Похлебнев по кличке «Чиль». По заданию подпольщиков он устраивался директором кинотеатра. Однажды руководитель одной из подпольных групп Мария Осипова предложила Николаю познакомиться с горничной Кубе Еленой Мазаник и разузнать, что это за человек. «Чиль» охотно взялся за поручение. Он сначала познакомился с сестрой Елены — Валентиной Шудкой, которая и помогла ему встретиться с Мазаник.

Продолжение. Начало в №№ 4, 5, 7.

— Партизаны надеются, что вы не будете стоять в стороне от борьбы с врагом, — выбрав удобный момент, сказал ей Николай.

— Я — советский человек, — ответила Елена.

— Хорошо. Я сведу вас с людьми, которые скажут вам, что делать. — Николай попросился и через несколько дней познакомил Елену с Марией Осиповой, которая и повела с ней разговор об убийстве Кубе. После некоторой проверки друг друга Мария с Еленой взялись за дело. Они передали в группу «Димы» все сведения, необходимые для организации покушения на палача, — систему охраны особняка, время смены караулов, расписание дня фашистского гауляйтера. Остановились на таком варианте: Елена должна пронести в особняк мину с часовым механизмом и подложить ее в постель Кубе. В боевом плане предусматривалось, как вывезти Елену и ее родственников в партизанскую зону.

...Елена положила мину в сумочку и ушла к себе домой. Наутро мина должна была совершить последний свой путь от квартиры Мазаник до особняка фашистского палача.

Если гестаповцы обнаружат у Мазаник мину на подходе к особняку, то покушение на Кубе едва ли будет возможно. Враг усилит бдительность и не подпустит партизан к своему шефу.

Елена еще издали заметила часового, стоящего у входа в особняк. «Спокойнее, спокойнее», — беззвучно шептала она, чувствуя, как холодный пот выступил на всем теле. Она старалась идти как можно свободнее, мурлыча себе под нос веселую немецкую песенку. Солдат узнал ее и заулыбался. Она улыбкой поприветствовала его и легко проскочила через проходную.

— Извините, фрау, — вежливо остановил он ее. — Разрешите заглянуть в вашу сумочку. Служба такая, извините...

— Ах, пожалуйста, — засмеялась Елена и открыла сумку. — Вот батистовый платочек, духи... Подарить вам платочек? Нет, не могу. Он предназначен для генеральши. Вам же я завтра принесу не хуже этого. Ваша фрау будет довольна моим подарком. — И она быстро закрыла сумку, вошла во двор особняка, а там вскоре мина была доставлена в дом.

Мина должна была взорваться в полночь. «Генеральный комиссар Белорутении» обычно в двенадцатом часу ночи готовился ко сну. До этого времени нужно было обязательно проникнуть в его спальню и подложить мину. Елена долго выжидала удобного момента. Наконец, когда коридор, ведущий к спальне, опустел, она ныгнула в комнату и приложила магнитный заряд к пружинам кровати.

Мазаник спустился на первый этаж и была взволнована так, что заметила жена Кубе, которая удивленно спросила:

— Что с тобой?

— Зубы болят, — нашла Елена. — Мочи нет! Разрешите сходить к врачу... Вырвать надо...

— Сходи, только не задерживайся. Ты мне скоро понадобишься, — сказала генеральша.

Елена поблагодарила и, держась рукой за щеку, медленно вышла из особняка. Она пришла к сестре Валентине.

— Ну как? — бросилась та к Елене.

— Все в порядке...

— Давай скорее. Машина уже ждет. Тетю и детей уже повезли в партизанскую зону Татьяна Мазнякова и «Ватик» (Вячеслав Павлович Стефанович), — сказала на ходу Валентина.

Женщины поспешили в условленное место, где их ждал с грузовой машиной подпольщик Николай Фурц. Он и доставил их в лагерь «Димы», а потом на бегомльский аэродром, с которого они и улетели в Москву.

Мужественные партизаны точно выполняли приговор советского народа. Гитлеровский палач Вильгельм Кубе в ночь с 21 на 22 сентября 1943 года был разорван партизанской миной.

Параллельно с группой Марии Осиповой действовала Надежда Троян, совсем еще молодая комсомолка, впоследствии ставшая Героиней Советского Союза.

На первых порах наша с Сергеем работа в Центральном штабе носила, как тогда нам казалось, штатский характер: мы занимались отправкой в партизанские отряды самолетов. Каждую ночь из затемненного Внукова брали курс на запад «дугласы», санитарные машины, махонькие, юркие «ПО-2»...

Работа Центрального штаба строилась в соответствии с режимом Верховного Главнокомандующего: он мог каждую минуту позвонить, потребовать нужную справку, позвать для доклада. Начальник партизанского штаба П. К. Пономаренко приезжал часов в одиннадцать, примерно за час

до того, как мог позвонить Сталин. А Сергей уже в девять дежурил у телефона, и так до глубокой ночи, до утренних позывных, до первой шестичасовой сводки Совинформбюро. Он даже поставил койку в своей комнате — ночевал в штабе. Да, собственно, и идти-то ему было некуда, иногда только заглянет ко мне, перекинемся парой слов — и все.

Утром секретарь ЦК обычно слушал ночную сводку.

— Сегодня в ночь вылетели в тыл врага 16 самолетов.

— Какие именно?

— Сейчас уточню. — Сергей потянулся к телефону и через несколько минут сообщил: — Десять «дугласов», шесть — «ПО-2».

Пономаренко поморщился:

— Слушайте, я вам одну притчу расскажу. Однажды, давным-давно, некий пан встал рано-раненько и вышел на крыльцо. А мимо усадьбы проезжал крестьянский обоз. Помещик позвал находящегося во дворе приказчика:

— Пойди разузнай, что там мужики везут...

Вскоро воротился приказчик, говорит хозяину:

— Зерно везут молоть на мельницу.

— А сколько подвод в обозе?..

Смутился приказчик, врать не стал, подхватил:

— Сейчас пойду сосчитаю...

Воротился, бежит, дух еле перевел, но все ж хозяину пожаловался: «Дескать, вот он с утра на ногах, все хлопоты на нем, а управляющий спит себе, поживает, не встал еще. А платит хозяин управляющему вдвое больше»...

Тут выходит во двор сам управляющий, потягивается. Помещик ему уважительно, по имени-отчеству:

— Николай Петрович, тут обоз мимо прошел, разузнай, любезнейший, что там есть и куда везут.

Управляющий не спешит, лошадь запрягает, едет вдогонку за обозом. Через полчаса — обратно.

— Это, — говорит, — пане хозяин, вяземские мужики в Карачево рожь молоть везут. Могут продать. Простят по 27 копеек за пуд. Я торговался, так думаю, что за двургивенный отдадут. Прдержим мы зерно до осени, а лучше до зимовки, тогда по 35 копеек за пуд на мельницу переуступим. Получите вы, пане хозяин, 120 целковых прибьтку...

Рассмеялся помещик и говорит приказчику:

— Понял теперь, дурень, отчего управляющего в два раза больше платчу?

С того дня, как впервые услышал Сергей лукавую эту притчу, докладывал он начальнику штаба обстоятельно и подробно — сколько вылетело самолетов, какими маршрутами, как велик груз и когда вернутся на базы.

А начальник партизанского штаба, довольный, кивал, делал у себя в бумагах быстрые пометки и смешило приговаривал:

— Хорошо, хорошо, пан управляющий.

Только они и знали, почему награждает он своего помощника таким странным титулом — «пан управляющий».

...В распоряжении Центрального штаба партизанского движения было много самолетов: Верховный считал бесперебойную, действенную связь с партизанскими соединениями и отрядами делом первостепенной важности. В опасные ночные рейсы уходили летчики полков ДБА — дальней бомбардировочной авиации маршала авиации Голованова, гвардейского полка под командованием прославленной летчицы Гризодубовой.

Сталин придавал деятельности Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Командования большое значение. Он требовал подробных и ежедневных сведений о партизанах, о диверсионной и подрывной работе. Однажды Сергей слышал, как он сказал секретарю ЦК:

— Мы откроем свой второй фронт — второй фронт в тылу врага. Сотни тысяч, миллионы людей...

Вначале руководство партизанским и подпольным движением было решено возложить на военных, а возглавить его должен был маршал К. Е. Ворошилов. Маршал уже приступил к формированию своего штаба — по образцу и подобию Генерального штаба, со множеством управлений, служб и подразделений. Но вскоре Политбюро приняло другое решение, в котором указывалось, что руководство народным сопротивлением в тылу гитлеровцев — дело не только военное, а в первую очередь партийное. Центральный штаб партизанского движения главной своей опорой имел

штабы партизанского движения при ЦК компартий временно оккупированных врагом республик и областные штабы при обкомах партии, которые зачастую сами находились на оккупированной территории.

П. К. Пономаренко любил цитировать Маяковского.

...Мне бильярг —

отрачиваю глаз.

Шахматы —

они вожням полезней...

В гостинице «Москва», оазисе мирного довоенного быта, работала бильярдная. Если выдавался — редкий случай — свободный час, Пантелеймон Кондратьевич иногда заходил туда, чтобы отдохнуть, развлекаться, сыграть партию-другую. Знали об этом немногие.

...Неожиданно зазуммерил кремлевский телефон. Сергей снял трубку:

— Дежурный слушает...

В ответ раздался знакомый глуховатый голос с грузинским акцентом:

— Где Пономаренко?

Сергей невольно подтянулся:

— Товарищ Сталин! Начальник штаба находится в одном из подразделений...

— Передайте, товарищ дежурный, вашему начальнику, что я понимаю, нужно и отдохнуть и отвлекаться. Но не нужно меня обманывать: бильярд — это бильярд, а не подразделение.

Сергей настоял, чтобы я был оставлен при штабе. Он поручал мне много заданий, и я видел, как он не спал сутками, помогая великому партизанскому почину. Иногда он просил меня поработать над донесениями, приходившими из тыла, с нашей родной Витебщины, Могилевщины, из Минска и Бреста.

Хочу привести некоторые из этих донесений: документы показывают, с каким несокрушимым мужеством сражались партизаны против гитлеровцев.

«ИЗ ДНЕВНИКА 2-й БЕЛОРУССКОЙ ПАРТИЗАНСКОЙ БРИГАДЫ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕХОВСКОГО ИСТРЕБИТЕЛЬНОГО БАТАЛЬОНА И ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА М. И. ДЬЯКОВА»...

В центре Меховского района в месте Езериче создан истребительный батальон в количестве 107 чел.

Истребительным батальоном сбит немецкий самолет, который упал на территории Городского района — Селищинский сельсовет, колхоз «Красное знамя». Летчики в количестве 4 чел. захвачены в плен.

В бане на территории Пылькинского сельсовета поймано 6 чел. шпико-ракетчиков немцев с планами. Последние передачи воинской части.

Подбиты на территории Кузьминского сельсовета Меховского района 1 автомашина и 1 мотоцикл. Убиты 2 мотоциклиста, шофер и 6 немцев. Мотоцикл передан воинским частям, находившимся в мест. Лобок.

Организован партизанский отряд в лесу у дер. Лобаневка, Солодухинского сельсовета.

По восьми сельсоветам Меховского района проводилась политмассовая работа, были созданы и проведены собрания колхозников с целью активизации населения против немецких оккупантов. Дана установка о проведении уборочной. Хлеба немцам — ни одного грамма.

Отряд перешел в леса гачи Руднянской для дальнейших действий.

Обстреляна группа немцев в дер. Рудня Саровская. Количество убитых и раненых не установлено.

Переправлены через фронт группы бойцов и командиров в количестве 80 чел.

Переправлена через фронт группа бойцов и командиров в количестве 160 чел.

Уничтожена 1 немецкая грузовая автомашина путем засады. Убито 5 немцев, приблизительно 7 чел. ранены. Место действия — колхоз «Металлист» Вировлянского сельсовета...

Отряд принял бой в дер. Блочно, Остапковичи Газбинского сельсовета. Немцев уничтожено около 80 чел. Наши потери 3 чел.

Налет на завод в Смоловке. В результате налета прервана связь из Смоловки в гор. Городок, взорван железнодорожный мост Смоловка — Городок. Разрушен лесопильный завод. Подгнан склад пиломатериалов, уничтожены шпалорезка, пропточное отделение. Сожжено здание, где находились полицейские. Убито немцев и полицейских до 80 чел. Наши потери — 1 чел.

Отрядам направлено из Меховского района свыше 1 тыс. чел. военнообязанных в Действующую армию через Усвяцкий военкомат...

Другой документ особенно значителен: в далеком гитлеровском тылу восстанавливалась наша родная Советская власть.

«ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ КЛИЧЕВСКОГО ПОДПОЛЬНОГО РАЙКОМА КП/б/Б И ИСПОЛКОМА РАЙОННОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ О ВОССТАНОВЛЕНИИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В КЛИЧЕВСКОМ РАЙОНЕ МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛ.»

Выполняя волю трудящихся, при помощи которых вооруженными силами партизанских отрядов разгромлены пособники оккупантов и район очищен от внешних врагов — немецких фашистов, Кличевский РК КП/б/Б и исполком районного Совета депутатов трудящихся постановляют:

объявить с сего дня на территории Кличевского района Советскую власть восстановленной. Район объявить на военном положении.

Восстановить в своих полномочиях все выборные и административные советские, хозяйственные и общественные органы.

Вся деятельность районных и местных органов власти в военный период должна быть направлена на мобилизацию трудящихся района на оборону нашей Родины вплоть до окончательной победы над врагом.

В целях охраны населенных пунктов от фашистских оккупантов организовать при каждом населенном пункте красные партизанские отряды самозащиты...

Настоящее постановление опубликовать в печати и довести до сведения всех трудящихся района.

Секретарь РК КП/б/Б — Заяц
Председатель райисполкома — Викторчик».

...А вот некоторые документы гитлеровской полиции и СД.

ИЗ СООБЩЕНИЯ № 6:

Активность партизан в Белоруссии принимает все более угрожающий характер.

...Гор. Копыль был окружен партизанской группой численностью в 300 чел. Только через 2 недели полицейские и немецкие воинские части смогли отогнать партизан. 18 захваченных в плен партизан были публично повешены.

В гор. Слуцке было повешено 30 партизан и 38 заложников расстреляно...

ИЗ СООБЩЕНИЯ № 7:

Партизанские группы развили большую активность. Взрывы на железнодорожных линиях, обстрел транспортных колонн происходят почти ежедневно. В некоторых областях партизанами установлена Советская власть и созданы постоянные управления. В отдельных деревнях в день 1 Мая были вывешены красные флаги и справлялся праздник. В некоторых местах партизаны через улицы развесили красные лозунги с антигерманским содержанием.

При попытке бургомистра одной деревни снять такой лозунг он взорвался на mine.

ИЗ СООБЩЕНИЯ № 9:

Примеры, поступающие ежедневно в форме сообщений, характеризуют обстановку в Белоруссии:

...Для проведения карательной экспедиции против евреев начальником полиции безопасности и СД Белоруссии в гор. Барановичи была создана специальная команда, в которую вошли 8 германских старших и младших офицеров СС, 2 служащих гебитскомиссариата гор. Новогрудка, 1 лейтенант и вахмистр жандармерии, 15 литовских и русских полицейских.

9 июня 1942 г. в 17.00 команда прибыла в Налибоки, севернее Столбцев.

Налибоки расположены в большом лесном массиве, перед которым простирается большая равнина. Когда легковая и грузовая автомашины команды выехали из леса и подъезжали к деревне, с двух сторон дороги они были обстреляны пулеметным огнем. Предпринятая попытка штурмом овладеть деревней окончилась неудачей, так как местность не обеспечивала никакого прикрытия, и, кроме того, сильный огонь вынудил команду залечь.

В неравном бою команда была уничтожена.

Развитие партизанского движения за последние недели вынудило коменданта Белоруссии генерал-майора фон Чамера-Остена созвать 13 мая 1942 г. специальное совещание в городе Минске.

Комендант Белоруссии генерал-майор фон Чамер-Остен указал на то, что развитие партизанского движения срочно требует еще более тесного сотрудничества всех германских учреждений, принимающих участие в борьбе с партизанами. Партизанский вопрос надо рассматривать достаточно серьезно.

ИЗ СООБЩЕНИЯ № 10:

В течение 4-х недель в Белоруссии были совершены следующие диверсии и акты саботажа:

Сожжено 2 моста. Взорван ж.-д. мост. 13 диверсий на железной дороге, из них 2 тяжелые (полностью взорваны воинский эшелон, идущий на фронт, и германский эшелон, возвращающийся с фронта). Причем большое количество солдат германской армии погибло. Повреждены 4 телефонные линии, столбы увезены. Поврежден телефонный кабель. Полностью уничтожена фабрика, работающая на германскую армию. Выведен из строя молочный завод, миной взорвана в одном месте шоссе-дорога. Сожжен лесопильный завод.

В июне 1942 г. 17 раз взрывалась железнодорожная линия Смоленск — Минск. В среднем каждый день происходит взрыв на железной или шоссе-дороге.

ИЗ СООБЩЕНИЯ № 15:

Диверсии на ж.-д. линии Минск — Орша стали такими частыми, что каждую из них в отдельности не опишешь. Не проходит и дня, в течение которого не было бы совершено одной или нескольких диверсий. Постоянно увеличивающееся число диверсий привело к тому, что движение по железной дороге ночью было прекращено.

Наряду с крупными операциями против партизан,

проводимыми особыми и специальными командами, снова было арестовано и расстреляно большое количество лиц, поддерживающих связь с партизанами, и родственников партизан. Только за 2 недели было арестовано 1936 чел.

ИЗ СООБЩЕНИЯ № 22:

Назначенные на ответственные должности русские во многих случаях проявили себя как ненадежные элементы. Так был разоблачен и арестован бургомистр общины Кутово Ерешов, который предоставил убежище бандитам в государственном имении Вымно (Сураж)...

ИЗ СООБЩЕНИЯ № 26:

...16 сентября 1942 г. в Белоруссии бандиты совершили налет на дер. Городище (на ж.-д. линии Могилев — Осиповичи). Хорошо вооруженные бандиты имели 6 грузовых автомашин и броневик. 32 полицейских, только часть из которых имела оружие, были убиты бандитами, а оружие забрано. Примерно 400 центнеров обмолоченного зерна, предназначенного для немецкой армии, бандиты погрузили на повозки и увезли. Необмолоченный хлеб частично был сожжен. Перед нападением банда, насчитывающая 300 — 400 чел., заминировала подъездные дороги и ж.-д. линию. Бандиты были одеты в хорошую русскую военную форму. Некоторые были одеты в немецкую форму.

22 августа 1942 г. немецкая колонна грузовых автомашин, в составе 8 машин, идущая из гор. Витебска в гор. Лепель, по дороге, в лесу, западнее Островно, в 16.00 была забросана гранатами и обстреляна ружейно-пулеметным и автоматным огнем. Все 8 автомашин, груженных товарами, были потеряны, в том числе 1 автомашина захвачена бандитами. Было убито 14 немецких солдат.

В ночь на 29 августа 1942 г. сильные банды совершили нападение на оба опорных пункта НСКК и полиции в дер. Никоновичи (15 км юго-восточнее гор. Старый Быхов). При этом было убито 9 чел. и 6 ранено.

Банды были вооружены тяжелым пехотным оружием, орудиями и тяжелыми минометами. Общая численность их составляла примерно 300 чел.

Лишь в 1943 году Сергей вырвался на фронт. Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко, в звании генерал-лейтенанта, был назначен Ставкой Верховного Главнокомандования членом Военного Совета Центрального фронта.

Объем работы у члена Военного Совета был огромный; до поздней ночи он находился у командующего фронтом генерала Рокоссовского. Вся тяжесть оперативной работы по связи с партизанскими соединениями и отрядами легла на Антонова.

А зимой они вновь вернулись в Москву. Здесь, в неприметном, укрытом со всех сторон особнячке, завершалась разработка знаменитого плана «рельсовой войны».

Эта небывалая по размаху партизанская операция, координируемая и руководимая партией,

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

сыграла огромную роль в подготовке и осуществлении наступательных ударов Советской Армии.

«Рельсовая война»... Она продолжалась два месяца в 1943 году после самой тщательной подготовки. На различных этапах в ней принимали участие почти все партизанские бригады и отряды Белоруссии. В первой половине августа, по поступившим в штаб сведениям, рельсы были перебиты в общей сложности более чем в ста двадцати тысячах мест, в конце августа и в сентябре — примерно столько же. В сентябре операция получила кодовое наименование «Концерт». Как нам стало тогда известно, к моменту завершения ее вражеские перевозки военных грузов по железным дорогам Белоруссии сократились почти на сорок процентов.

Операция «Рельсовая война» вызвала переполох в немецко-фашистских военных штабах и тыловых учреждениях. Об этом свидетельствовали официальные документы, захваченные партизанами при разгроме железнодорожных комендатур и других оккупационных учреждений.

«Партизанами проведена операция небывалых размеров по срыву наших перевозок путем планомерного и внезапного нарушения железнодорожного сообщения», — доносил в августе командир немецкого корпуса охранных войск в штаб группы армий «Центр».

Начальник 559-й тыловой комендатуры в приказе № 8043 от 8 сентября 1943 года писал:

«В последние ночи число взрывов на железных дорогах выросло до такой степени, что при создавшемся положении их повторение может серьезно угрожать операциям на фронте, особенно снабжению войск. Необходимо любыми средствами добиваться прекращения взрывов и снижения до минимума числа отдельных минирований».

Однако приказы и распоряжения немецко-фашистского начальства, несмотря на их категоричность и обещания обрушить на «нерадивых» всяческие кары, не достигали цели.

В конце сентября от командира Минского партизанского соединения и первого секретаря Минского подпольного комитета партии Героя Советского Союза В. И. Козлова, оставшегося на подпольной работе в Белоруссии с первых дней ее оккупации, поступил интересный документ — донесение «имперского управления путей сообщения в Минске — главному управлению путей сообщения Востока в Варшаве». В нем с чисто немецкой педантичностью перечислялись все «чрезвычайные происшествия» на железных дорогах Белоруссии за одни сутки — 18 сентября 1943 года. За двадцать четыре часа было зарегистрировано шестьдесят «происшествий».

Оккупанты сами признавали, что на партизанских минах только за сутки подорвались тридцать четыре поезда. При этом оказались выведенными из строя тридцать три паровоза, семьдесят четыре вагона, в том числе два пассажирских, остальные с военными грузами.

В донесении конкретно указывалось, где и когда это произошло.

Записи были лаконичными:

«9 часов 14 минут. Буда — Кошелево — Радеево. Вспомогательный поезд наскочил на мину...» «11 часов 39 минут. Буда — Кошелево — Радеево. Поезд № 3310 наскочил на мину...» «18 часов 43 минуты. Волковыск — Барановичи. Поезд № 412 наскочил на мину. Разбиты два предохранительных вагона и два паровоза. Четыре вагона повреждены...» «21 час 20 минут. Осиповичи — Татарка. Поезд № 7196337 наскочил на мину. Вышли из строя два предохранительных вагона, паровоз, два пассажирских вагона...» «22 часа 24 минуты. Минск — Борисов. Поезд № 7196338 наскочил на мину. Вышли из строя паровоз и восемь вагонов...»

Далее следовали записи о подрывах пути: «Уржач — Сураж — 20 взрывов пути... Унеча — Кричев — 100 взрывов... Тошица — Рогачев — 89 взрывов... Шваровка — Погодино — 80 взрывов пути, повреждено 75 рельсов и 30 шпал... Станция Калининичи — сгорел товарный склад... Пуховичи — Дричин — обнаружены мины... Ицдра — Полоцк — взорван путь». Взрывы, взрывы, взрывы... Больше тысячи за сутки на всех дорогах.

К тому дню, когда Белоруссия была освобождена, партизаны, подпольщики, специальные диверсионные группы уничтожили 1128 железнодорожных эшелонов с военными грузами и живой силой противника, 34 бронепоезда, 1355 танков, танкеток и бронемашин, 438 орудий разного калибра, на длительный срок вывели из строя 29 железнодорожных станций, 48 водонапорных баков, взорвали и сожгли 939 военных складов, 5500 железнодорожных и других мостов, разгромили 948 вражеских гарнизонов, военных штабов и комендатур. Хотя в отрядах и бригадах, как правило, не было зенитной артиллерии, все же партизаны вели борьбу и с авиацией противника. Во время рейдов на аэродромы и ружейно-пулеметным огнем было уничтожено 305 фашистских самолетов. Таковы краткие и довольно неполные итоги борьбы белорусов под руководством партийных организаций против оккупантов, при деятельном участии Белорусского штаба партизанского движения во главе со славным сыном своего народа, вторым секретарем ЦК КП(б) Белоруссии Петром Захаровичем Калининным.

П. К. Пономаренко огласил радиogramму, пришедшую в адрес Центрального штаба партизанского движения. Командующий «добровольческим корпусом», бывший подполковник Красной Армии Гиль-Родионов, еще вчера проводивший карательные операции против партизан, в эту ночь со своим «войском» добровольно перешел на нашу сторону. Чтобы разобраться во всем этом деле, требовалось срочно отправить в тыл к врагу специальный самолет с особоуполномоченным Центральным штаба.

По роду нашей службы мы с Сергеем знали о бывшем подполковнике Гиль-Родионове. Под его командой в районе Минск — Вилейка действовал так называемый «добровольческий корпус», сформированный в основном из числа бывших военнослужащих Красной Армии, попавших в плен

летом сорок первого года. «Корпус» этот находился в оперативном подчинении фашистского командования. Скорее всего, считали в штабе, радиogramма была провокацией. Но дело осложнялось тем, что автором ее был не сам Гиль-Родионов, а командир партизанской бригады «Железняк», один из молодых, энергичных и удачливых партизанских вожаков, коммунист, действовавший в том самом районе, куда явился Гиль-Родионов.

— Может, они нашего командира душат? — спросил П. К. Пономаренко. — Может, убили его? А теперь с нами «играют» через своих радистов?

В тот же день из Москвы была отправлена ответная радиogramма. В ней командир партизанской бригады запрашивали о вещах абсолютно секретных и никому, кроме него, не известных. Если его уже нет в живых, никто не смог бы дать ответа, даже приблизительного, ибо речь шла о встрече руководителей некоторых отрядов с Верховным Главнокомандующим, а в числе приглашенных в Кремль был тогда и он. В радиogramме предлагалось назвать точную дату бесед со Сталиным. Ответ пришел незамедлительный и точный.

Значит, наш командир жив? И все же возможность провокации не исключалась. Надо было отправляться в тыл, к этому странному подполковнику с замысловатой двойной фамилией.

— Кого пошлем? — спросил секретарь ЦК.

Сергей сразу же предложил свою кандидатуру. — Вы слишком много знаете, — возразил П. К. Пономаренко. — И не уговаривайте! Попадете к фашистам, они найдут способ докопаться до всего...

Начальник и подчиненный чуть не поссорились той ночью, очень уж настойчиво уговаривал Сергей Пантелеймона Кондратьевича. И только когда Сергей напомнил, что шел работать в штаб на полгода, что отбирал себе бойцов, — хотел с последней группой уйти в тыл, что, как говорится, «стал ногой на горло собственной фронтовой песне», — тогда только начальник Центрального штаба согласился.

С этим же самолетом было решено отправить в тыл врага представителей Белорусского партизанского штаба Ганенко, Мочульского и Доморада.

Линию фронта пересечь следовало затемно. До передовой «дуглас» должны были сопроводить истребители, а потом им предстояло вернуться домой — не хватало бы горючего, чтобы эскортировать до места. Условленный посадочный знак — костры, выложенные «конвертом».

Сергей вооружился, что называется, до зубов: гранаты, трофейный автомат, магазин к нему, на боку — «маузер».

— Когда сядем, моторы не глушить! — сказал Сергей командиру корабля.

Сергей и командир корабля понимали, каким трудным может оказаться их полет. Они летели, в сущности «безоружные» (что может сделать автомат против пушки, если она замаскирована в кустах?), и никто из них не мог предположить, чем кончится это ночное приключение, связанное со смертельным риском.

Сергей посмотрел на пилота и заметил на руке у него кольцо. Улыбнулся даже: в пору его юности если кто и носил кольца, так разве что «бывшие» и изманы.

— В Англии купил, — поймав взгляд Сергея, пояснил пилот. — Там все женатые носят. А я — женат.

Кольцо, торжественный свадебный пир, битые посуды, хмельные крики «Горько!». Ничего этого не было в жизни Сергея. С Маришкой связывало его куда более важное и основательное, чем эти обязательные атрибуты супружества: общее дело, общая судьба. А теперь и общая беда — война.

...Три «ястребка» покачали крыльями — пожелали удачи, и растаяли в предрассветном небе. До района Бегомеля, указанного в последней радиogramме, дошли благополучно. Вот открылся луг с кострами, выложенными конвертом: все сходилось.

Пилот и Сергей переглянулись.

— Садимся, — сказал Сергей.

...Колеса побежали по мокрой от росы траве.

— Моторы пусть работают — на малых! — причал Сергей и приготовил автомат.

К самолету бежали несколько десятков людей. Очередь из пулемета прошла воздух. Бежавшие остановились.

— Командира бригады ко мне! — крикнул Сергей.

И вдруг услышал знакомые голоса:

— Товарищ Антонов!..

Его узнали. Узнал и он тех отчаянных ребят, бывших курсантов своих, которых учил в лесной школе премудростям диверсионного дела во времена «Особого сбора».

— Глуши моторы! — отчаянно-весело приказал Сергей.

Окончание следует.

АПРЕЛЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1. ТРЕБОВАНИЯ МОЛОДЕЖИ АРГЕНТИНЫ
2. ЧУДО ПРИРОДЫ
3. АНДЕРСЕН РАССКАЗЫВАЕТ «ДЮЙМОВОЧКУ»
4. ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ БАТАРЕЕ — ДВЕ ТЫСЯЧИ ЛЕТ
5. СЮРПРИЗЫ КИСЛОГО МОЛОКА
6. ЯПОНСКИЙ ПЕЙЗАЖ
7. НА ПУТИ К ПЛОСКОМУ ТЕЛЕВИЗОРУ
8. ОТВЕТОВ БОЛЬШЕ НЕ БУДЕТ
9. ОРЕЛ И ДЕВОЧКА
10. КУДА ПОЙТИ ПОСЛЕ ЗАНЯТИЙ!

Информация о зарубежной прессе.
Материалы печатаются в изложении.

1.

Недавно в Буэнос-Айресе состоялось заседание движения политической молодежи Аргентины, объединяющей молодых членов десяти организаций и партий. Участники потребовали отмены осадного положения в стране.

Национальный координационный комитет этого движения молодежи установил контакты со многими политическими деятелями и партиями, а также с представителями вооруженных сил с целью совместных поисков выхода из кризиса, переживаемого страной. Руководители перонистской молодежи Аргентины — самой крупной организации движения — Данте Гульо и Хуан Карлос Аньон в интервью газете «Опиньон» говорили о необходимости создания «фронта национального освобождения как орудия стратегического характера». Подчеркивая свою приверженность перонизму, они одновременно подвергают критике любые попытки перонистского правительства исказить волю народа. Перонистская молодежь Аргентины, ссылаясь на свою готовность участвовать в выборах, опровергает утверждения о том, что она, якобы устранившись от политических форм борьбы, предпочитает насильственные действия. Она опровергла также домыслы о том, будто террор банд правых элементов угрожает распаду молодежной организации перонистов.

В связи с этим внимание наблюдателей, изучающих сложную, противоречивую политическую обстановку в Аргентине, привлек недавний диалог между Рикардо Бальбином, руководителем Гражданского радикального союза, и Раулем Ластири, председателем палаты депутатов и вице-председателем хустисиалистской партии (правящая партия перонистов). Во время встречи оба политических деятеля обсудили различные аспекты нынешней политической обстановки в стране. В том числе были рассмотрены протесты молодежных организаций против недавних арестов студенческих руководителей. Рикардо Бальбин и Рауль Ластири подчеркнули, что политическая ситуация в Аргентине ухудшается, что вызвано растущей волной насилия. Они также рассмотрели требования левых партий и молодежных организаций об отмене осадного положения, введенного, как они утверждают, исключительно для того, чтобы подавить всякую оппозицию правительству.

«БОЭМИА», КУБА

2.

На полпути между столицей Хорватии Загребом и Ядраном, стоящим на побережье Адриатического моря, стиснутое горными массивами Мала Капела и Пешевница, располагается красивейшее ущелье. На протяжении почти 7 километров горные речушки образуют 16 средних и маленьких озер, связанных между собой каскадами водопадов. Высота самого крупного из них — 80 метров.

Озера глубиной до 40 метров могут быть изумрудными, бирюзовыми, всех цветов радуги. Это и понятно: горные реки отличаются большим содержанием кислорода и обилием растворенного

в воде карбоната кальция. Он уже тысячелетия оседает на дне озер, обволакивая толстым слоем водоросли и образуя травертин — породу, придающую своеобразную окраску воде.

В 1949 году органы народной власти Югославии объявили озеро Плитвице и прилегающие к нему территории Национальным парком, обеспечив этому чуду природы надежную охрану. Это было очень важно, ибо здесь девственные леса бука, ели, клена, осины, сосен. А обитают в лесах медведи, волки, куницы, лисы, дикие утки, а кроме того, сотни пород птиц.

Впрочем, горная и озерная цепь Плитвице не только природный памятник: здесь 14 июня 1943 года прошло первое заседание Антифашистского совета Национального освобождения Хорватии, совета, из которого позже был образован верховный государственный орган этой республики СФРЮ.

«АРЕНА», ЮГОСЛАВИЯ

3.

Кому не известно имя великого датского сказочника Ханса Христиана Андерсена? И у взрослых и у детей оно связано с самыми светлыми страницами жизни. Но как хотелось бы услышать все эти невероятные и вместе с тем такие реалистичные истории из уст самого великого сказочника!

Эти ребяташки, живущие в центре Копенгагена, утверждают, что иногда, по вечерам, когда шумная датская столица стихает, Андерсен тихо нашептывает им на ухо «Дюймовочку» и «Огниво». Что ж, сказочники всегда окружены сказочными историями...

«АКТУЭЛЬТ», ДАНИЯ

4.

В 1936 году австрийский археолог В. Кёниг обнаружил в Ираке в слоях двухтысячелетней давности своеобразные гальванические элементы, которые описал так: «В сосуде из светло-желтого фаянса в форме вазы без горла находился залитый асфальтом медный цилиндрок. Высота вазы составляла около 15 сантиметров, цилиндрок из медного листа имел диаметр 26 миллиметров при высоте 9 сантиметров. В нем в виде пробки был закреплен асфальтом железный стерженек, верхний конец которого на один сантиметр выступал над краем сосуда. Этот конец был покрыт тонким слоем окислившегося металла, вероятно, свинца. Нижний конец железного стерженька, на котором был трехмиллиметровый слой асфальта, не касался дна цилиндра.

Этот необычный сосуд не является единственной находкой такого типа. В районе Селеукии (Ирак) учеными был найден продолговатый сосуд с несколькими соединенными вместе железными и медными стержнями, а в Ктесифоне было обнаружено десять таких же элементов. По образцу этих древних находок были изготовлены модели. При использовании в качестве электролита пятипроцентного уксуса модели могли вырабатывать ток напряжением 0,5 вольт в течение 18 дней. Этого было достаточно для серебрения медных сосудов. Рядом с гальваническим элементом были обнаружены три «магических» мисочки. Видимо, кому-то в те времена было выгодно объяснить простым земледельцам и пастухам непонятные явления таинственного электричества с помощью волшебных сил.

«ХОРИЦОНТ», ГДР

5.

Опыты, проведенные доктором Джорджем Манном, показывают, что какое-то вещество, содержащееся в йогурте (кислом молоке), может понижать содержание холестерина в крови.

Работая с животными, доктор Манн обнаружил, что уровень содержания холестерина повышается, когда в пищу добавляются поверхностно-активные вещества, употребляемые, например, при консервировании. Ученый отправился в Восточную Африку, чтобы проверить подмеченную закономерность в племени масаи, у членов которого процент холестерина низок, хотя их обычное меню перегружено животным жиром.

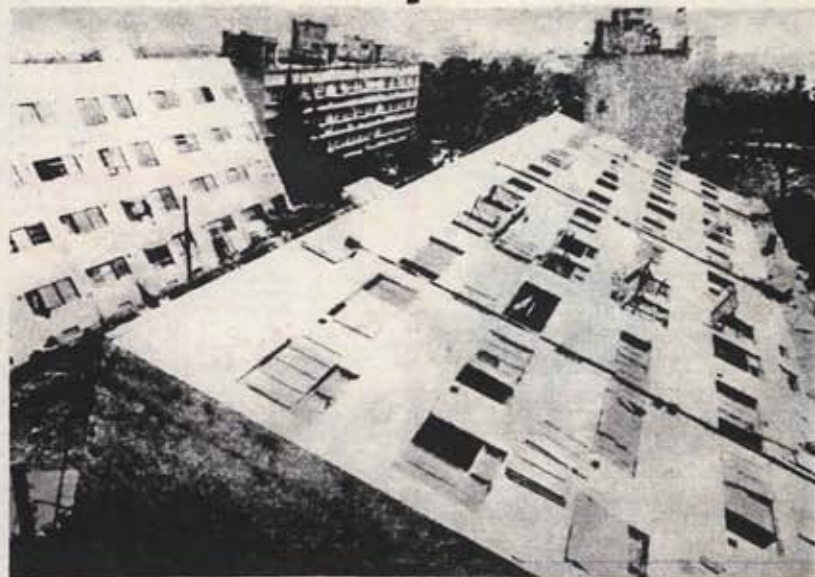
Надо сказать, что стол масаи состоит из ежедневно потребляемого галлона (4,5 литра) йогурта домашнего приготовления и еженедельного мясного пиршества. Молодым мужчинам племени было предложено разделить на две группы. Одни получали добавки поверхностно-активного вещества к йогурту, другие поглощали чистый йогурт. Напиток раздавался в любом количестве, и мужчины вскоре стали выпивать йогурта в два раза больше, чем обычно, и, естественно, начали прибавлять в весе, а поскольку это, как правило, свидетельствует о повышении содержания холестерина в крови, то доктор Манн спустя три недели прекратил эксперимент.

Когда были проведены контрольные измерения, доктор изумился: в обеих группах уровень содержания холестерина весьма существенно снизился. Одновременно выяснилось, что чем больше потреблял человек йогурта, тем значительнее было это снижение. Ученый проверил свои выводы и на взрослых американцах, которые, как известно, охотно включают в свое меню йогурт домашнего изготовления.

«РИДЕРС ДАЙДЖЕСТ», США

Интересно, что и на железной дороге придумали приспособления, сигнализирующие об опасности и останавливающие поезд. Что касается новой системы строительства жилых зданий, то в Японии ее уже успели испытать. Система оправдала себя. В 1964 году во время землетрясения в городе Нигата специально построенные блоки жилых домов (на снимке) остались почти целыми, а их обитатели отделались лишь легкими ранениями.

«ЖИВОТ», ЧССР

размещать все это по краям плоского экрана в виде декоративной рамы.

Массовое производство плоских телевизоров пока еще не налажено, а образец, показанный в Сан-Франциско, обошелся в несколько десятков тысяч долларов. Однако фирма «Вестингауз» заявила, что через десять лет она будет выпускать цветные плоские телевизоры на конвейере, а их цена будет не дороже «ящичков» старого типа.

«ДООКОЛА СВЯТА», ПОЛЬША

6.

«Страшно подумать, какому риску подвергает себя человек, живущий в Токио...» — признался бывший премьер-министр Японии Какуэй Танака после того, как в двухстах километрах южнее Токио, на южной части полуострова Ису, было зарегистрировано сильнейшее за последние девять лет землетрясение. Оно было настолько сильным, что в столице зашаталась небоскребы. Число убитых достигло 30 человек, 150 зданий было полностью уничтожено и свыше тысячи зданий пострадало частично. Это нагало на людей страху, тем более что японцы еще не забыли 1 сентября 1923 года, когда в «землетрясении столетия» погибло более 143 тысяч жителей Токио.

Прогнозы японских и американских экспертов этот страх еще более увеличивают. Ученые предполагают, что в ближайшие годы Япония вновь ожидает сильное землетрясение, настолько сильное, что может погибнуть около миллиона человек. Этим прогнозом не замедлил воспользоваться при написании своего бестселлера «Гибель Японии» (фильм с одноименным названием демонстрировался на Международном кинофестивале стран Азии и Африки в мае 1974 года в Ташкенте.— Прим. перев.) известный автор Сакко Камаду. Своей книгой, а позднее и фильмом он вызвал настоящий ажиотаж: Каману пишет о катастрофе, уносящей сорок миллионов жизней, а сама Япония вообще перестает существовать...

Тут поневоле начнешь размышлять о безопасности. Новые дома должны «научиться» противостоять подземным толчкам, ну, а старые здания приходится просто опоясывать стальным каркасом.

7.

Уже давно инженеры работают над созданием плоского телевизора. И хотя экраны кинескопов увеличиваются, глубина их, как известно, становится все меньше. Существует определенная тенденция — создать плоский телевизор, который можно было бы повесить на стену, как картину.

Похоже на то, что «телевизор-картина» в течение нескольких лет будет создан. На технической выставке в Сан-Франциско американская фирма «Вестингауз» продемонстрировала образец такого телевизора. Если в выпускаемых сейчас приемниках изображение рисуется стрелительным электронным лучом, бегающим по передней стенке кинескопа, то в телевизоре фирмы «Вестингауз» иной переносчик электромагнитных импульсов. Поэтому отпадает необходимость иметь громоздкую длинную стеклянную трубку, в которой рабочей частью является только передняя стенка-экран, где появляется изображение.

В роли переносчика электромагнитных импульсов в плоском телевизоре выступают миниатюрные электронные элементы, которые могут светиться с разной интенсивностью. Так, на экране размером 15 × 15 сантиметров размещается 36 тысяч таких элементов. Изображение на экране возникает в виде различных сочетаний крошечных светящихся точек, а толщина экрана составляет всего четыре миллиметра.

«Управляющий центр» плоского телевизора, где сосредоточена вся обычная для него электронная «начинка», может находиться отдельно от экрана и соединяться с ним кабелем. Однако в будущем предполагается

Ежегодно сотни девушек, страдающих от безответной любви, рассказывают о своих печалях героине знаменитой шекспировской трагедии «Ромео и Джульетта». Письма свои они адресуют в итальянский город Верона. Послания эти не исчезали бесследно. До самого последнего времени девушки получали ответы, помогающие им разобраться в бесконечно сложных, поистине вечных, неумиряющих проблемах.

Увы, теперь юные влюбленные, сетующие на свою горестную судьбу, не получают более советы из Вероны. Ибо секрет Джульетты раскрыт. «Джульеттой», которая писала эти ласковые и нежные письма, оказалась шестидесятишестилетний вдовец профессор истории Джинно Белтрамини. Письма, адресованные героине Шекспира, передавал ему мэр Вероны, где, как известно, и происходит действие трагедии.

Профессор говорит: «Люди, открывшие миру мою тайну, нарушили все очарование и всю привлекательность этой затеи. Поскольку секрет более не существует, я отказываюсь от роли Джульетты».

«УИКЭНД», АНГИЛИЯ

9.

В прошлом году в Северной Норвегии снимался фильм, сюжетом которого послужило действительное событие. Главной героиней была Свангильд Гартвигсен. Хотя она мать четырех детей, в Норвегии ее и поныне называют «орлиной девочкой».

Это случилось 7 июня 1932 года. Трехлетняя Свангильд играла в саду. Старшие братья присматривали

за ней, а потом занялись своими делами. Малышка на какое-то время осталась без надзора, а затем бесследно исчезла. В поисках приняли участие все жители деревни, но часы уходили, а с ними таяли надежды, что пропавшая еще жива. Вернувшись в это время из поездки в горы две женщины рассказали, что они видели, как над расположенным неподалеку от деревни горным массивом Хага летают и довольно странно ведут себя орлы. Хотя все сомневались, что это может иметь связь с пропавшим ребенком, все же в указанном направлении пошла группа альпинистов. В скалах, над которыми беспокойно кружились орлы, на небольшой площадке у пропавшей глубиной 250 метров была обнаружена спящая девочка. Неподалеку находилось орлиное гнездо.

Как попала туда Свангильд — она не знала: «Я лежала на высокой скале, потом внизу я увидела дома нашей деревни. Я боялась большой птицы, которая все прилетала ко мне, и швыряла в нее камнями. Потом моя нога застряла, я плакала очень долго, а потом уснула».

Потрясение от пережитого осталось у нее на долгие годы. Она не забывалась от страха перед большими птицами и до сих пор ни разу не рискнула полететь на самолете.

Теперь воспоминания о том единственном в своем роде путешествии по воздуху ожили, когда Свангильд Гартвигсен участвовала в съемках посвященного ей фильма в качестве почетного гостя и консультанта.

«ФИБ АКТЮЭЛЬТ», ШВЕДИЯ

10.

Год назад в Венгрии была проведена школьная реформа. Одним из наиболее важных ее положений было сокращение количества учебного материала, который учащийся должен проработать в школе. В результате школьники получили больше времени для отдыха и самообразования, что и было одной из целей реформы.

Пригодны ли для использования молодежи культурно-просветительные учреждения, клубы, дома культуры и т. п.? Анкетное обследование показало, что 16 процентов учеников регулярно посещают школьные клубы, 17 процентов ходят в клубы других организаций и предприятий (например, где работают их родители), а 28 процентов постоянно бывают в домах культуры и клубах, организованных народными советами.

Часть педагогов полагает, что 16 процентов учеников, выбирающих школьные клубы, — это слишком мало, ибо именно в школьных клубах существуют наилучшие условия для соединения отдыха после занятий не только с развлечением, но и с самообразованием. Некоторые учителя предлагали даже сделать посещение школьного клуба после занятий обязательным. Другие же против такого предложения возражали, указывая, что фантически это попросту приведет к удлинению обычных школьных занятий, к уменьшению у школьников свободного времени и к понижению действительности самой реформы. Некоторые отметили, что общий процент учеников, пользующихся после занятий различного рода культурно-просветительными учреждениями, и без того достаточно высок. Результаты анкетного обследования показывают, что в этом отношении Венгрия превосходит многие другие страны.

Из дискуссии был сделан вывод: необходимо придать культурно-просветительным учреждениям такой профиль, чтобы ученики быстрее и лучше усваивали проходимый в школе материал. «Привлекать» же учеников к школе нецелесообразно.

Один из участников дискуссии заявил: «Если школьные клубы не имеют для учеников достаточной привлекательности, то в этом следует винить не учеников, а организаторов клубов, которым, вероятно, не удается вызвать у своих посетителей достаточного интереса».

«МАДЬЯР ИФЬЮШАГ», ВЕНГРИЯ

Петру Куличу 24 года. Родился в Сочи: учился в Краснодаре в Политехническом институте; работает в Барнауле на шинном заводе начальником смены в цехе контрольно-измерительных приборов и автоматики. Печатается вот уже пять лет. И все эти годы пытается выразить то, чего, говоря словами А. П. Чехова, «не может быть, потому что этого не может быть никогда».

ШАХМАТЫ

Под редакцией мастера Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

ЛЮБИТЕЛЬ ШАХМАТ

ТРЕТИЙ ТУР

На заключительном этапе шахматного конкурса «Смены» (см. №№ 1 и 5) участникам следует найти решения двух задач и проанализировать фрагмент из турнирной партии. Журни просит читателей, заинтересованных в получении спортивного разряда по шахматам, в своих письмах на третий тур обязательно представлять свои конкурсные регистрационные номера. Необходимо также пользоваться только полной шахматной нотацией (общепринятой системой обозначения фигур и их ходов).

Белые начинают и дают мат в три хода (4 очка).

II

Во сколько ходов белые быстрее всего форсируют ничью или объявляют мат? (6 очков).

III

Ход черных. Как должна закончиться борьба при наилучших действиях обоих партнеров? (7 очков)
Запомните, пожалуйста, что письма на третий тур конкурса надо посылать в адрес редакции «Смены» с 20 апреля по 15 мая сего года.

Краткие правильные ответы на все конкурсные позиции и фамилии составителей задач и соперников в подниках, фрагменты из которых приводятся в нашем заочном соревновании, мы сообщим в специальном итоговом материале в конце года.

АТАКУЕТ РАФАЭЛ ВАГАНЯН

Уверенную победу на международном шахматном турнире в Крагуеваце (Югославия) одержал 23-летний советский гроссмейстер Рафаэл Ваганян. Превосходный спортивный результат 11½ из 15 (без единого поражения) позволил ему наминого опередить всех соперников, в том числе семерых гроссмейстеров из ряда европейских стран. Примером активной, предпринимчивой игры победителя служит его острый поединок с чехословацким гроссмейстером М. Яншой.

1. d2—d4 Kq8—f6 2. Cc1—q5 e7—c5 3. d4—d5 Фd8—b6 4. Kb1—c3, Фb6:b2 5. Cq5—d2! Фb2—b6 6. e2—e4 d7—d6 7. f2—f4 g7—g6! Партнеры нешаблонно разыграли дебют ферзевой пешки. Ваганян (у него белые) ради быстрой мобилизации сил не побоялся отдать пешку. Трудно оценить шансы сторон в случае, если бы черные нашли сейчас правильное продолжение 7...e6. Избранный же им план, основанный на фланговом развитии чернопольного слона, на поверку оказался неудачным.

8. e4—e5! Kf6—d7 9. Kgl—f3 Cf8—q7 10. La1—b1 Фb6—d8 11. e5—e6 f7:e6 12. Kf3—q5! Белые темпера-

ментно штурмуют подступы к королю противника, не останавливаясь перед жертвой еще одной пешки. Конечно, теперь черных никак не устраивал вариант 12...Kf6 13. Cb5+! Kpf8 14. e6 Фc7 15. Cc4 a6 16. f5!, в котором нараставшие угрозы белых отразить не представлялось возможным.

12...Kd7—f8 13. Cf1—b5+ Cc8—d7 14. d5:e6 Cd7:b5 15. Kc3:b5 Фd8—c8 16. 0—0! a7—a6 17. Cd2—c3! a6:b5 18. Cc3:g7 Lh8—g8 19. Cg7:f8 Lg8:f8 20. Kg5:h7. Королевский фланг Янсы буквально растерзан энергичными операциями Ваганяна. Даже мало-мальски удовлетворительного продолжения за черных не видно, хотя некоторое время они еще упорно сопротивляются.

20...Lg8—g8 21. f4—f5! g6:f5 22. Фd1—h5+ Kpe8—d8 23. Фh5—f7 Lg8—e8 24. Lf1:f5 Фc8—c6 25. Lb1—e1 La8:a2. Следует красивый кавалерийский прыжок, достойно венчающий весь наступательный порыв Ваганяна. Непосредственную опасность королю удастся снять, однако возникающий на поле сражения эндшпиль без качества черным не спасти.

26. Kh7—f6! La2:c2 27. Фf7:e8+ Фc6:e8 28. Kf6:e8 Kpd8:e8 29. h2—h4! Lc2—c4 30. h4—h5 Kb8—c6 31. Le1—f1 Kpe8—d8 32. Lf5—f4 Ke6—d4 33. Kpg1—h2! Kd4:e6 34. Lf4:c4 b5:c4. Ладья несравнимо мощнее коня, да еще при наличии у белых такого козыря, как проходные пешки.

35. h5—h6! Ke6—g5 36. Kph2—g3 b7—b5 37. Kpg3—h4 Kg5—h7 38. g2—g4 c4—c3 38. g4—g5, и черные капитулировали.

КТО ЖЕ ВСЕ-ТАКИ ПРАВ?

В высшей степени курьезный случай имел место в одной из шахматных партий.

В позицию, которую вы видите на диаграмме, очередь хода была за черными. Не успели они объявить шах неприятельскому королю, сыграв 1...g7—g5+!7, как вдруг оба соперника одновременно воскликнули «Сдаюсь!».

Как это могло произойти? Кто из партнеров ошибся и кто оказался прав?

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 4/III 1975 г. А 00806. Подписано к печати 28/III 1975 г. Формат 70×108½. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 200 000 экз. Изд. № 984. Заказ № 297. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

СЕРЬЕЗНО *mf*

ДЫ - МИ - ЗАСЬ
ПО - ША (2 КРИ) ДОЛ (2 К) ГО - РО - Д.
И ВНЕ - СТИ С НЕР - ГО - ПЕЛ ЗА - КАТ... НАС ОС - ТА -
- ВА - ЛОСЬ ТОЛЬ - КО ТРО - Е
ИЗ ВО - ШЕ - НАЛ - ЦА - ТИ РЕ - БЯТ. КАК МЕД - ТУ

ИХ. ДРУ - ЗЕЙ ДО - РО - ШИХ. ДИ - МАТЬ О -
- СТА - ЛОСЬ В ТЕМ - НО - ТЕ,
У НЕ - ША - РО - МО - ГО ДО - СЕЛ - КА НА ШЕ - ШЕ -
- МЕН - НОЙ ВЫ - СО - ТЕ,
У НЕ - ША - РО - МО - ГО ДО -

- СЕЛ - КА НА ШЕ - ШЕ - МЕН - НОЙ ВЫ - СО -
- ТЕ.
- ТЕ.
2. ОН - ТИ - ЗАСЬ,
- ТЕ.
3. НАЛ - ЦА - М

На безымянной высоте

Песня из кинофильма «Тишина»

Слова Михаила МАТУСОВСКОГО

Музыка Вениамина БАСНЕРА

Дымилась роща под горою,
И вместе с ней горел закат...
Нас оставалось только трое
Из восемнадцати ребят.

Как много их, друзей хороших,
Лежать осталось в темноте
У незнакомого поселка
На безымянной высоте.

Светилась, падая, ракета,
Как догоревшая звезда...
Кто хоть однажды видел это,
Тот не забудет никогда.

Он не забудет, не забудет
Атаки яростные те
У незнакомого поселка
На безымянной высоте.

Над нами «мессеры» кружили,
И было видно, словно днем...
Но только крепче мы дружили
Под перекрестным артогнем.

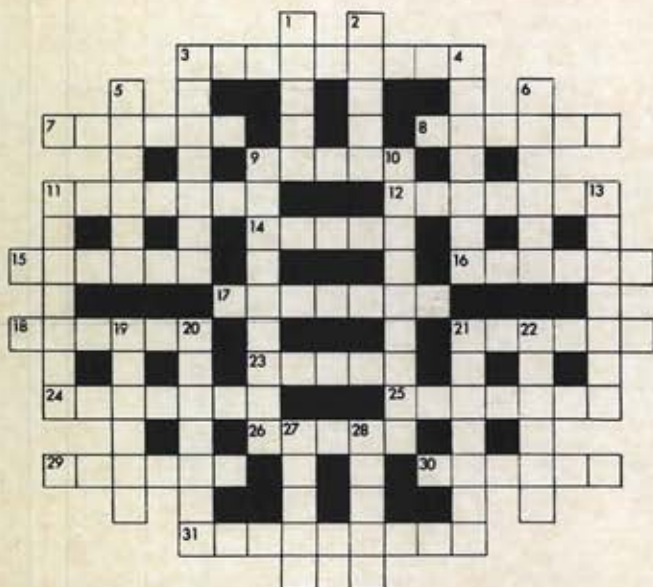
И как бы трудно ни бывало,
Ты верен был своей мечте
У незнакомого поселка
На безымянной высоте.

Мне часто снятся все ребята,
Друзья моих военных дней,
Землянка наша в три наката,
Сосна сгоревшая над ней.

Как будто вновь я вместе с ними
Стою на огненной черте
У незнакомого поселка
На безымянной высоте.

КРОССВОРД

Составил А. ДАНИЛОВ,
г. Белая Калитва, Ростовской обл.

По горизонтали:

3. Казахский просветитель XIX века. 7. Порода охотничьих собак. 8. Роман О. Гончара. 9. Деревянный духовой инструмент. 11. Столица африканского государства. 12. Величина, принятая в качестве меры. 14. Участник состязания, идущий впереди. 15. Музыкальный интервал. 16. Река в Якутии. 17. Советский математик, академик. 18. Русский изобретатель

прототипа гусеничного трактора. 21. Страна света. 23. Норма расходования средств. 24. Персонаж оперы М. П. Мусоргского «Борис Годунов». 25. Река, впадающая в Каспийское море. 26. Порт на Северном море в Великобритании. 29. Искусственная приманка в спортивном рыболовстве. 30. Якутский героический эпос. 31. Революционерка, советский дипломат.

По вертикали:

1. Хвойное дерево. 2. Бальный танец. 3. Опера П. И. Чайковского. 4. Наиболее высокая часть горы, хребта. 5. Спортсмен-бегун. 6. Персонаж драмы А. П. Чехова «Три сестры». 9. Коллекционирование марок. 10. Аппарат для поддержания определенной степени нагрева

или охлаждения. 11. Геодезический инструмент. 13. Весенний цветок. 19. Норвежский исследователь Арктики. 20. День недели. 21. Зодиакальное созвездие. 22. Декоративный устаревший. 27. Французский писатель эпохи Возрождения. 28. Город на Украине.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД.
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали:

3. Строфика. 5. Комплекс. 8. Цифра. 10. Париж. 11. Ромео. 12. «Егерь». 13. Ветеринар. 14. Камбала. 19. Песчаник. 22. Арктика. 23. Соломоноподобный. 25. Перелет. 27. Кальмар. 29. «Калинка». 33. Перепонка. 34. «Уинита». 35. Апорт. 36. Нерис. 37. Измир. 38. Гардероб. 39. Канифоль.

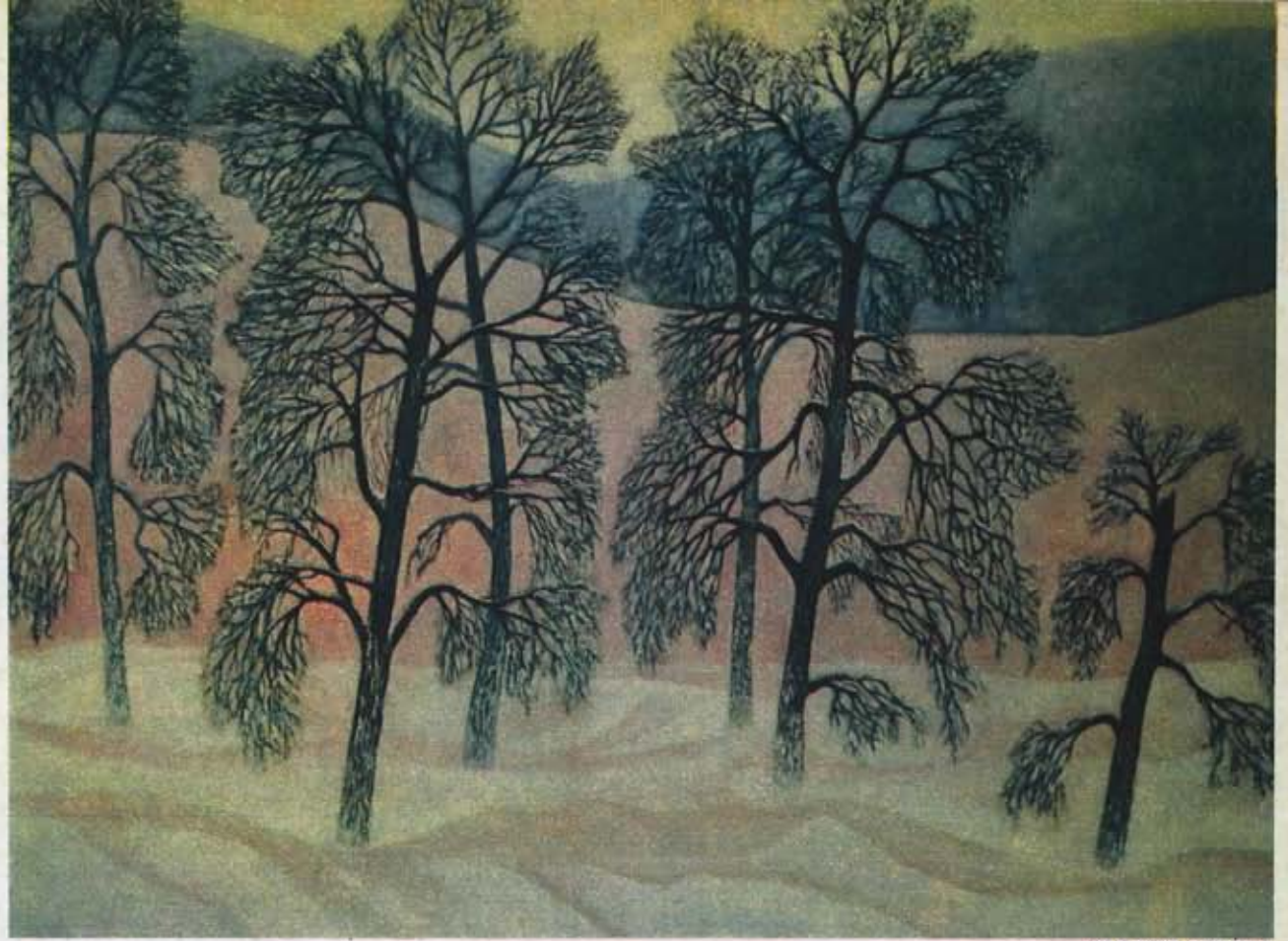
По вертикали:

1. Козловка. 2. Сложение. 3. Самосвал. 4. Корнет. 6. Опанас. 7. Скорула. 9. Парафинотерапия. 15. Буссоль. 16. Люблина. 17. Триолет. 18. Планыш. 20. Стрелка. 21. Кальяри. 24. Таганрог. 26. Акварель. 28. Маханади. 30. Логарифм. 31. Мерило. 32. Сказка.

СВОЯ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ

ЦВЕТОК В ОКНЕ.

ЗИМНИЕ УЗОРЫ.

КАЗАХСТАН.

ВСТРЕЧА С ДЕТСТВОМ.

ПУРПУРНАЯ ПЕСНЯ.

Владимир Корнин, выпускник декоративно-оформительского отделения Саратовского художественно-промышленного училища, — художник начинающий, напряженно ищущий свое «я» в искусстве. К чему же тяготеет мысль художника, что отбирает он из окружающей жизни?

Земля, залитая ровным светом и талой водой, освещенная нежным зеленым пухом пробудившихся и жизни берез... Художник не просто перечислил видимое, — он сумел передать на полотне состояние ликующего счастья, и это стало содержанием картины «Весна-красна».

Еще одна работа — «Пурпурная песня». Оттуда-то сверху, с крутого холма, увидел живописец горсть деревенских избышек, разбросанных по снегу, солнце и веселые дымки, пронизанные его огнем. Все слито в едином хороводе, все пронизано ощущением рвущейся из глубины души, сию секунду рождающейся песни.

Добро и зло... Их постоянная борьба. Владимир Корнин обращается к этой гуманистической теме, чтобы выра-

зить в ней свое миропонимание и решить художественные проблемы. В его воображении возникает образ женщины как символ добра и справедливости. Зло угнетает ее, сменяет яркие краски, — и на полотне возникает охристая бледность тонов, подчеркивающая опустошенность глаз героини, привычность ее страдания. Но «Женщина и кантус» — вещь вовсе не пессимистическая, она вызывает протест против зла и несправедливости.

Выразить на полотне не мимолетное настроение, не единое мгновение, а вечное начало в природе и в человеке — к этому стремится молодой художник.

Владимир Корнин закончил период ученичества. В его картинах еще ощутимо влияние затаенно-грустных пейзажей Борисова-Мусатова, сдержанная страстность полотен Петрова-Водкина. Это и понятно: оба живописца — земляки В. Корнина. Но уже приходит к молодому художнику свой почерк, своя выразительность.

Лидия ВАСИЛЬЕВА